Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 23—24 31 ДЕКАБРЯ

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1 9 2 7
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«П Р А В Д А»

Главлит А—4336. Москва. Тираж 80000 экз.

Тип. изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузск. мост Серебрянич. наб., д. 23а.

Иначе быть не может.

Оппозиционные «герои» очень любят указывать на тот факт, что никогда еще партия не относилась так к оппозиции, как она относится к ней теперь, что такого положения, дескать, «никогда не было при Ленине».

Что *такого* положения не было при Ленине—это бесспорный факт. Но из этого факта, конечно, не вытекает, что партия перестала быть ленинской.

При Ленине не было теперешнего оппозиционного блока, пытавшегося создать вторую партию и пытавшегося выступить не только против партии, но и против режима пролетарской диктатуры.

Ни перед каким с'ездом партии при Ленине оппозиция не находилась в таком положении, в котором она оказалась к моменту XV с'езда.

Партия осталась ленинской, и именно поэтому она дала такой жестокий отпор оппозиции, дерзнувшей пойти в своей борьбе против партии так далеко, как не шла ни одна оппозиция при Ленине.

Спору нет, оппозиция оказалась в очень «ненормальном» положении. Достаточно отметить три «звена», составляющие оппозиционную «цепь» ко времени пятнадцатого с'езда, чтобы понять эту «ненормальность».

Во-первых, оппозиция представляется членами ее, *еще оставшимися в партии*, из числа которых выступали на с'езде тт. Раковский, Евдокимов, Каменев, Муралов, Бакаев и которым «подпевал» тов. Минин.

Во-вторых, ее идеологически определяющими «вождями», на которых ссылались представители оппозиции на с'езде, которыми клялись и под знаком гегемонии которых «витали мыслью» оппозиционные ораторы, остались тт. Троцкий и Зиновьев, *исключенные из партии.*

В-третьих, представители оппозиции подчеркнули свою неразрывность с теми оголтелыми фракционерами, которые не только исключены из партии, но за свою *антисоветскую* деятельность *подвергнуты* советскими органами аресту.

«Товарищи,—заявил в своей речи на с'езде т. Каменев,—такое положение, когда такие люди, как Мрачковский, находятся в тюрьме (*голос*: «За то, что типографии заводили!») ...а мы находимся на свободе перед вашими глазами,—оно *неудержимо*. Мы вместе с этими товарищами боролись. Мы несем ответственность за все их действия... *Нас от них отделить нельзя*»...

Партийные, исключенные из партии и арестованные за антисоветскую деятельность,—вот звенья единой оппозиционной цепи, звенья, которые, по уверениям тов. Каменева, друг от друга «отделить нельзя».

И эта солидаризация, конечно, не случайна. Целиком прав тов. Рыков, заявивший в ответ на выступление тов. Каменева:

«Оппозиция держит сейчас ответ за всю свою идеологию как «подписанную» в документах, так и не подписанную, за всю свою деятельность как легальную, так и нелегальную. Лидеры оппозиции должны не солидаризоваться, а держать ответ с пострадавшими от репрессий Советского государства, которое, согласно их же заявлению XV с'езду, является государством пролетарской диктатуры, за нарушение законов этой диктатуры. *Когда т. Каменев с этой трибуны спрашивает, кто ответствен за то, что несколько оппозиционеров посажено в тюрьму, я говорю: ответствен Каменев, он их к этому привел. (Голоса*: «Правильно!» *Аплодисменты).*

И Фишелев, и Мрачковский, и Троцкий, и Зиновьев, и Каменев, и Раковский—боролись против партии под одними идейными знаменами, чуждыми большевизму. Разница между ними заключается, помимо различия в их индивидуальных качествах, которые в данном случае интереса не представляют, в большей или меньшей степени выявленности покушения с их стороны на режим пролетарской диктатуры.

Но что идейное лицо у них одно, что к борьбе против партии, борьбе, перешедшей рамки советской легальности, они вдохновлялись более или менее единым политическим «миропониманием», общей для них троцкистской идеологией—в этом сомнений быть не может.

Тов. Евдокимов, между прочим, указал, что рабочие массы подходят теперь к внутрипартийным спорам более сознательно, чем прежде.

«Два года тому назад и даже еще год тому назад рабочий класс меньше, нежели теперь, интересовался нашей внутрипартийной борьбой и меньше вникал в нее. *(Шум).* Иные рабочие даже считали, что это просто драка вождей наверху, пожалуй, даже из-за портфелей. (*Шум, крики*: «Ложь!»). *Теперь не то*. Один из главнейших итогов за эти два года в том и заключается, что нашими внутрипартийными спорами заинтересовался весь, или почти весь рабочий класс (*Сольц*: «Не заинтересовался, а понял». *Голос*: «А что вы дали в ответ?». *Шум).*

Тов. Евдокимов, конечно не совсем продумал то, что он сам сказал. Раньше—рабочие считали, что происходит «драка из-за портфелей», «теперь не то», теперь рабочие подошли к внутрипартийным спорам более сознательно.

Тов. Евдокимов, несомненно, преувеличил в утверждении, что *раньше* рабочие мало понимали в дискуссии, но он прав в том, что *теперь* рабочие поняли смысл внутрипартийных споров лучше, чем прежде.

Однако, что же из этого следует?

«Два года тому назад» оппозиция еще имела за собой известные слои сочувствующих ей рабочих (хотя бы в Ленинграде), а теперь—ни один сколько-нибудь трезво мыслящий оппозиционер не осмелится утверждать, что *за ними* идут значительные слои рабочих. Наоборот, тов. Каменев и др. прямо признались на последнем пленуме, что их дело в массах «на данной стадии развития» проиграно.

Итак: пока рабочие массы недостаточно вникнули в суть споров, они еще имели в своих рядах слои, политически кредитующие оппозицию; когда же рабочие стали сознательнее (*«теперь не то»),—тогда и эти слои отказали оппозиции в кредите.*

Так получается, если даже исходить из утверждений тт. Каменева и Евдокимова.

Но это—попутно, а главное заключается в данном случае, *в другом*. И тов. Каменев и тов. Евдокимов старательно доказывали, что именно их *идейные* убеждения, именно их приверженность к своему (троцкистскому) *кругу идей*, суть которых поняла теперь и рабочая масса, побудили их к той борьбе, которую они вели против партии. Мы можем с этим согласиться (хотя и полагаем, что принципиальностью в своих идейных излияниях оппозиция отнюдь не отличалась). Но если это так, *то*, стало быть, то, *что, прежде всего, отделяет оппозицию от партии*—есть их идеология, их *троцкистская*, по определению партии и по своему существу, *идеология*. Не трудно понять и то, что обостренность борьбы оппозиции против партии об'ясняется, в весьма значительной мере, *напряженностью разногласий, степенью того «инакомыслия», которое отделило оппозицию от партии.*

Если бы, скажем, тт. Каменев, Евдокимов и др. полагали, что партия должна освободить еще 10% крестьянства от налога, то они могли бы защищать это свое предложение, не организуясь во фракцию, ибо *только на этом* никакой «платформенной» группы создать нельзя.

В том-то и дело, что тт. Каменев, Евдокимов и др. имеют с партией *крупные* разногласия по *коренным* вопросам политики, в том то и дело, что они дают принципиально иную оценку классовых отношений в нашей стране и в капиталистических странах, в том-то и дело, что, еще не делая *по всей линии* меньшевистских практических выводов, они их сделали в ряде выступлений, став на путь *антисоветской* борьбы.

Последняя идейно «обосновывалась» и подготовлялась теорией недостаточности *внутренних* сил нашей революции для построения социализма, тесно связанной с ней теорией «термидора» и т. д.

«Термидорианские» и «клемансистские» «птички» вылетали из уст оппозиционеров не случайно, как не случайна, а вполне закономерна и связь «термидорианских» и «клемансистских» идей с выступлениями оппозиции, нарушающими советскую легальность.

Но отсюда непосредственно вытекает, что действительное, окончательное прекращение оппозиционной борьбы против ленинизма, против партии Ленина и против режима пролетарской диктатуры предполагает непременно *отказ оппозиции от той идеологии, которой «обосновывается» антипартийная и антисоветская деятельность оппозиции, открытое и прямое осуждение этой идеологии.*

По этому поводу, конечно, могут возразить, что троцкизм проявлял себя внутри партии неоднократно и при Ленине, и, тем не менее, де, Ленин не требовал исключения троцкистов из партии.

Но, ведь, троцкисты при Ленине никогда не развертывали такого пахучего «букета» антипартийных идей, которые характерны для современной оппозиции и которые, и по существу и формально, являются *меньшевистскими* идеями.

Троцкизм проделал внутри партии путь от сравнительно скромных выступлений против ленинизма (при Ленине) до открытого перехода на сторону меньшевизма в ряде решающих *программных* политических оценок; тем самым троцкизм возвращается к своему *исходному* положению, когда он боролся вместе с меньшевиками против партии Ленина; тем самым он поставил себя *вне* большевистской партии.

Отказалась ли оппозиция *в выступлениях* ее представителей *по политическому отчету ЦК* от своей троцкистской идеологии? Нет, не отказалась.

Тов. Каменев, наоборот, очень настойчиво защищал право оппозиции на пропаганду ее взглядов.

> «Требовать отказа, отречения от взглядов,—заявил т. Каменев,—это, по нашему мнению, было бы не по-большевистски»... «это—вещь явно невыполнимая». «И мы думаем,—утверждал он,—что *наша критика*, которую мы обязуемся проводить в строгих рамках устава партии, *она еще пригодится партии*».

И в порядке детализации тов. Каменев повторяет каталог оппозиционных оценок и обвинений, направленных против партии. Он настаивает, прежде всего, на социал-демократической постановке вопроса о недостаточности *внутренних* сил для построения социализма в нашей стране.

> «На XIV с'езде основным вопросом наших споров был вопрос о соотношении между нашим социалистическим и крестьянским хозяйством (*Мороз*: «Откажитесь от троцкизма!»). Вы знаете, что именно на этом вопросе мы разошлись до XIV с'езда и после XIV с'езда. Вы упрекали нас именно по поводу нашей постановки этого вопроса в неверии, в маловерии, в панике перед кулаком, в неверии в строительство социализма. Мы говорили со своей стороны, что взгляды, которые развиваются на этот вопрос, страдают необоснованным оптимизмом, прикрашиванием нэпа, недооценкой капиталистических элементов в деревне, а от этого зависит и направление огня. Так что это—один из центральных и основных вопросов наших споров».
>
> «А мы, марксисты, ученики Ленина (*голоса*: «Бывшие ученики!») знаем, что из неправильной оценки классов неизбежно вытекает неправильная политика и тактика. Так вот, товарищи, пока в партии возможны такие оценки, которые ложатся в основу неправильной практической политики, мы не можем отречься от критики таких взглядов, не можем отречься от стремления исправить их и предупредить партию, вызвать в ней даже известную тревогу по поводу подобных оценок и перспектив»...

Итак, «на колу мочало,—начинай сказку сначала». И дальше тов. Каменев с упорством, достойным лучшего применения, еще раз «прогулялся» по до тошноты надоевшим идейным «полям» оппозиционного блока: тут фигурируют и «недоучет» кулацкой опасности и «ошибки» в коренных вопросах китайской революции и в вопросе об англо-русском комитете и т. д. и т. п.

«Оказывается», что события последнего времени «доказали» правоту оппозиции во всех этих вопросах.

Тов. Раковский дополнил «каталог» тов. Каменева «свежей» идеей о свертывании мирового революционного рабочего движения. Он, конечно, не разделяет «оптимистического прогноза и оценки тов. Сталина» относительно «постоянного роста симпатий рабочего класса по отношению к Советскому Союзу», ибо, с точки зрения троцкизма, «действенность этих симпатий уменьшается».

Он даже склонен опереться на буржуазного журналиста, для которого бесспорным является тот факт, что «Советский Союз

перестал быть идеологической опасностью для капиталистических государств».

Словом, все по-старому.

Но если, это так (а это так!), то, *стало быть, сохраняются и «освящаются» идейные факторы антипартийной и антисоветской деятельности оппозиции.*

Разве партия может согласиться на сохранение подобного положения? Конечно, нет. Партия слишком запустила ряд областей практической работы из-за оппозиции, чтобы вновь «повторять сказку сначала». Сохранение подобного положения было бы равносильно раскачке устоев большевистской партии.

Именно поэтому партия стоит на той точке зрения, что только полный отказ оппозиции от ее троцкистской идеологии, *только открытое осуждение* этой идеологии создаст возможность постановки вопроса о возвращении бывших оппозиционеров в ряды партии. Именно поэтому в резолюции по отчету ЦК сказано:

> «Принимая во внимание, что разногласия между партией и оппозицией из тактических переросли в программные, что троцкистская оппозиция стала фактором антисоветской борьбы, *XV с'езд об'являет принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевистской партии».*

К сожалению, для многих троцкистов отказ от антиленинских взглядов уже психологически невозможен: слишком далеко они зашли.

Тов. Каменев сам развивал этот мотив в своей речи:

> «Если бы,—сказал он,—с нашей стороны было отречение от взглядов, которые мы защищали неделю или две недели тому назад, то это было бы лицемерием, вы бы нам не поверили. *Если бы я пришел сюда и сказал: я отрекаюсь от того, что две недели тому назад напечатал в своих тезисах, вы бы мне не поверили, это было бы лицемерием с моей стороны, и это лицемерие не нужно.* Это лицемерие внесло бы гниль в самую суть дела, в самое начало, в основной камень этого перемирия».

Конечно, «лицемерия» партии не нужно. Ей нужен *безусловный отказ от троцкизма.* Это должны бы понять и застрявшие между троцкизмом и ленинизмом товарищи, в роде тов. Минина, выступавшего на с'езде с недостойной попыткой доказать, что антисоветские выступления оппозиции об'ясняются, в значительной мере, неправильной политикой партии до и во время XIV с'езда. Тов. Минин склонен признать, что ее платформа неприемлема, но его же «глубочайшее убеждение» заключается в том, «что была сделана ошибка на XIV с'езде», когда ЦК и партия в целом, якобы, не захотели достаточно энергично мобилизоваться против правой опасности и несправедливо открыли поход против «ленинградской оппозиции».

> «А дело в том,—заключает он,—что во-время нужно было принять соответствующие организационные и прочие меры, чтобы избегнуть более крупных ошибок».

До, во время и непосредственно после XIV партс'езда—по Минину—оппозиция была права, а партия неправа, и только в последнее время соотношение стало обратным.

Подобная «оценка» обнаруживает, что тов. Минин не понял ни *линии* партии, ни того, *каким путем* и *почему* оппозиция скатилась к меньшевизму.

Преувеличение процессов дифференциации в деревне, которое характеризовало «новую оппозицию», имело своей оборотной стороной недооценку середняка, недооценку кооперативного плана Ленина и т. д., что, в свою очередь, вело к ликвидаторской оценке перспектив социалистического строительства в СССР и подготовляло «термидорианскую» теорию.

Оппозиция спускалась *со ступеньки на ступеньку ниже:* она *развивалась,* и ее позиция ко времени XIV с'езда была весьма важным *этапом* ее развития.

С другой стороны, партия имела и имеет *линию:* осуществление решений XIV партконференции и XIV партс'езда, (смысл которых заключался в укреплении союза *с середняком),* создало условия для проведения решений, намеченных XV с'ездом партии. Здесь налицо звенья *одной и той же* политической цепи, а не «зигзаги». Эта сторона дела уже достаточно выяснена в партийной литературе.

Тов. Минин выражает психологию тех товарищей, которые, отходя от оппозиции, никак не могут найти в себе мужества признать, что они были неправы во время своего пребывания в оппозиции.

«Теперь-де, оппозиция не права, но когда мы были в оппозиции, тогда она была права»—таков главный мотив их выступлений.

С этой межеумочной позицией надо покончить. Надо продумать, понять *линию* партии и *путь* оппозиционного ликвидаторства. Надо честно и мужественно признать свои ошибки и вернуться к ленинским позициям.

Ибо только на ленинской основе партия может итти вперед, к новым победам и к новым достижениям.

Оппозиционеры поставили себя вне рядов партии. Только безоговорочное осуждение троцкизма, только до конца проведенное идейное и организационное разоружение оппозиции может создать условия для постановки вопроса о возвращении оппозиционеров в партию.

Иначе быть не может.

Д. Розит.

Расстановка классовых сил в переходный период [1]).

(Общая характеристика условий строительства социализма при диктатуре пролетариата).

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни та заслуга, что я открыл существование классов в современном обществе, ни то, что я открыл их борьбу между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы классов, а буржуазные экономисты—экономическую анатомию классов. То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства, 2) что классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата, 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без классов»... Так писал Маркс к Вейдемейеру в 1852 году в письме от 5-го марта, т.-е. задолго до победы пролетарской диктатуры у нас в октябре 1917 года.

Победа диктатуры пролетариата в СССР очень ярко подтвердила эту марксову теорию классовой борьбы.

Победа пролетариата в октябре 1917 года наглядно показала, что классовая борьба действительно необходимо ведет к диктатуре пролетариата. Она показала, как может вырасти и победить государственная власть революционного пролетариата.

Победоносная диктатура пролетариата перед всем миром подтвердила ту истину Маркса, что само существование классов связано с определенными отношениями производства, т.-е. с частной собственностью на средства производства. Безвозвратная гибель в пролетарской революции класса помещиков, экспроприация и разгром диктатурой пролетариата буржуазии, как господствующего класса—все это достаточно ясно говорило и говорит о возможном и неминуемом уничтожении классов. Огнем вооруженного восстания пролетариат заставил эксплоатирующие классы познать гибель классового общества.

Диктатура пролетариата на протяжении гражданской войны при помощи пушек, пулеметов, винтовок, танков и бомбометов заставляла буржуазию почувствовать правоту учения Маркса об уничтожении эксплоататорских классов. Эксплоататорские классы очень быстро поняли, что речь идет именно об их гибели и уничто-

[1]) Редакция считает настоящую статью актуальной и своевременной, учитывая то обстоятельство, что в первой половине 1928 года на VI мировом конгрессе Коминтерна будет приниматься программа Коминтерна. Данная статья трактует вопросы, связанные с программой Коминтерна.

жении. Они хотели в гражданской войне против диктатуры пролетариата отстоять незыблемость своего существования и господства. Они были биты. В России пролетариат, поддержанный трудящимся крестьянством, разбил в вооруженной борьбе эксплоататоров.

Однако, установление диктатуры пролетариата в России еще не означает полного уничтожения всех классов. Классы еще не уничтожены и к десятой годовщине Октябрьской революции. Помимо пролетариата, имеющего в своих руках государственную власть, существуют крестьянство, ремесленники, кустари, новая буржуазия.

На этом факте спекулируют социал-демократические прихвостни буржуазии. Они, потерпевшие поражение в лобовых атаках против диктатуры пролетариата в прошлом, не отказываясь от новых интервенций, надеются тихой сапой взять свое. При этом они большие надежды возлагают на внутреннее перерождение диктатуры пролетариата. Враги спекулируют на наших трудностях.

Об этом же перерождении диктатуры пролетариата в СССР кричат паникеры и враждебные ВКП(б) элементы из троцкистской оппозиции.

Маркс и Ленин неоднократно подчеркивали, что построение коммунизма путем установления диктатуры пролетариата возможно только на протяжении длительного *переходного периода*. Они неоднократно настойчиво подчеркивали, что пролетариат не получает коммунистического общества сразу, так сказать, в готовом виде на другой день после переворота.

Как на протяжении переходного периода может произойти окончательное уничтожение классов и отмирание государства? Какую политику с этой целью может и должна проводить диктатура пролетариата?

Политика диктатуры пролетариата, которая проводится в течение переходного периода, в основном определяется расстановкой классовых сил, существующей в период непосредственной вооруженной борьбы пролетариата за власть и после завоевания власти.

Правильное понимание расстановки классовых сил в переходный период есть непременное условие борьбы против паникеров и подрывников из троцкистской оппозиции; это вместе с тем непременное условие в руках ВКП (б) для достижения конечных целей классовой борьбы пролетариата.

Установление диктатуры пролетариата значительно меняет расстановку классовых сил и дальнейшую динамику самих классов.

Только с установлением диктатуры пролетариата рабочий класс, как суб'ект истории, начинает переделку классового общества. Он приступает к коренной переделке общества. Он приступает к созданию бесклассового общества. Он заинтересован в уничтожении всех классов, в уничтожении самой возможности эксплоатации человека человеком. В этом процессе создания бесклассового общества (коммунизма) должен быть переделан и сам пролетариат. По словам Энгельса, вся предыдущая история до установления диктатуры пролетариата была только «пред'-историей».

Перед пролетариатом, организованным как государственная власть, стоит вопрос об отношении к другим классам, об уничто-

жении классового общества и об использовании своей диктатуры, как средства для достижения этой цели.

Эту политику можно наметить только при знании отношений всех классов и слоев к государству пролетарской диктатуры, при понимании взаимоотношений между всеми классами накануне победы диктатуры пролетариата и в условиях уже победившей диктатуры пролетариата.

Является ли та расстановка классовых сил, какая существует в переходный период в СССР, единственно возможной при победе диктатуры пролетариата? Нет.

Теоретически мыслимы *три случая* возможной расстановки классовых сил в борьбе за диктатуру пролетариата и при победившей диктатуре пролетариата. Эти три случая следующие: а) чистое капиталистическое общество, как исходное положение в борьбе за диктатуру пролетариата и за построение коммунизма; б) исходное положение в том случае, когда на ряду с капиталистическим производством сохранилось и простое товарное производство и остатки феодализма и в) диктатура пролетариата в крестьянской стране, окруженная империалистическими капиталистическими странами.

* * *

Первый случай предполагает, что существует капиталистическое общество, в котором, кроме буржуазии и пролетариата, нет никаких других классов. Такое общество мыслимо лишь при том условии, если совершенно исчезло бы натуральное хозяйство и если в области товарного хозяйства во всех отраслях производства, в том числе и в сельском хозяйстве, исчезло бы *простое* товарное производство.

Ясное дело, что современное капиталистическое общество к такому типу чистого капиталистического общества могло бы притти только в итоге чрезвычайно значительных изменений, основанных на глубокой технической перестройке его, особенно в области сельского хозяйства. Победа диктатуры пролетариата в чистом капиталистическом обществе (без крестьян и ремесленников) означала бы, что буржуазия, как господствующий класс, как эксплоататорский класс собственников средств производства—уничтожена. При этом условии все отрасли хозяйства,—в том числе все производство хлеба и остальных предметов личного потребления, растительного и животного сырья,—перешли бы в руки победившего пролетариата. Этот случай можно назвать *простейшим* случаем победы диктатуры пролетариата. Простота его, по сравнению с первым конкретно данным случаем в истории диктатуры пролетариата в России, заключается в том, что *все хозяйство* находилось бы в руках рабочего класса *и рядом с пролетариатом не было бы никакого другого класса*, в том числе и крестьянства.

Что представляло бы хозяйство пролетарского государства в этом случае и каковы были бы тенденции его развития в данном случае?

Выше уже было указано, что техническая база чистого капиталистического общества, если бы таковое существовало в природе, была бы значительно выше уровня развития техники хозяйства современных капиталистических обществ. Это особенно нужно сказать о сельском хозяйстве современного капиталисти-

ческого общества, чрезвычайно сохранившем докапиталистические остатки. В чистом капиталистическом обществе в сельском хозяйстве существовало бы крупное производство, основанное на развитой машинной технике. Этот более высокий уровень техники дал бы совершенно новую расстановку людей в процессе производства в области сельского хозяйства. Эта расстановка ни чем в основном не отличалась бы от той расстановки, какую мы имеем в области капиталистической промышленности. При победе пролетариата задачи его в области сельского хозяйства—в этом случае—ничем тогда не отличались бы от задач по организации и ведению остальных отраслей промышленности. Сельское хозяйство не противостояло бы промышленности, как деревня противостоит городу, как крестьянство пролетариату. *Все хозяйство общества в том числе и сельское хозяйство после победы пролетариата при этих условиях находилось бы в руках одного класса—пролетариата.*

В переходный период от чистого капиталистического общества к коммунизму не имело бы место то, что называют «новой экономической политикой» (нэп), ибо не было бы простых товаропроизводителей (крестьян и ремесленников) внутри пролетарского государства. Не было бы и внешнего капиталистического окружения вокруг страны победившей диктатуры пролетариата. На первых порах—в данной обстановке—может быть сохранена денежно-капиталистическая форма учета, но она, сама по себе, не создает и не может создать того, что в классовом отношении означает новая экономическая политика, как форма смычки пролетариата с крестьянством. Эта денежно-капиталистическая форма здесь исчезла бы тем скорее, чем меньшую роль в экономике этого общества играли бы сравнительно мелкие капиталистические предприятия, которые, может быть, пролетариату технически не будет выгодно на первых порах национализировать.

Устанавливая ненужность для диктатуры пролетариата в этом случае нэпа по аналогии с положением в СССР, можно поставить вопрос о неизбежности для пролетарской диктатуры в этом случае эпохи военного коммунизма. На этот вопрос надо ответить, что эпоха военного коммунизма,—или весьма ярко выраженных элементов военного коммунизма—как определенный период вооруженной борьбы пролетариата против буржуазии, была бы неизбежна в ряде последующих революций. Точно так же неизбежны были бы связанные с этой борьбой разрушения производства «издержки революции» (Бухарин). Утверждать противоположное, предполагать, что в чистом капиталистическом обществе буржуазия добровольно примирилась бы с диктатурой пролетариата и добровольно сдала бы действительную свою политическую и экономическую власть, нет никаких оснований. Вооруженная борьба, вооруженное восстание пролетариата для низвержения эксплоататоров и вытекающие отсюда последствия в смысле режима—были бы необходимы и неизбежны и в этом случае.

Особо надо подчеркнуть, что предполагаемый случай перехода от капитализма к коммунизму и соответствующего характера переходный период нам в жизни не даны. Это только *мыслимый* случай так же, как только мыслимо само чистое капиталистическое общество. Однако, несмотря на это, этот случай представляет значительный теоретический интерес. Этот случай необходимо разобрать и уяснить себе потому, что иногда очень

часто за исходное положение во всех своих суждениях о современных проблемах диктатуры пролетариата исходят из этого простейшего случая. Таким образом, искусственно проблемы диктатуры пролетариата ставятся в другие более простые условия, чем это при их разрешении в жизни дано. В жизни эти проблемы значительно сложнее и труднее, чем это было бы в этом простейшем мыслимом случае победы диктатуры пролетариата. Эта ошибка очень часто встречается у нашей вузовской молодежи, изучившей курс теоретической политической экономии и поэтому хорошо знакомой с абстракцией чистого капиталистического общества. Наши экономические и политические проблемы диктатуры пролетариата она очень часто неправильно ставит, предполагая для их разрешения, как исходное положение, абстракцию чистого капиталистического общества.

Эта же ошибка очень часто встречается и у пролетариев, теоретически не изучивших капиталистического общества и не прошедших курса истории классовой борьбы пролетариата. И в этих случаях все проблемы диктатуры пролетариата нередко ставятся упрощенно в предположении иного, более простого исходного положения чем то, какое существует в нашей действительности. Конечно, при более мощной технической базе производства, примерно такой, какую имело бы чистое капиталистическое общество, все вопросы зарплаты и другие вопросы экономики переходного периода разрешались бы значительно легче. Победившая диктатура пролетариата имела бы больше возможностей при разрешении этих вопросов. Но это в жизни не дано, и поэтому ошибочно разрешать эти проблемы, предполагая данными не существующие условия.

* * *

Во *втором* случае мы берем борьбу пролетариата за власть и его победу в капиталистическом обществе, в котором сохранились докапиталистические остатки. Такие докапиталистические остатки существуют в любом живом капиталистическом обществе. На ряду с капиталистическими отношениями производства мы имеем простое товарное хозяйство и натурально-патриархальное хозяйство. В разных теперь существующих капиталистических обществах в разной мере сохранились эти остатки, но основной факт их наличия является совершенно бесспорным. Первый, кто в борьбе с оппортунистической социал-демократией дал развернутую теорию победы пролетариата в союзе с крестьянством, был Ленин. Его теория гегемонии пролетариата в борьбе эксплоатируемых против всех эксплоататоров, значительно углубившая и дополнившая относящиеся к этому вопросу положения Маркса и Энгельса, доказывала и возможность и необходимость победы диктатуры пролетариата, далеко до полного исчезновения докапиталистических остатков.

Эту ленинскую теорию о возможности победы диктатуры пролетариата в союзе с крестьянством отвергает современная социал-демократия. Она этой революционной политике противопоставляет свою политику коалиции с буржуазией. Революционной ломке и революционной перестройке буржуазного общества социал-демократия противопоставляет якобы возможный постепенный переход к социализму без диктатуры пролетариата. Эта постановка вопроса, принципиально отвергающая необходимость диктатуры пролетариата для переделки буржуазного общества и для уничтожения эксплоатации человека человеком, является краеугольным камнем теоретических построений современных социал-демократических партий. В настоящее время всякие *Леви*, *Криспины*, *Вельсы*, *Вандервельды*, равно как и *Макдональды*, доказывают вырождение ленинизма и его якобы непролетарский характер. Это им нужно для маскировки своей насквозь оппортунистической коалиционной политики с буржуазией в интересах сохранения капитализма. Эта коалиционная политика с буржуазией для защиты капитализма является противоположностью политики союза пролетариата и крестьянства под руководством пролетариата для низвержения капитализма и уничтожения классов.

На «нереволюционность» большевизма в этом смысле указывал и Троцкий, ссылаясь на реакционные черты большевизма, якобы существующие на ряду с революционными чертами большевизма. В этот же вопрос упирается троцкизм и со своей теорией невозможности победы социализма в СССР без государственной поддержки пролетариата передовых капиталистических стран. Однако, ленинизм, следуя учению Маркса и Энгельса, стоит на той точке зрения, что возможно преодоление тех противоречий, какие существуют при диктатуре пролетариата между пролетариатом, опирающимся на деревенскую бедноту, и средним крестьянством, представляющим мелкобуржуазных простых товаропроизводителей.

Этот теоретический спор надо считать разрешенным положительно в пользу ленинизма против троцкизма и против современной социал-демократии. Практическим разрешением этого вопроса в пользу ленинизма была и есть существующая десять лет в СССР пролетарская диктатура. Поэтому дальнейшее изложение мы будем вести при посылке о возможности победы диктатуры пролетариата в союзе с крестьянством.

Однако, стоит большой вопрос относительно характера общей политики диктатуры пролетариата в этом случае. Каким образом пролетариат вынужден в этом случае видоизменить свою политику, по сравнению с первым, выше нами разобранным, случаем победы в чистом капиталистическом обществе? Основы этой политики дал Ленин. Но и сам Ленин настаивал на особенно пристальном изучении вопросов переходного периода с учетом всех тех особенностей, с которыми неминуемо вынуждена будет столкнуться диктатура пролетариата после своей победы в союзе с крестьянством.

Если взять общую стратегическую расстановку классовых сил при победе диктатуры пролетариата в союзе с крестьянством, то основной отличительной чертой этого случая будет наличие *двух классов—пролетариата и крестьянства—после победы диктатуры пролетариата*. Перед нами своеобразное *двухклассовое общество*. Но это двухклассовое общество коренным образом отличается от того двухклассового общества, с каким мы встречаемся при изучении абстракции чистого капиталистического общества. В чистом капиталистическом обществе мы предполагаем существование буржуазии и пролетариата в рамках одного способа производства. Это капиталистический способ производства, в котором буржуазия является классом эксплоатирующим, а пролетариат эксплоатируемым.

Двухклассовое общество, состоящее из пролетариата и крестьянства предполагает существование двух способов производства.

В области техники производства пролетариат представляет крупное машинное производство; крестьянство—на первой стадии развития—за исключением кулачества—мелкое простое товарное хозяйство, опирающееся преимущественно на ручной труд. Экономическое отношение между этими двумя классами не есть отношение такого типа, какое существует между буржуазией и наемными рабочими. Их отношения—это отношения государственной промышленности пролетариата и мелкого товарного крестьянского хозяйства.

Вот что по этому поводу говорит тов. Бухарин:

«Сейчас для теории чрезвычайно интересна постановка вопроса о двух классах—о рабочем классе и крестьянстве, при уничтожении помещичьего землевладения, при экспроприировании буржуазии. Само собой разумеется, что тут по мере приближения к конкретному пути будет напрашиваться целый ряд очень значительных коррективов, которые могут сильно изменить картину и теоретически и практически. Этот вопрос идет по той же линии, как и вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства, потому что эти классы суть не что иное, как классовые носители определенных хозяйственных форм. Это не есть просто некоторые социальные силы (в рамках одного способа производства, добавляем мы. *Д. Р.*) и больше ничего. Каждый класс есть носитель свойственных ему хозяйственных форм. Если мы говорим о крестьянстве и берем его как социально-классовую категорию, то не нужно забывать, что крестьянство это есть носитель определенной формы хозяйства, которая может одолеть нас, развиваясь по нежелательному для нас пути, и которая, с другой стороны, может пойти по пути, по которому мы хотим ее вести. Следовательно, здесь социально-классовая точка зрения имеет свое чисто-экономическое значение и вопрос о соотношении классов есть в то же время вопрос о соотношении хозяйственных форм.

Вопрос о гегемонии пролетариата над крестьянством это есть в то же время и вопрос о соотношении между социалистической промышленностью и крестьянским хозяйством» («Атака», стр. 279—80, изд. 1924 г.).

Здесь необходимо особо подчеркнуть условность понятия *двухклассового общества при диктатуре пролетариата*. Пролетариат здесь не представляет уже прежнего класса буржуазного общества, т.-е. класса, эксплоатируемого буржуазией. Сама буржуазия, как господствующий класс, подавлена и экспроприирована.

Крестьянство здесь не представляет группу населения, эксплоатируемую дворянством и крупными землевладельцами. Эти классы уничтожены, ибо уничтожена сама частная собственность на землю.

О пролетариате и крестьянстве, как о двух классах при диктатуре пролетариата, можно и необходимо говорить в том смысле, что отношение этих двух групп к средствам производства (орудия, сырье, изготовленный продукт и т. п.) различно: пролетариат не имеет средств производства, как частную собственность. Они представляют общественную собственность пролетарского государства. Крестьянство имеет в частной собственности средства производства, за исключением земли. Эта частная собственность в условиях товарного хозяйства имеет *тенденцию превратиться в капиталистическую собственность*. С ростом крупного машинного производства при капитализме мелкая собственность и мелкое крестьянское хозяйство разлагаются и распадаются. Это придает самому крестьянству особый характер переходного класса, выделяющего постоянно из себя отличные от самого крестьянства, как простых товаропроизводителей, социальные слои: сельскую буржуазию и пролетариат.

Важным является вопрос о внутренней, имманентной динамике этих двух классов при диктатуре пролетариата. Сама диктатура пролетариата является орудием уничтожения классов. К этому направлена общая политика диктатуры пролетариата. Именно в этих условиях решающим является вопрос о той политике, какую должен повести победивший пролетариат для того, чтобы, сохраняя крестьянство как союзника, переделать его. Для ответа на этот вопрос ды должны установить законы движения двухклассового общества, состоящего из пролетариата и крестьянства.

Первый вопрос, который сам собой напрашивается, это вопрос о том, есть ли какое-нибудь органическое единство между государственным хозяйством пролетариата и простым товарным хозяйством крестьянства. Пролетариат в своих руках держит только часть общего производства. Это ни на минуту не следует забывать. В его руках находится промышленность, железные дороги, банки. В руках же крестьянства находится остальное производство, в денежном выражении составляющее большую половину валового производства всего народного хозяйства. Оно представляет и большинство населения.

Однако, ошибочно было бы представлять эти две части народного хозяйства как замкнутые сами по себе. Эти две части хозяйства переходного периода, взятые каждая сама по себе в отдельности или в арифметической сумме на бумаге, не составляют того, что они означают в действительной жизни. В действительности это есть две *незамкнутые* в себе части. В данном случае, не отождествляя между собой эти части, мы вместе с тем должны отметить, что неправильно и их простое противопоставление, как одна другую исключающие. Этот вывод зиждется на той простой истине, что крестьянское хозяйство является поставщиком хлеба и остальных средств питания для городов и государственной промышленности пролетариата. Оно же—главный поставщик животного и растительного сырья для промышленности.

Правильная экономическая политика пролетариата, осуществляющего свою диктатуру, после победы в гражданской войне предполагает проведение новой экономической политики (нэпа), как единственно правильной политики диктатуры пролетариата (Ленин). Эта политика предполагает правильный товарооборот между промышленностью пролетарского государства и крестьянским хозяйством. При этих условиях из простого товарного производства при свободе товарооборота стихийно будет возникать капитализм. Возникновение же капиталистических элементов в деревне на базе простого товарного производства крестьянства будет означать возрождение капитализма. Неправильно дело изображать так, как это делают троцкисты (см. речь Смилги на октябрьском пленуме 1927 г.), что для диктатуры пролетариата в области руководства крестьянством после победы в гра-

жданской войне, существуют только две возможности: или политика военного коммунизма или неограниченное развитие фермерского хозяйства. Имеющий в своих руках государственную власть, крупную промышленность, транспорт, банки, монополию внешней торговли и проводящий национализацию земли пролетариат может и должен экономическими мерами, мерами государственной власти в области налогов, аренды, наемного труда ограничить и победить этот стихийно возникающий капитализм. Поскольку возрождаются капиталистические элементы, неминуема классовая борьба, но формы этой классовой борьбы и средства для проведения этой классовой борьбы при диктатуре пролетариата значительно могут отличаться от тех форм классовой борьбы, какие существуют при капиталистическом производстве. При проведении классовой борьбы против вновь возрождающейся буржуазии пролетариат должен исключительное внимание уделить тому, чтобы не смешивать среднее крестьянство с кулачеством. По этому вопросу на VIII с'езде ВКП(б) в резолюции о среднем крестьянстве Ленин писал следующее: «Смешивать средних крестьян с кулачеством, распространять на них в той или иной степени меры, направленные против кулачества, значит нарушать самым грубым образом не только все декреты советской власти и всю ее политику, но и все основные принципы коммунизма, указывающие на соглашение пролетариата со средним крестьянством в период решительной бырьбы пролетариата за свержение буржуазии, как на одно из условий безболезненного перехода к устранению самой эксплоатации.

Среднее крестьянство, имеющее сравнительно крепкие экономические формы в силу отсталости сельскохозяйственной техники от промышленной, даже в передовых капиталистических странах, не говоря уже о России, будет держаться довольно долгое время после начала пролетарской революции. Поэтому тактика советских работников в деревне, равно как и деятелей партии, должна быть рассчитана на длительный период сотрудничества со средним крестьянством».

В этой же резолюции Ленин со всей силой подчеркивал, что «среднее крестьянство не принадлежит к эксплоататорам, ибо не извлекает прибыли из чужого труда».

Вся задача при проведении верной политики пролетарской диктатуры в этом случае заключается в том, чтобы при проведении новой экономической политики, ведя упорную борьбу с капиталистическими элементами вновь возрождающейся буржуазии, в то же время не допускать смешения такой политики, направленной против буржуазии, с мероприятиями, проводимыми по отношению к среднему крестьянству.

*
* *

К *третьему* случаю относится все вышесказанное по поводу двухклассового общества, состоящего из пролетариата и крестьянства. Однако, должна быть подчеркнута особая сложность его как по сравнению с первым, так и со вторым вышеразобранными случаями победы диктатуры пролетариата.

Особенность этого случая, по сравнению с чистым капиталистическим обществом, как исходным положением для победы диктатуры пролетариата, заключается в том, что здесь необходима новая экономическая политика, как политика, вызванная наличием простого товарного производства крестьянства на ряду с государственной промышленностью пролетариата. Следующая отличительная черта этого случая, по сравнению с чистым капиталистическим обществом, это отсталый уровень производительных сил (техника). Теоретически недопустимо отождествлять эти два случая, практически это означало бы гибель диктатуры пролетариата, победившей в капиталистическом окружении.

Отличительная черта этого случая, по сравнению с двухклассовым обществом из пролетариата и крестьянства, как исходного положения для построения социализма, заключается в том, что, помимо двух классов и нарождающегося из простого товарного хозяйства капитализма, существует внешнее капиталистическое окружение. Этот факт очень сильно модифицирует ту политику, какую мог бы проводить пролетариат по отношению к крестьянству в том случае, если бы не было капиталистического окружения. Однако, несмотря на добавочные трудности, вытекающие из этого положения, в силе остается основное положение ленинизма, что и в этом случае, несмотря на капиталистическое окружение и наперекор этому капиталистическому окружению два класса—пролетариат и класс простых товаропроизводителей—могут преодолеть свои внутренние противоречия. Преодолевая эти противоречия, пролетариат вынужден вести ожесточенную борьбу с вновь возрождающейся буржуазией за среднее крестьянство, за привлечение его на свою сторону и за его переделку. Однако, по этому вопросу Троцкий еще в 1922 году в предисловии к «1905 году» писал следующее: «Противоречия в положении рабочего правительства в отсталой стране, с подавляющим большинством крестьянского населения смогут найти свое разрешение только в международном масштабе, на арене мировой революции пролетариата». Здесь мы имеем отрицание принципиальной возможности преодолеть внутри СССР противоречия между пролетариатом и подавляющим большинством крестьянского населения, т.-е. средним крестьянством. Это вместе с тем есть основная теоретическая подпорка троцкистской теории о неизбежности или об уже происшедшем перерождении диктатуры пролетариата в СССР. Это—гнилая теория, выдающая без остатка свое оппортунистическое и авантюристическое нутро.

Особенность этого случая по сравнению с предыдущими двумя случаями победы диктатуры пролетариата заключается в том, что она должна проводить особую *систему защитительных мероприятий против капиталистического окружения*. Эта система защитительных мероприятий (армия, революционная работа в Коминтерне, монополия внешней торговли) является вместе с тем орудием борьбы с этим капиталистическим окружением. При этих условиях не следует упускать из виду, что капиталистическое окружение не представляет монолитной массы. Оно внутри раз'едается своими внутренними противоречиями и революционной классовой борьбой пролетариата капиталистических стран против своей буржуазии.

Необходимость тратить значительные средства на оборону страны пролетарской диктатуры значительно отягчает возможности социалистического строительства. Однако, сам этот факт содержания Красной армии может быть истолкован как антиреволюционный и антикоммунистический факт только безнадеж-

но погрязшими в болоте оппортунизма социал-демократами и их прихвостнями в нашей стране. Эта *защитительная система экономических, политических и военных мероприятий* пролетарской диктатуры *против капиталистического* окружения является органической составной частью политики восходящего пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в капиталистическом окружении, ведущего борьбу за победу в мировой революции. Эта система сама собой отпадает, и сам пролетариат и его партия ее отбросят, как ненужную, вместе с победой диктатуры пролетариата во всем мире. Но пролетариат, отвоевавший для строительства социализма только часть мирового хозяйства, при строительстве социализма должен эти мероприятия включить как составную часть своей политики. От этого его политика ни в малой мере не делается чем-то органически несовместимым с коммунизмом, вынужденным себя отстаивать от враждебного империалистического окружения.

В. Мотылев.

Проблема темпа развития СССР.

(К вопросу о пятилетнем и генеральном планах).

«Необходимо стремиться к тому, чтоб в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран».
(Из резолюции XV партконференции).

Вопрос о возможном темпе нашего дальнейшего хозяйственного развития и путях его ускорения носит характер исключительной важности. Дальнейшее хозяйственное развитие нашей страны должно осуществлять ее индустриализацию. В прямой связи с процессами индустриализации стоят процессы социалистического обобществления. Темп хозяйственного развития имеет поэтому исключительное значение для экономического преодоления буржуазии в нашей стране, изживания наличных в нашем хозяйстве диспропорций, обеспечения экономической самостоятельности СССР в мировом хозяйстве, дальнейшего выявления перед трудящимися всего мира прогрессивности переходной системы хозяйства, ускорения процесса революционизирования мирового пролетариата, укрепления обороноспособности Советского Союза и т. д.

Однако, именно потому, что темп развития имеет такое значение для всей совокупности задач переходной эпохи,—проблема заключается не только в повышении темпа на ближайшие годы, но и в обеспечении его ускорения на длительный период. Это обстоятельство обусловливает нецелесообразность и неприемлемость таких методов, которые могут вызвать лишь кратковременное повышение темпа за счет снижения его в дальнейшем.

С другой стороны, темп развития нашей системы хозяйства и методы его ускорения находятся в прямой зависимости от социальных особенностей этой системы. Далеко не все мыслимые методы ускорения темпа оказываются в нашей системе хозяйства целесообразными и реальными. Мыслимы такие методы (например, отказ от монополии внешней торговли), которые могут вызвать кратковременное ускорение темпа, но в конечном счете замедлят его именно потому, что вступят в противоречие с социальными особенностями системы хозяйства и нарушат процесс ее

воспроизводства. В хозяйстве СССР действительны лишь такие методы ускорения темпа, которые могут ускорить не только расширенное воспроизводство материальных ценностей, но и расширенное воспроизводство социалистических общественных отношений. Лишь при таких методах наша система хозяйства может развить присущие ей особенности и преимущества, от которых, в свою очередь, зависит возможность ускорения темпа.

Это своеобразие проблемы темпа в нашей стране фактически не осознано оппозицией. Мы надеемся ниже доказать, что предлагаемые ею методы ускорения темпа не могут разрешить проблемы, ибо способны в лучшем случае вызвать лишь кратковременное ускорение темпа индустриализации за счет резкого его снижения в ближайшие же годы.

Оппозиция не осознала значения методов ускорения темпа, вытекающих из *своеобразия* нашей системы хозяйства, из присущих ей *преимуществ*, из ее *превосходства* над капиталистической. Между тем, подлинное ускорение темпа возможно благодаря именно этим преимуществам. Реализация этих преимуществ, как это подчеркнуто резолюцией XV партконференции, обеспечивает нашему хозяйству темп развития, превосходящий довоенный темп капиталистических государств. Недооценка возможностей ускорения темпа, связанных с преимуществами нашей системы хозяйства, является одним из главных источников неверия и пессимизма, свойственных оппозиционному блоку.

С другой стороны, недооценка возможного темпа развития существует и среди части экономистов и хозяйственников. Это нашло свое отражение и в первоначальных проектах пятилетнего плана, грешивших необоснованным и опасным минимализмом. Между тем, ускорение темпа путем реализации преимуществ нашей системы хозяйства зависит от сознательного учета наличных возможностей и осуществления определенной системы мероприятий, направленных к их реализации. Директива XV партконференции о необходимости нагнать и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран диктуется совокупностью противоречий и задач революции. Для осуществления этой директивы необходимо добиваться, чтоб темп нашего развития значительно превышал довоенный и послевоенный темп капиталистических государств.

Чтобы выяснить, в какой мере и при каких условиях темп нашего хозяйственного развития может превзойти темп капиталистических государств,—обратимся, прежде всего, к характеристике последнего и свойственных ему закономерностей. Так как наиболее быстрым был темп развития Соединенных Штатов, то особенное внимание мы уделим характеристике «американского» темпа и выяснению его источников.

I. Темп развития капиталистического хозяйства.

В качестве показателей темпа развития капиталистического хозяйства возьмем рост народного имущества, рост основных капиталов и продукции промышленности, рост продукции сельского хозяйства. Если первый показатель, как обобщающий, должен выявить темп роста народного хозяйства в целом, то остальные—должны показать темп роста в важнейших его сферах.

Рост реального об'ема народного имущества С. Ш. и Англии [1]).

(Средн. геометр. % годичного прироста за период)

Годы	С. Штаты	Годы	Англия
1840—1850	9,2	1800—1822	3,8
1850—1860	8,3	1822—1833	4,9
1860—1870	2,0	1833—1845	1,0
1870—1880	8,7	1845—1865	1,6
1880—1890	4,3	1865—1875	5,4
1890—1900	4,1	1875—1885	4,6
1900—1912	4,5	1885—1895	2,1
		1895—1905	0,6
		1905—1914	0,5

Если из таблицы, показывающей % годичного прироста в С. Штатах, исключить период 1860—70 гг., в котором падение темпа прироста вызвано было гражданской войной между Севером и Югом, то эпоху с 1840 г. по 1912 г. можно разделить по темпу развития на две части с различной нормой прироста. В период с 1840—1880 гг. реальный об'ем народного имущества возрастал в десятилетие в 2,2 — 2,5 раза, в следующий период 1880—1912 гг.—приблизительно в 1½ раза. Эта разница в темпе роста об'ясняется отчасти тем, что в период 1840—1880 гг. происходил процесс хозяйственного освоения присоединенных в 40-х годах к С. Ш. огромных территорий, чрезвычайно богатых в естественном отношении. Это освоение сопровождалось, естественно, быстрым ростом национального имущества. К 80-м годам оно в основном закончилось. Однако, снижение темпа с 80-х годов слишком значительно, чтобы это обстоятельство могло об'яснить его целиком,—тем более, что в действительности оно продолжалось, хотя и медленно, и после 80-х годов. В таблице темп после 80-х годов несколько преувеличен благодаря тому, что реальный об'ем народного имущества исчислялся путем деления номинального об'ема на индекс товарных цен, не отражающий цен недвижимостей. Между тем цены важнейших недвижимостей, в особенности земли, возрастали в то время, как индекс цен понижался.

Если, однако, в С. Ш. после 80-х годов тенденция к снижению темпа проявляется в слабой степени, то в Англии она выступает весьма резко. Таблица показывает, что, начиная с последней четверти XIX века, темп роста народного имущества в Англии систематически понижался.

Сопоставляя темп прироста народного имущества в С. Ш. с темпом прироста его в Англии, можно констатировать *огромное превосходство американского темпа*. По абсолютному об'ему народного имущества С. Ш. уже в 80-х годах обогнали Англию. По данным «The Dictionary of Statictics» Мюльгэла в 1888 г. нар. имущество Англии составляло 10.800 мил. ф. ст., а народное имущество С. Ш.—12.820 мил. ф. ст. При таком абсолютном об'еме нар. имущества С. Штатов в 80-х годах даже снизившийся в дальнейшем темп годичного прироста в 4,1 — 4,5%

---

[1]) Реальный об'ем получен путем деления номинального об'ема на индексы цен. Данные о С. Ш. взяты в брошюре С. Фалькнера—«С. Ш. в мировом хозяйстве». Геометрич. %% прироста в Англии вычислены нами при помощи лагарифмов, при чем номинальный об'ем имущества взят в книге J. Stamp'a—«British Income and Property», p. 406, а индексы цен—у Layton'a—«An Introduction in the Study of Prices», p. 150.

означал в абсолютных цифрах огромный рост. Вследствие этого доля С. Ш. в совокупном богатстве культурных стран возросла с 1888 г. по 1924 г. с 19,4% до 33,9%.

Обратимся теперь к характеристике темпа развития *промышленности*. Нижеследующая таблица характеризует темп роста важнейших отраслей, добывающей и обрабатывающей промышленности.

Темп роста продукции промышленности [1]).

(Средн. геометрич. % годичного прироста).

Добыча угля.

Годы	С. Штаты	Англия	Германия	Франция
1800—1820	4,7	1,1	8,4	2,0
1820—1830	10,0	2,6	2,9	—
1830—1840	3,3	6,4	5,5	5,2
1840—1850	16,1	5,0	7,0	2,9
1850—1860	5,0	6,7	6,1	6,4
1860—1870	8,5	3,3	8,0	4,7
1870—1880	8,0	2,9	5,9	3,6
1880—1890	8,2	2,1	4,1	3,1
1890—1900	5,5	2.2	4,5	2,5
1900—1913	6,8	2,0	2,1	2,4

Выплавка чугуна.

Годы	С. Штаты	Англия	Германия	Франция
1800—1810	3,2	2,8	1,4	3,5
1810—1820	7,2	4,8	6,9	5,1
1820—1830	5,0	5,4	2,9	4,6
1830—1840	4,9	7,4	3,5	4,8
1840—1850	6,8	4,9	9,0	5,0
1850—1860	3,9	5,5	2,8	4,7
1860—1870	7,3	4,5	10,2	2,7
1870—1880	8,7	2,7	6,9	3,9
1880—1890	9,1	0,2	5,6	0,9
1890—1900	4,1	1,3	6,2	3,6
1900—1913	6,5	1,1	1,9	9,8

Производство стали.

Годы	С. Штаты	Англия	Германия	Франция
1870—1880	32,9	15,8	11,6	16,1
1880—1890	13,6	10,7	13,9	5,8
1890—1900	9,0	3,1	11,1	7,8
1900—1913	9,1	3,6	4,9	12,6

Потребление хлопка.

Годы	С. Штаты	Англия	Германия	Франция
1830—1840	5,5	6,4	7,2	5,2
1840—1850	8,0	2,4	7,2	1,8
1850—1860	3,9	6,4	12,5	6,7
1860—1870	1,9	—0,1	1,4	—6,7
1870—1880	6,1	2,5	6,1	3,5
1880—1890	3,4	1,9	5,5	3,9
1890—1900	3,3	—0,2	2,9	2,2
1900—1908	1,0	0,8	4,2	5,1

В этой таблице темп роста в тяжелой индустрии сопоставлен с темпом роста в легкой индустрии. Потребление хлопка является

---

[1]) Ср. геометр. %% годичного прироста вычеслены нами на основании след. источников: 1) M. Mulhall. «The Dictionary of Statistics», fourth edition; 2) англ. офиц. изд. «Statistical Tables and Charts Relating to Foreigne Trade and Industry»; 3) америк. и английских «Statistical Abstract».

показателем развития важнейшей отрасли легкой индустрии— хлопчато-бумажной. Темп ее роста оказывается, естественно, ниже темпа роста металлургической промышленности.

Сопоставление роста продукции в Соединенных Штатах с ростом ее в Англии, Германии, Франции подтверждает превосходство американского темпа. Хотя в отдельные десятилетия темп роста отдельных отраслей той или иной из этих стран оказывался значительнее американского, *в целом* темп С. Ш. был самым быстрым. Ни в одной из этих стран он не был *систематически* таким высоким, как в С. Штатах. Благодаря этому об'ем продукции возрастал чрезвычайно быстро, и в 80-х годах С. Ш. догнали, а затем и превзошли уровень крупнейшей индустриальной державы XIX века—Англии. В этом проявилась свойственная капитализму *неравномерность* развития.

Рассмотрение таблиц по вертикальным рядам подтверждает наличие, начиная с последней четверти XIX века, тенденции к замедлению темпа роста. Эта тенденция выступает слабее в Соединенных Штатах, сильнее в Англии, но в общем она заметна во всех указанных государствах, несмотря на колебания и отклонения, вызываемые *неравномерностью* развития.

Эта тенденция к замедлению темпа роста выступает еще явственнее в нижеследующей таблице.

Рост обрабатывающей промышленности в С. Ш. [1]).

(Средн. геометр. % годичного прироста).

Периоды	Рост продукции	Рост реального об'ема основных капиталов
1849—1859	6,1	6,4
1859—1869	1,6	0,9
1869—1879	9,7	10,1
1879—1889	6,0	9,1
1889—1899	4,3	5,2
1899—1909	3,4	4,7
1909—1914	3,1	4,1

Таблица выявляет с очевидностью тенденцию к замедлению темпа роста, начиная с 90-х годов, даже в С. Штатах. Наиболее высоким темп роста промышленности С. Ш. был в 70-е и 80-е годы. В этот период С. Ш. достигли такого высокого *абсолютного* об'ема промышленной продукции и основных капиталов, что снижавшийся в последующие десятилетия темп прироста означал, однако, в *абсолютных* цифрах бурный рост. Поэтому последние предвоенные десятилетия, несмотря на замедление *темпа* роста, характеризовались огромным ростом хозяйственной мощи С. Ш.

Раньше, чем перейти к темпу развития сельского хоз., познакомимся с довоенным темпом роста промышленности в России.

---

[1]) Средн. геометр. %% вычислены нами. Данные о продукции и номинальном об'еме основных капиталов взяты из «Statistical Abstract of the United States», 1924, p. 723. Реальный об'ем основных капиталов вычислен путем деления номинального об'ема на индексы цен.

Рост продукции промышлен. в России в 1885—1913 гг. [1]).

(Средн. геометр. % годичн. прироста).

Вся промышленность	5,8
Вся горная промышленность	5,8
Вся обрабатывающая промышлен.	5,8
В том числе:	
Добыча угля	8,0
» нефти	5,6
» железной руды	8,1
» меди	7,5
Выплавка чугуна	8,2
Пр-во хлопчато-бумажн. тканей	4,6
Производство сахара	4,2

Таким образом, темп развития русской промышленности был сравнительно высоким, в особенности в основных отраслях добывающей и обрабатывающей промышленности. Оценку этого темпа мы дадим, однако, ниже.

Обратимся теперь к темпу развития *сельского* хозяйства.

Рост продукции сельского хозяйства в С. Ш. [2]).

(Средн. геометр. % годичн. прироста).

Периоды	Сбор зерновых продуктов
1800—1820	2,7
1820—1830	3,0
1830—1840	2,9
1840—1850	3,5
1850—1860	3,6
1860—1870	2,8
1870—1880	5,2
1880—1900	1,3
1900—1910	3,4

Периоды	Сбор хлопка
1800—1810	12,3
1810—1820	3,4
1820—1830	8,1
1830—1840	9,6
1840—1850	0,1
1850—1860	7,8
1860—1870	—2,0
1870—1880	5,3
1880—1888	3,6
1888—1897	2,9
1897—1913	2,5

Если сопоставить темп роста в С. Ш. зерновых продуктов с темпом роста промышленной продукции, то окажется, что первый был в среднем ниже последнего. Эта разница в темпах отражает процесс индустриализации Соединенных Штатов. Однако, таблица свидетельствует, что индустриализация С. Ш. сопровождалась все же значительным под'емом сельского хозяйства. Темп прироста зерновых продуктов в 3—3,5% в год нельзя не признать значительным, принимая во внимание его *систематический* характер. Это становится особенно ясным при сопоставлении его с темпом прироста зерновых продуктов в Зап. Европе. В Германии на протяжении всего XIX века темп прироста зерновых продуктов составлял в среднем около 1% в год; во Франции

[1]) Вычислено нами на основании индексов физического об'ема промышленного производства России с 1885 по 1913 г., опубликованных в «Экономическом бюллетене Кон'юнктурного Института», 1926 г., № 2.

[2]) Вычислено нами на основании след. источников: 1) M. Mulhall.—«The Dictionary of Statistics», fourth edition; 2) амер. «Statistical Abstract» и Agriculture Yearbook». Из зерновых продуктов взяты пять важнейших: пшеница, рожь, ячмень, овес, кукуруза.

до 80-х годов—также около 1% в год, после же 80-х—лишь десятые доли процента; в Англии сборы зерновых продуктов сокращались до 70-х годов на 0,1—0,2%, в 70-х и 80-х годах—на 1—1,5% в год. В то время, как в Англии процесс индустриализации сопровождался сокращением сельского хозяйства, а в Германии и Франции—чрезвычайно медленным его ростом, в С. Ш. он сопровождался систематическим и значительным под'емом сельского хозяйства. В этом—важнейшая особенность *типа* индустриализации в Соединенных Штатах.

Таблица показывает также, что темп роста в С. Ш. продукции хлопка *превышал* темп роста зерновых продуктов. В этом—одно из проявлений связи процесса индустриализации с сельским хозяйством.

Познакомившись с темпом развития капиталистической системы хозяйства, обратимся теперь к выяснению источников выявленных нами закономерностей.

II. Источники американского темпа.

Характеристика темпа развития капиталистических стран обнаружила значительное превосходство американского темпа. При этом мы намеренно характеризовали темп развития *старых* отраслей промышленности, чтобы выявить длительные закономерности темпа. В новых отраслях, в особенности в автомобильной и электротехнической, темп был еще более высоким. Так, например, электротехническая промышленность имела в XX веке темп прироста в среднем около 10% в год.

Каковы же источники этого превосходства? Выяснение этого вопроса имеет, как мы убедимся, существенное значение для анализа проблемы темпа в СССР. Размер настоящей статьи позволяет, однако, ответить на этот вопрос в самых общих чертах.

Превосходство американского темпа не может быть об'яснено, как это делают многие исследователи, только естественными богатствами страны. Естественные богатства С. Штатов, действительно, чрезвычайно велики. Несмотря на интенсивную эксплоатацию этих богатств на протяжении многих десятилетий, С. Ш. продолжают обладать около 47% мирового запаса угля, 7,3% мирового запаса нефти, 16,5% мировых ресурсов гидроэнергии, 19,5% мировых запасов железных руд и т. д. [1]). Обладая огромными запасами высокосортных железных руд и крупнейшими запасами угля, С. Ш. имели исключительно благоприятные условия для развития промышленности. Наличие же огромных пространств плодородных земель и благоприятного климата, создавало благоприятные условия для развития сельского хозяйства.

Однако, факты доказывают, что естественные богатства сами по себе не обеспечивают быстрого хозяйственного под'ема страны, если отсутствуют налицо социально-экономические условия, облегчающие их использование. Ведь Россия и Китай, несмотря на огромные естественные богатства, развивались чрезвычайно медленно в силу того, что господствовавшие в них социально-экономические условия тормозили их хозяйственное

[1]) См. хрестоматию Н. Морозова и И. Юньева по экономической географии, стр. 184—231.

развитие. Исключительные естественные богатства С. Ш. лишь постольку могли влиять на темп хозяйственного развития, поскольку социально-экономические условия обеспечивали их эксплоатацию. Таким образом, решающую роль играли социально-экономические условия, к выяснению которых мы и должны перейти.

Прежде всего, следует отметить то обстоятельство, что в С. Ш. *не было феодализма, как длительной, прочной и всеоб'емлющей системы*. Элементы феодализма, насажденные в XVII в. колонизаторскими компаниями, были недолговечны и непрочны. В европейских странах феодализм представлял собою косную и всеоб'емлющую систему, тормозившую развитие капитализма. В Соединенных же Штатах капитализм развивался в условиях товарного хозяйства, не стесняемого путами феодализма. Даже землевладельцы-феодалы проявляли широкую предпринимательскую деятельность. Крупные состояния, образовавшиеся у землевладельцев благодаря быстрому росту цен на землю в городских центрах, использовывались ими для обширной предпринимательской деятельности.

Далее. Благодаря обилию свободных плодородных земель *абсолютная рента* была в первую эпоху развития капитализма в С. Ш. *низка*. Абсолютная рента представляет собою, как известно, вычет из общественной прибавочной стоимости. Чем меньше свободных земель, чем больше спрос на землю, тем выше уровень абсолютной ренты, тем большая часть общественной прибавочной стоимости поступает в распоряжение землевладельцев. Высокий уровень абсолютной ренты в Зап. Европе, уменьшая прибыли капиталистов, замедлял процесс капиталистического накопления, так как землевладельческие группы потребляли большую часть этой ренты непроизводительно. Наоборот, сравнительно низкий уровень абсолютной ренты в С. Ш. доставлял предпринимателям возможность реализации большей прибавочной стоимости, а это ускоряло процесс капиталистического накопления в стране. С другой стороны, это создавало экономическую возможность более высокого уровня заработной платы.

Огромное влияние на особенности капиталистического развития С. Ш. имел *недостаток рабочей силы*. В Европе капитализм развивался в условиях постоянного наличия резервной армии труда. Это обстоятельство держало заработную плату на сравнительно низком уровне и облегчало производство абсолютной прибавочной стоимости путем удлинения рабочего дня. Низкий уровень заработной платы и возможность усиленного производства абсолютной прибавочной стоимости тормозили технический прогресс.

Наоборот, в С. Ш. недостаток рабочей силы вызывал рост заработной платы. Маркс отметил в I томе «Капитала», что об'ем привычных потребностей, определяющий стоимость рабочей силы, зависит «и от того, при каких условиях, а, следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих» [1]). В С. Ш. рабочий класс сформировался в условиях, обеспечивавших высокий уровень зарплаты и стоимости рабочей силы. «В колониальных странах закон спроса и предложения благоприятен для рабочих. Этим

[1]) Маркс. «Капитал» т. I, гл. 4, § 3.

об'ясняется относительно высокая нормальная зарплата в Соединенных Штатах» [1]). Действительно, еще в конце колониального периода, в 3-ей четверти XVIII века, сред. зар. плата сельских рабочих составляла 40 центов в день, плотников—около 50 центов, судостроительных рабочих—90 центов, кузнецов—70 центов [2]). Принимая во внимания дешевизну жизни в С. Ш. в ту эпоху, нельзя не признать этот уровень зарплаты сравнительно высоким.

Высокий уровень заработной платы и недостаток рабочих делал капиталистов крайне заинтересованными во всесторонней *механизации и автоматизации* производства, в замене человека машиной. С другой стороны, рост зарплаты лишал капиталистов части благоприятных возможностей реализации прибавочной стоимости, вытекавших из факта низкого уровня абсолютной ренты. Все это вынуждало их к усиленному применению методов производства *относительной* прибавочной стоимости, т.-е. к повышению интенсивности и производительности труда. Благодаря этому в американской промышленности развивалась целая система экономических и технических методов, направленных к максимальному повышению интенсивности и производительности труда. Совокупность этих условий обусловила и форсировала технический прогресс американской промышленности.

Огромное значение имело наличие *обширного внутреннего рынка*, не стесняемого никакими перегородками. Огромная емкость внутреннего рынка делала возможным и необходимым *массовое* производство, создавала экономическую необходимость и выгодность *специализации и стандартизации* производства. Емкость внутреннего рынка усиливалась, как высоким сравнительно уровнем зарплаты, так и процессами механизации, автоматизации и электрификации производства, создававшими разраставшийся рынок сбыта для средств производства.

Значительное влияние на расширение емкости внутреннего рынка и на ускорение темпа хозяйственного развития С. Ш. имело отмеченное выше обстоятельство, что процесс индустриализации сопровождался в них одновременным значительным *под'емом сельского хозяйства*. Это обстоятельство не только расширяло внутренний рынок, но и обеспечивало сырьевую базу для промышленности.

Наконец, немалое значение имело то обстоятельство, что С. Ш. начинали свое промышленное развитие не с начальных ступеней техники, а с тех ступеней технического прогресса, которых достигли страны Старого Света. Многоплеменный состав иммигрантов заносил в С. Ш. технические достижения стран Старого Света. Совокупность же очерченных условий вызывала исключительный по своему размаху дальнейший технический прогресс.

«Большая электрификация», т.-е. сооружение грандиозных электрических станций, и грандиозное железнодорожное строительство, сыгравшие такую исключительную роль в хозяйственном под'еме С. Ш., явились результатом перечисленных социально-экономических условий. Благодаря наличию этих условий, капитализм развил в С. Ш. свой максимальный темп развития.

[1]) Маркс. «Зар. плата, цена и прибыль».
[2]) См. E. S. Cowdrick.—«Industrial History of the United States», p. 43.

III. Что замедляло американский темп?

Был ли, однако, в каждый данный период американский темп максимально-возможным при соответствующем уровне развития производительных сил? Нетрудно убедиться, что, несмотря на значительное превосходство его над европейским, *он все же снижался непроизводительными издержками, свойственными капитализму, как анархической и антагонистической системе хозяйства.* Эти непроизводительные издержки настолько свойственны капиталистическому хозяйству, что буржуазные экономисты в С. Ш. вынуждены кричать о «трагедии расточительства». Таково, например, название известной книги американского экономиста С. Чэза [1]), посвященной критике расточительства в хозяйстве С. Ш. Остановимся на тех проявлениях этого расточительства, которые могут быть частично или целиком устранены в СССР.

Естественные богатства С. Ш. эксплоатировались и эксплоатируются самым хищническим образом. Лесная площадь Запада настолько опустошена, что приходится ввозить лес из Канады. Благодаря хищническим методам рубки леса и нерациональным методам его распиловки и утилизации значительная часть его уничтожалась бесцельно. «Из ежегодно срубающихся 110 миллиардов досковых футов леса, по исчислению А. Литля, пропадает около 70 миллиардов». При разработке земных недр в первую голову расхищаются толстые пласты. «Уголь берется там, где его можно извлечь с наибольшей выгодой, остальное же гибнет навсегда... Достоверно известно, что на каждую тонну добытого угля приходится одна тона его, безвозвратно погибшая в шахтах... Благодаря анархическим методам работы и законам собственности, не совпадающим с геологическими законами, из 4 бочек нефти теряется 3».

Расточительство определенных социальных групп в области потребления вытекает из природы капиталистического общества. Значительная часть выжимаемой капиталистами прибавочной стоимости растрачивается на предметы сверхроскоши. По подсчетам Чэза не меньше 15% народного дохода С. Штатов затрачивается на предметы сверхроскоши.

Милитаризм, органически связанный с природой капитализма, поглощает значительную часть национального дохода. По данным Чэза (стр. 34) с 1789 г. по 1920 г. 79% сумм, израсходованных правительством Соед. Штатов, ушло на войну и военные цели. В американском федеральном бюджете за 1920 г. 93% расходов связано с военными целями и лишь 9% с мирными целями. Хотя военные расходы стимулируют развитие определенных отраслей промышленности, они остаются непроизводительными расходами, ибо создаваемое при их посредстве военное снаряжение не только не увеличивает материальных ценностей, но разрушает их.

Противоречие между производством и потреблением и анархия производства *затрудняют в капитализме процесс реализации товаров.* Трудности реализации с развитием капитализма усложняются. Благодаря этому удлиняется период обращения и растут издержки обращения. В 1850 г. в цене товаров издержки

[1]) Чэз, Стюарт. «Трагедия расточительства», Гостехиздат, 1926 г.

производства составляли в С. Штатах в среднем 80,2%, издержки обращения—19,8%, а в 1920 г. издержки производства—49,6%, издержки обращения—50,4% (Чэз, стр. 112). Гипертрофия торгового аппарата, вызывавшая этот рост издержек обращения, вытекала из трудностей процесса реализации. Этими же трудностями вызван огромный рост расходов на рекламу. По данным Чэза из 2,6 милл. тонн газетной бумажной массы, потребляемой год, больше 1,5 мил. тонн. тратится на рекламу. В рекламной промышленности С. Штатов занято около 600 тыс. рабочих, на рекламу затрачиваются огромные средства.

Периодические *кризисы*, неизбежные в капиталистическом хозяйстве, прерывали на определенные периоды хозяйственное развитие и вызывали частичное разрушение производительных сил. Периоды депрессии замедляли темп хозяйственного развития. Большую часть промышленного цикла предприятия работают с неполной нагрузкой.

Классовые противоречия капиталистического общества обусловливают неизбежность *стачек и локаутов*, приостанавливающих на определенный период развитие отдельных отраслей и вызывающих часто частичное разрушение средств производства. Так, например, в С. Ш. с 1916 по 1921 г. в забастовках локаутах участвовало 10.742.738 рабочих, т.-е. в среднем 1.790.000 в год. Потеря во времени на каждого человека составляла в среднем 30,3 рабочих дня в год (Чэз, стр. 70).

Осуществление стандартизации производства затрудняется противоречивостью интересов отдельных предприятий. Так как стандартизация затрудняет конкуренцию, то капиталисты оказывают ей часто сопротивление. Чэз приводит данные американского общества инженеров, свидетельствующие о недостаточном развитии стандартизации даже в С. Штатах.

Рост *монополий* создает тенденцию к *замедлению технического прогресса* и темпа хозяйственного развития. В тех случаях, когда монополистическая организация чувствует себя прочно, она обращает часто внимание не столько на понижение себестоимости путем улучшения техники, сколько на повышение цен путем организованного сокращения производства. Н. Осинский в докладе об американских впечатлениях приводит в качестве примера техническую отсталось американского телефона и части мельниц вследствие незаинтересованности монопольных собственников в технических усовершенствованиях. Чэз приводит ряд фактов сокращения монополистическими компаниями производства и даже уничтожения товаров в целях повышения цен.

Если в первые эпохи развития С. Штатов цены на землю были низки и уровень абсолютной ренты ничтожен, то с последних десятилетий XIX века начинается быстрый *рост цен на землю* и усиливается эксплоатация фермеров железнодорожными компаниями, землевладельцами, банками, торговыми компаниями. В результате американские фермеры владеют лишь половиной обрабатываемой ими земли и получают меньше половины цены, уплачиваемой потребителями за сельскохозяйственные продукты. Эта эксплоатация фермеров сокращает емкость внутреннего рынка и ухудшает кон'юнктуру.

С другой стороны, при покупке и аренде земли происходит перелив средств в руки паразитических социальных групп, растрачивающих большую часть этих средств непроизводительно.

Таковы основные непроизводительные издержки, основные каналы расточительства, которые мы считаем важным здесь отметить. Эта характеристика, однако, далеко не исчерпала их. Мы не отметили, например, непроизводительных затрат, связанных с неполной нагрузкой конкурирующих железнодорожных линий, со встречными перевозками и т. п.

С. Чэз на основании анализа расточительства в хозяйстве С. Ш. приходит к следующему знаменательному выводу: «Половина и даже больше половины нашей рабочей силы расходуется бесполезно; больше половины ежегодной добычи естественных богатств опрометчиво расходуется и гибнет. Миллиарды рабов механической энергии вертят ненужные колеса, тащат ненужные тяжести».

В поисках путей устранения этого расточительства он приходит к выводу о необходимости создания «функционального» общества, «где промышленность предназначена, прежде всего, для удовлетворения человеческих потребностей и где прибыль является второстепенным результатом» (стр. 15—16). Любопытно, что такое общество он считает, очевидно, возможным создать без уничтожения капитализма. Оставляя в стороне эту наивность и ограниченность автора, считаем, однако, важным отметить, что анализ расточительства привел его к выводу о необходимости планового руководства хозяйством и замены стремления к прибыли другим руководящим и движущим принципом, приближающимся к социалистическому.

Выше было установлено, что, начиная с последней четверти XIX века, выявляется тенденция к понижению темпа развития капиталистических стран. Хотя в С. Штатах эта тенденция выступила позже (с 90-х годов) и в слабой форме, тем не менее, то обстоятельство, что в развитых капиталистических странах она в той или иной степени оказывается общей и проявляется на протяжении нескольких десятилетий, доказывает, что эта тенденция не носит характера кон'юнктурного, временного.

На первый взгляд может показаться, что тенденция к понижению *темпа* годичного прироста является естественным результатом огромного роста *абсолютного* об'ема производства, что возрастающая абсолютная величина годичного прироста должна поэтому выражаться в понижающихся процентных нормах. Однако, такое об'яснение не является убедительным. На *первых* ступенях развития определенных отраслей производства высокие процентные нормы годичного прироста могут, действительно, обусловливаться тем фактом, что при низком абсолютном уровне производства сооружение каждого нового предприятия вызывает значительный относительный прирост. Этим отчасти вызывался сравнительно высокий темп в капиталистической России. С другой стороны, в *старых* отраслях производства замедленный темп дальнейшего роста может вызываться иногда трудностями технического характера (в добывающей промышленности) или падением удельного веса данной отрасли в народном хозяйстве вследствие развития заменяющих или дополняющих ее отраслей. Если, однако, отвлечься от первых ступеней развития отдельных отраслей, если брать народное хозяйство в целом и его основные отрасли, то неизбежность понижения темпа под влиянием роста абсолютного об'ема не является очевидной.

Ведь абсолютный об'ем производства является в свою очередь величиной переменной и относительной. Как ни значителен нынешний абсолютный об'ем производства передовых стран по сравнению с предшествующими эпохами, он все же является *ничтожным* по сравнению с потребностями общества, по сравнению *с необ'ятными* возможностями дальнейшего приспособления природы к потребностям людей. Рост об'ема производства, сам по себе, не должен поэтому с необходимостью вызывать понижение темпа. Ведь и в эпоху промышленного капитализма абсолютный размер производства возрастал весьма значительно по сравнению с предыдущими эпохами,—между тем, темп ускорялся.

При более серьезном анализе источников этой тенденции возникает вопрос, не находится ли она в связи с ростом органического состава капитала и вызываемой им тенденцией нормы прибыли к понижению. В виду сложности этого вопроса мы лишены возможности разобрать его в настоящей статье. Отметим лишь, что в эпоху империализма, на протяжении которой тенденция к понижению темпа проявлялась, этот фактор, сам по себе, не мог бы влиять *непосредственно*, так как монополистический капитализм задерживает падение нормы прибыли и даже повышает ее. Однако, поскольку тенденция нормы прибыли к понижению является движущей силой империализма, ее влияние *в конечном счете* может иметь место. Мы полагаем, что тенденция к замедлению темпа обусловливалась ростом противоречий капитализма и свойственной монополистическому капитализму тенденцией к застою и загниванию. Являясь внешним проявлением этой тенденции, тенденция к замедлению темпа проявляется поэтому столь же *неравномерно*, как и тенденция к застою и загниванию. Не имея возможности обосновать здесь это утверждение, мы считаем, однако, подобное об'яснение вытекающим из теории империализма Ленина.

Если в С. Штатах тенденция к замедлению темпа обнаружилась позднее и слабее, то этот факт об'ясняется очерченными выше преимуществами американского капитализма. Однако, отмеченные в этой главе факторы оказали уже влияние на замедление темпа хозяйственного развития С. Ш. В дальнейшем же действие их должно сказываться в возрастающей степени.

IV. Возможен ли сверхамериканский темп развития СССР?

Может ли темп хозяйственного развития СССР *превзойти* американский?

Чтоб ответить на этот вопрос, рассмотрим, прежде всего, обладает ли хозяйство СССР теми преимуществами, которые обеспечили С. Штатам превосходство их темпа над европейским.

Естественные богатства СССР в общем и целом не уступают американским. Хотя известные запасы угля (около 7% мир. запасов) и железной руды значительно ниже американских, они все же настолько значительны, что создают благоприятные условия для быстрого развития промышленности. Кроме того, запасы угля и железной руды в СССР находятся еще в процессе исследования. Последние годы ознаменовались открытием новых богатых месторождений. Если в 1913 г. известные запасы угля в СССР исчислялись в 234 млр. тонн, то сейчас они исчисляются

приблизительно в 475 млр. тонн. Открытие Курской магнитной аномалии и новых месторождений железной руды на Урале, в Закавказье, в Забайкалье и т. д. доказывает, что действительные запасы ее в СССР также подлежат еще выяснению. Значительно уступая Соединенным Штатам по запасам угля, СССР значительно превосходит их по запасам нефти (37,4% мир. запасов), торфа (78% мир. запасов) и др. Энергетические ресурсы СССР составляют, по данным проф. Л. Рамзина, около 10,4% мировых [1]). При этом необходимо иметь в виду, что запасы нефти и торфа в СССР также еще окончательно не установлены. Это относится и к ряду других естественных богатств. Так, например, последние годы ознаменовались открытием богатых месторождений калия (в Соликамском районе), серной руды (в Центр. Кара-Кумах), бокситов (содержащих алюминий), апатита (содержащего фосфорн. кислоту) золота, меди, платины, олова, цилистина, радия и т. д. По запасам нефти, торфа, платины, калия, марганца и др. СССР занимает первое место в мире. Все это дает основание утверждать, что наши естественные богатства *в целом* не уступают С. Ш.

Феодализм выметен из хозяйства СССР целиком и полностью. Устранены феодальные путы, препятствовавшие развитию производительных сил. Национализация земли уничтожила абсолютную ренту. Благодаря этому устранено непроизводительное потребление землевладельцами части общественного прибавочного продукта. Если в С. Ш. слабость и недолговечность элементов феодализма и сравнительно низкий в первые эпохи уровень абсолютной ренты ускоряли процесс накопления и хозяйственного развития, то полное устранение феодализма, вплоть до отмены частной собственности на землю, предоставляет СССР в этом отношении еще большие преимущества.

Повышение производительности труда путем *механизации, автоматизации и электрификации* производства превратилось в СССР в руководящую линию экономической политики. Если в С. Ш. эта тенденция выросла и упрочилась под влиянием недостатка рабочей силы и высокого уровня зарплаты, то в СССР она обусловливается особенностями социального строя и задачами строительства социализма. Курс на «большую электрификацию», на механизацию производства осуществляется в СССР, несмотря на сравнительную бедность страны капиталами. В течение истекшего пятилетия сооружалось 13 новых районных электрических станций, из которых 9 уже вступили в эксплоатацию и обладают мощностью в 230.000 квт. Мощность этих 13 станций будет доведена к концу ближайшего пятилетия до 850.000 квт. Кроме того, намечено сооружение в течение ближайшего пятилетия еще 10 электрических станций мощностью в 307.000 квт. Сверх того сооружается Днепрострой, который должен дать к 1931 г. мощность в 105.000 квт. [2]). В 1913 г. мощность всех электрических станций составляла 780.000 квт., а в 1927—28 г. она достигнет 2.130.000 квт., т. е. в три раза больше. Таким образом, «большая электрификация» осуществлялась и будет осуществляться с значительным размахом.

[1]) Л. Рамзин. «Ресурсы энергии в СССР», журнал «Плановое Хозяйство», 1925 г. №№ 1 и 2. Цифры, приводимые в упомянутой хрестоматии—Морозова и Юньева, несколько отличаются от цифр Рамзина.

[2]) См. «Контрольные цифры на 1927—28 г.», стр. 86—88.

Рост *емкости внутреннего рынка* обеспечивается в СССР, прежде всего, тенденцией к систематическому повышению зарплаты рабочих. Революция создала также условия для быстрого роста покупательной способности крестьянства благодаря освобождению его от выкупных и арендных платежей за землю и понижению налогового бремени. С другой стороны, курс на механизацию и электрификацию производства создает разрастающийся рынок для средств производства.

При этих условиях в СССР, как и в С. Ш., экономически необходим и возможен переход к *массовому* производству, к его *специализации и стандартизации*, к систематическому понижению розничных цен. Вместе с тем специализация и стандартизация производства облегчаются в СССР фактом сосредоточения промышленного производства в руках государства. Однако, до сих пор в этих направлениях сделано еще мало. Ограниченность наличного числа индустриальных предприятий и необходимость максимального развития на них производства препятствовали концентрации производства на лучших заводах. Лишь с ростом числа новых технически усовершенствованных предприятий процесс концентрации окажется возможным в возрастающем об'еме. В ближайшее пятилетие намечается и частично уже осуществляется сооружение ряда крупных предприятий, предназначаемых отчасти для замены отсталых предприятий. Специализация производства в некоторых трестах (например, в Моссукне, табачных трестах, машиностроительных трестах и т. д.) уже осуществляется. В ближайшее пятилетие намечается увязать техническое переоборудование существующих заводов и сооружение новых с задачами специализации. В области стандартизации сделаны лишь *первые* шаги; пока введено в действие лишь около 100 стандартов, но в разработке находится около 1000 стандартов [1]). Таким образом, *результаты концентрации, специализации и стандартизации производства будут сказываться в ближайшие годы нарастающим темпом.*

Тип индустриализации С. Ш., характеризующий значительным под'емом и индустриализацией также *сельского* хозяйства, может быть осуществлен и в СССР, в виду наличия не только благоприятных естественных условий для развития сельского хозяйства, но и экономических (национализация земли, содействие кооперированию и т. д.), созданных революцией. Этот тип индустриализации, обеспечивая промышленность дешевым сырьем и расширяя рынок, создаст и в СССР возможность систематического, длительного под'ема независимо от кон'юнктуры мирового рынка.

Наконец, СССР имеет также то «преимущество» отсталых стран, которое сыграло известную роль в под'еме С. Ш.: индустриализация нашей страны может осуществляться не с начальных ступеней техники, а на основе *последних достижений технической мысли.* Благодаря этому обеспечивается высокая *эффективность* капитальных вложений.

Таким образом, те преимущества, которые обеспечивали С. Ш. превосходство их темпа над европейским, имеются и в

[1]) Интересное освещение технико-производ. моментов в перспективном плане дают разработанные ВСНХ «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР», Гостехиздат, 1927 г., стр. 73—86.

хозяйстве СССР. Если, однако, в С. Ш. эти преимущества вытекали из ряда своеобразных и частью временных условий, то в СССР они обусловливаются особенностями переходной системы хозяйства. Поэтому в СССР они будут носить характер *прогрессирующий, нарастающий*. Вместе с тем преимущества переходной системы хозяйства *не ограничиваются* теми преимуществами, которые были свойственны С. Ш. Поскольку система хозяйства СССР является *переходной к социализму*, в ней могут быть полностью или частично устранены те препятствия и непроизводительные издержки, которые свойственны капиталистической системе хозяйства и замедляли темп развития в С. Ш. Укажем на важнейшие возможности, имеющиеся в этом направлении.

Устранение капиталистов из промышленности *прекратило их расточительство* за счет общественной прибавочной стоимости. По подсчетам С. Струмилина [1]) норма чистой прибыли (за вычетом процентов на чужие капиталы, прямых налогов, тантьем и т. п.) в период с 1885—1913 гг. составляла в промышленности России в среднем в год 16,2%, а прирост основных капиталов промышленности—7,2%. Если учесть, что прирост основных капиталов происходил не только за счет прибавочной стоимости рабочих России, но и за счет притока капиталов из-за границы, то станет очевидным, какая незначительная часть прибыли капитализировалась и какая огромная масса ее шла на расточительное потребление. Устранение капиталистов создает, поэтому, возможность повышения заработной платы и усиления накопления. *При меньшей норме прибыли норма накопления может быть в СССР выше.*

Национализация земли прекратила полностью перелив сбережений и накоплений крестьянских хозяйств в руки землевладельцев. По подсчетам А. Вайнштейна [2]), скорее преуменьшенным, чем преувеличенным,—в 1912 г. налоги и сборы с крестьянских хозяйств составляли без страховых платежей в среднем 13,2% условно-чистого дохода с сельского хозяйства, выкупные и арендные платежи на землю—7,5%. Революция уничтожила выкупные и арендные платежи и понизила налоги и сборы. Благодаря этому, с одной стороны, ускоряется темп развития сельского хозяйства, и, с другой стороны, усиливается возможность перелива средств из сельского хозяйства в промышленность через госзаймы, кредитный аппарат и т. д.

На ряду с этим значительное влияние на ускорение темпа развития сельского хозяйства должен оказать процесс его *кооперирования*. Социальный строй СССР обеспечивает такую *быстроту* процесса кооперирования и такой его *размах*, каких не знает капиталистическое хозяйство. Между тем, *кооперирование крестьянских хозяйств предоставляет им преимущества крупных хозяйств* как в области сбыта, так и в области применения машин, организации производства, пользования кредитом. Благодаря этому кооперирование деревни является источником роста производительности труда и ускорения темпа развития. Уже в 1926—27 г. урожайность, удойность и товарность в коммунах,

[1]) С. Струмилин. «Проблема промышл. капитала в СССР», изд. «Эк. Ж.». 1925 г.

[2]) А. Вайнштейн. «Обложение и платежи крестьянства», 1924 г., стр. 47—48.

артелях и товариществах была выше, чем в единоличных крестьянских хозяйствах [1]).

Проблема реализации товаров в хозяйстве СССР *упрощается и облегчается* вследствие планового регулирования хозяйства и роста емкости рынка под влиянием указанных выше условий. Недостаток различных товаров, испытываемый последние годы страною, несмотря на быстрый рост производства, подтверждает, что система хозяйства СССР обеспечивает быстрый рост емкости рынка. Благодаря этому период обращения имеет тенденцию к сокращению, а это *ускоряет оборот* капитала и позволяет занять соответственно большую часть капитала в процессе производства. С другой стороны, создается экономическая возможность рационализации и упрощения торгового аппарата и сокращения издержек обращения. Расходы на рекламу сокращаются до минимума. Хотя в области сокращения издержек обращения сделано еще *очень мало*, тем не менее, тенденция к их сокращению уже налицо: издержки обращения, включая транспортные, составляли в среднем по государственно-кооперативной линии в % к розничной цене в 1924—25 г.—31,8%, в 1925—26 г.—29,5%, в 1926—27 г.— 27%, в 1927—28 г.—предположительно—25,7% [2]).

Благодаря наличию планового регулирования и отсутствию свойственного капитализму противоречия между производством и потреблением *кризисы* в хозяйстве СССР могут даже в первый период переходной эпохи происходить лишь в ослабленной, неразвернутой, своеобразной форме. Устранить *полностью* возможность кризисных явлений уже в первый период переходного времени невозможно, так как раздробленность сельского хозяйства затрудняет учет и контроль, затрудняет плановое регулирование. Однако, благодаря этому регулированию кризисные явления не могут быть продолжительными и глубокими. Кризис сбыта 1923 г. и хозяйственные затруднения 1926 г. доказали, что хозяйственная система СССР обеспечивает возможность ослабления и быстрого изживания кризисных явлений. Образование же резервов на случай просчетов, неурожаев и внешних осложнений еще больше ослабит возможность подобных явлений. С другой стороны, возможность влияния капиталистических кризисов на наше хозяйство ограничивается до минимума монополией внешней торговли и плановым регулированием. Благодаря всем этим условиям *планомерность* хозяйственного развития СССР будет возрастать.

Монополия внешней торговли и социалистический протекционизм обеспечивают наиболее целесообразные и *продуктивные* формы связи с мировым хозяйством и облегчают процесс индустриализации страны. *Национализация транспорта* и регулирование товарооборота облегчают борьбу со встречными перевозками и наиболее продуктивное использование транспортных средств. *Концентрация кредитного аппарата* в руках государства обеспечивает вовлечение сбережений и накоплений в орбиту социалистического накопления и использования их для нужд индустриализации страны. Значение концентрации *промышленности* в руках государства было уже отмечено выше. Следует лишь доба-

[1]) См. «Контрольные цифры на 1927—28 г.», стр. 372—373.

[2]) Там же, стр. 248.

вить, что советский строй устраняет в государственно-кооперативном секторе разрушительное действие стачек и локаутов, неизбежных в капиталистических странах.

Концентрация всех *недр земли и источников энергии* в руках государства делает возможным наиболее рациональное и экономное использование естественных богатств и энергетических ресурсов. Эксплоатация естественных богатств и электрификация страны в условиях советской экономики не сталкиваются с теми трудностями и препятствиями, которые замедляют их в капиталистических странах: с противоречивостью интересов отдельных предприятий, с частной собственностью на землю, на источники энергии и т. п. Значение этих условий проявилось уже не только в отмеченных выше успехах «большой электрификации», но и, например, в крупных достижениях нефтяной промышленности. В результате рационализации нефтяной промышленности достигнута более экономная организация добычи нефти. Благодаря герметизации скважин и сохранения нефти удалось увеличить и добычу газа и выход бензина. С другой стороны, условия советской экономики позволяют поставить исследование естественных богатств с такой планомерностью и таким размахом, которые обеспечивают быстрое выявление наличных богатств. Это подтверждается многочисленными открытиями последних лет.

Военные расходы не могут быть устранены, пока СССР находится в капиталистическом окружении, пока необходима организация обороны страны. Однако, отсутствие империалистических и милитаристических тенденций делает возможным значительное *сокращение* абсолютного размера военных расходов и доли их в государственном бюджете. В то время как в 1913 г. расходы на оборону достигали 28% всего расходного бюджета,— в 1924—25 г. они составляли лишь 14%, 1925—26 г.—14,2%, 1926—27 г.—12,7%. Даже в 1927—28 г., несмотря на абсолютный их рост в виду военной опасности, они составят предположительно лишь 14,3% расходного бюджета. С другой стороны, аннулирование займов царского правительства освободило СССР от необходимости выплаты огромных средств капиталистам, освободило эти средства для нужд индустриализации страны. Выплаты эти составляли в 1913 г. 424 милл. руб. Если даже мы согласимся в уплату за новые кредиты производить частичные выплаты по этим долгам, то эти выплаты составят ничтожные суммы по сравнению с расходами на эту цель в бюджете царского правительства. В результате расходы на финансирование народного хозяйства показывают в 1924—25 г.—18,1%, в 1925—26 г.—19,5%, в 1926—27 г.—19,5%, в 1927—28 г.—26,9% [1]). Таким образом, доля производительных расходов в бюджете СССР непрерывно растет.

Огромное значение для ускорения темпа хозяйственного развития имеет активное и инициативное участие *масс* в хозяйственном строительстве. Переход средств производства в руки пролетариата делает возможным развитие творческой инициативы масс в области производства. Активное участие миллионов производителей в рационализации производства не может не вызвать быстрого прогресса этой рационализации. Возможности развития творческой инициативы масс в этом направлении реализуются

[1]) См. «Контрольные цифры на 1927—28 г.», стр. 26.

пока медленно. Однако, рост культурного и политического уровня пролетариата и предрешенный переход к 7-часовому рабочему дню обеспечивают нарастающее влияние этого фактора на ускорение темпа хозяйственного развития.

Наконец, многообразное влияние на ускорение темпа развития СССР окажут особенности *государственного* строя и тенденция к отмиранию государства. Устранение капиталистов и помещиков выдвигает на первый план задачи непосредственно-хозяйственные. Вопросы хозяйственного строительства играют решающую и возрастающую роль в деятельности государственных органов, и эта деятельность создает условия для отмирания классов, т.-е. для отмирания государства. Государство будет превращаться в возрастающей степени в хозяйственную организацию, т.-е. отмирать. Хотя этот процесс найдет свое завершение лишь в социалистическом строе, наличие этой тенденции создает уже сейчас в СССР огромные преимущества по сравнению с капиталистическими государствами. С другой стороны, советский строй, как подлинно-демократический, обеспечивает *возможность* такой борьбы с бюрократизмом, такого совершенствования госаппарата, какой не могут иметь капит. государства. Немалое значение имеет и тот факт, что на совет. власть не могут оказывать влияния реакционные группы населения, между тем как в капит. странах эти группы (землевладельцы, дворяне, духовенство и т. п.) могут через государственную власть тормозить индустриализацию страны, ее хозяйственный и культурный прогресс.

Хотя мы далеко не исчерпали возможных преимуществ советской системы хозяйства, *изложенное доказывает с очевидностью, что она обладает даже на данном уровне развития производительных сил рядом важнейших преимуществ по сравнению с капиталистической системой* С. Штатов. Так как на ряду с этим ей свойственны также и те преимущества, которые обеспечили С. Ш. превосходство их темпа над европейским, то совершенно очевидна *возможность сверхамериканского темпа развития СССР.*

Наше изложение было бы, однако, односторонним и недостаточно убедительным, если б мы не выяснили одновременно, не имеются ли в СССР такие трудности и препятствия, которые отсутствовали в С.-Штатах. В ближайший период возможность таких трудностей и препятствий не исключена. Попытаемся, однако, выяснить их характер.

Во-первых, возможность подобных трудностей и препятствий вытекает из факта капиталистического окружения. Неизбежная в капиталистических странах борьба между тенденцией мирных хозяйственных отношений с СССР и тенденцией блокады и войны вызывает неустойчивость нашего международного положения, создает необходимость в курсе на сокращение разделения труда с мировым хозяйством, создает возможность неожиданных осложнений в ранее налаженных хозяйственных связях и, наконец, чрезвычайно сокращает импорт капиталов в нашу страну. По сравнению с дореволюционными условиями развития русской промышленности последнее обстоятельство является важным. Русская промышленность развивалась в определенной своей части на иностранные капиталы. В руках иностранного капитала было сосредоточено до войны около 70% выплавки чугуна и производства готовых изделий на Юге России, около 70% об-

щей добычи угля в Донецком бассейне, около 78% производства брикетов на Юге России, около 90% всей добычи платины, около 60% всей добычи нефти, около 90% общей суммы основных капиталов электрических и электротехнических предприятий и т. д. [1]).

Несомненно, что трудности и препятствия, вытекающие из факта капиталистического окружения, могут отразиться на темпе развития СССР, могут ослабить возможности достижения сверхамериканского темпа. Однако, они не могут все же устранить этих возможностей, ибо и в развитии С. Ш. внешняя торговля и ввоз капиталов решающей роли не играли. По некоторым подсчетам ввоз капиталов в С. Ш. в десятилетие бурного роста 1880—1890 гг. не превышал в среднем 260 мил. руб. в год [2]). Возможность иностранных кредитов СССР в таком об'еме не исключена, как это подтверждается опытом последних лет (германские гарантированные кредиты в размере 300 мил. марок, венские гарантированные кредиты и т. д.). С другой стороны, известную роль играют в этом отношении и концессии. Лишь коренное изменение нашего международного положения, знаменующее непосредственно блокаду или войну, может замедлить или оборвать хозяйственный рост нашей страны.

Во-вторых, известные трудности вытекают из факта *аграрного перенаселения* и безработицы. Вопреки оппозиционным «анализам» безработица в нашей стране является не случайной и не может быть об'яснена ошибками экономической политики. Она коренится, в действительности в аграрном перенаселении, в пролетаризации революцией значительных слоев городской мелкой буржуазии, в стремлении раскрепощенной женщины к экономической самостоятельности, в значительном приросте в текущем пятилетии трудоспособного населения. Решающую роль играет, однако, аграрное перенаселение. «Различные исчисления избыточного населения деревни дают крайне высокие нормы перенаселения. Так, по четырем районам (Центральному земледельческому, Западному, Северо-Западному и Центральному промышленному) в 1923 г. по данным Госколнита избыточное население в переводе на взрослых мужчин при норме на одного работника 4 десятины выражается цифрой 7.920.272 или 37,8% от общего количества населения в переводе на одного взрослого. В 1924 г. по данным Госналога по тем же районам избыточное население выражается цифрою 5.768.267 или 41,9%. По данным Госплана избыточное население по тем же районам составляет 12,7 млн. или 33,5%. Перенаселенческий комитет определяет избыточное население по 7 районам РСФСР, по Украине и Белоруссии в 23,4 млн. чел. или 30,3%» [3]).

Однако, эти подсчеты, вероятно, преувеличивают аграрное перенаселение, так как берут в основу преувеличенные нормы. По последним осторожным подсчетам Госплана [4]) избыточное трудо-

[1]) См. В. Зив. «Иностранные капиталы в русской горнозаводской промышленности», 1927 г., гл. XI.

[2]) См. статью Г. Фельдмана в журнале «Плановое Хозяйство», 1927 г. № 7, стр. 196.

[3]) «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР». Гостехизд. 1927 г., стр. 21.

[4]) «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 г.г.», стр. 42—43, изд. «План. Хоз.», 1928 г.

способное сельское население составляло в 1926—27 г. 7,8 мил. чел. или 11,1% всего трудоспособного населения. При этом необходимо иметь в виду, что в силу сезонности сельскохозяйственного труда в летние месяцы аграрное перенаселение почти не чувствуется.

В ближайшее пятилетие перенаселение усиливается еще тем фактом, что при предполагаемом приросте всего населения на 11,2% рабочее население возрастет на 14,3%, вследствие подрастания поколений, которым накануне войны было 6—8 лет. Среди детей младшего возраста смертность в годы войны была настолько значительна, что следующие пятилетия дадут обратное соотношение: во второе пятилетие прирост населения составит 10,6%, а в рабочем возрасте—только 4,8%, в третье пятилетие—соответственно—9,1% и 7,5% [1]). Таким образом, в ближайшее пятилетие перенаселение не может быть преодолено полностью. Оно создавалось веками и преодолеть его можно лишь во втором пятилетии быстрого хозяйственного роста. Однако, пока перенаселение не будет преодолено, оно окажет замедляющее влияние на процессы накопления в нашей стране, ибо лишние «рты» участвуют в потреблении народного дохода, не влияя существенно на его рост. Это происходит не только в силу неизбежных затрат государства на обеспечение безработных и переселение избыточного населения, но и в результате участия «лишних» членов семьи в потреблении дохода семьи. Таким образом, возможности накопления народного дохода соответственно сокращаются. Действие этого фактора может, однако, быть частично ослаблено уже в первое пятилетие переходом в деревне к трудоемким культурам и осуществлением государством трудоемких капитальных работ.

В-третьих, замедляющее влияние на темп хозяйственного развития СССР могут оказать неурожаи. Вековое применение отсталых методов эксплоатации земли вызвало такое истощение почвы, такую тесную зависимость от природных условий, которые делают пока неизбежными частые неурожаи. Установлено, что в пятилетие в России бывало в среднем два неурожайных года. В С. Ш. неурожаи не повторялись столь часто и не принимали таких размеров. Устранить это явление можно лишь при переходе к передовым системам полеводства, при осуществлении сложной системы агрономических мероприятий. Хотя советский строй обеспечивает в этом направлении сравнительно быстрый прогресс, в ближайшее пятилетие зависимость от природных условий будет еще весьма тесной и непосредственной. Поэтому в ближайший период неурожаи могут еще оказывать замедляющее влияние на темп хозяйственного развития.

В-четвертых, ряд трудностей и препятствий вызывается низким культурным уровнем широких масс населения. Несмотря на значительные успехи советской власти в деле ликвидации неграмотности, неграмотные составляют сейчас 18% среди мужчин и 52% среди женщин. Низкий культурный уровень населения, несомненно, затрудняет реализацию ряда преимуществ нашей системы хозяйства. В частности, он затрудняет борьбу с бюрократизмом, тормозящим хозяйственный рост нашей страны. Однако, советский строй обеспечивает настолько быстрый рост культурного

[1]) С. Струмилин. «К перспективной пятилетке Гасплана», жур. «План. Х-во», 1927 г., № 3, стр. 26—27.

уровня народных масс, что замедляющее влияние этого фактора будет быстро ослабевать.

Мы не станем приводить других трудностей и препятствий, ибо главные уже отмечены, и характер их в общем ясен. Большая часть этих трудностей и препятствий не является безусловно неизбежной и может быть ослаблена и даже частично предупреждена соответственными мероприятиями советской власти. Тем не менее, при неблагоприятном сочетании условий они могут в сумме парализовать часть преимуществ советской системы хозяйства, могут ослабить на известный период возможности сверхамериканского темпа развития. Однако, преимущества эти настолько значительны, что даже при неблагоприятном сочетании условий (за исключением блокады и войны), может все же быть достигнут темп, не только не уступающий американскому, но даже несколько его превосходящий.

Так как преимущества переходной системы хозяйства и степень их реализации будут на протяжении переходной эпохи нарастать, то темп хозяйственного развития окажется также *нарастающим*. В то время как в развитых капиталистических странах в эпоху монополистического капитализма появляется тенденция к замедлению темпа, *в хозяйстве СССР действует противоположная тенденция—к нарастанию, к ускорению темпа.*

V. Партия и оппозиция о темпе.

Несмотря на то, что на протяжении восстановительного периода преимущества советской системы были реализованы лишь частично, влияние их на темп хозяйственного роста оказалось чрезвычайно значительным. Нижеследующая таблица характеризует исключительный темп восстановительного периода [1]).

Годы	Рост продукции цензовой промышлен. в % за год	Рост продукции мелкой промышленности в % за год	Рост основных фондов промышленности в % за год	Рост продукц. сельского хозяйства в % за год
	(По довоенным ценам)		(по ценам 25—26 г.)	(по довоенным ценам)
1922—23	31,0	29,0	—	—
1923—24	32,0	31,0	—	6,5
1924—25	55,0	24,0	0,5	8,0
1925—26	45,2	15,4	7,4	19,2
1926—27	15,1	7,0	9,8	4,1
1927—28	14,3	8,5	11,9	3,2

1926—27 г. был переходным от восстановительного периода к реконструктивному. Таблица показывает, что на протяжении восстановительного периода темп роста продукции был совершенно исключительным, в особенности в крупной промышленности. В действительности в обобществленной промышленности (государственной и кооперативной) он был даже несколько выше. Так, например, в 1925—26 и 1926—27 гг. прирост продукции обобществленной цензовой промышленности составил 45,3% и 17,1%,

[1]) Таблица составлена нами на основании «Контрольных цифр» за 1925—26, 1926—27, 1927—28 гг. Проценты прироста сел.-хоз. продукции даны за хозяйственные годы; за сельскохоз. годы они несколько выше.

прирост основных фондов всей обобществленной промышленности 7,9% и 10,5%. При этом обобществленная промышленность составляла 96—98% всей цензовой.

То обстоятельство, что в восстановительный период задача заключалась в загрузке и использовании бездействовавшего технического оборудования, несомненно, существенно облегчало возможность быстрого темпа. Однако, его исключительный характер не может быть полностью этим об'яснен. Такой исключительный темп восстановительного процесса вызывался, несомненно, преимуществами нашей системы хозяйства. Благодаря этим преимуществам мы достигли довоенного уровня одновременно с европейскими государствами, несмотря на то, что начали восстановительный процесс позже них и с чрезвычайно низкого уровня по сравнению с довоенным.

В действительности задачи восстановительного периода не были просты и легки. Основной капитал подвергся в годы гражданской войны значительным разрушениям, оборотный капитал почти отсутствовал, квалифицированные кадры рабочих разбрелись, не было кредитной системы, твердой валюты и т. д. Таким образом, задачи восстановительного периода требовали не только значительного ремонта и частичного обновления основного капитала, но и воссоздания оборотного капитала, кредита, твердой валюты и т. п. Если это было осуществлено в такой короткий срок без помощи передовых капитал. стран, то решающую роль, несомненно, сыграли преимущества нашей системы хозяйства. При этом необходимо не упускать из виду, что в некоторых основных отраслях хозяйства (электрификация, нефтяная промышленность, торфяная промышленность) была осуществлена уже в восстановительный период огромная реконструктивная работа, в результате которой эти отрасли значительно превзошли довоенный уровень. На ряду с этим был поставлен ряд новых производств.

Когда оппозиция пытается сейчас доказывать, что восстановительный процесс происходил почти стихийно, что превосходство темпа роста промышленности вызывалось лишь гораздо более низким исходным уровнем промышленной продукции в 1921—22 г. по сравнению с уровнем сельского хозяйства, то она скатывается к позиции меньшевиков и эсэров, утверждавших, что хозяйственный рост СССР происходит стихийно на основе законов товарного хозяйства, не благодаря политике советской власти, а вопреки ей. Когда, с другой стороны, оппозиция критикует недостаточность темпа индустриализации на основании безработицы, товарного голода и т. п., то она разоблачает свое недобросовестное стремление использовать в демагогических целях эти трудности роста, вытекающие в действительности из отсталости довоенной экономики России, уровень которой мы лишь начали обгонять.

Переход от восстановительного периода к реконструктивному связан, естественно, с замедлением темпа хозяйственного развития. В условиях, когда дальнейший рост зависит от капитального строительства, от расширения технической базы, темп роста не может быть таким быстрым, как в восстановительный период. Однако, преимущества советской системы хозяйства делают возможным и в реконструктивный период, как это установлено было выше, достижение сверхамериканского темпа развития. С другой

стороны, нарастание этих преимуществ и система их реализации обеспечивает возможность нарастания темпа.

«Было бы ошибочно полагать, что темп развития народного хозяйства в будущем не превысит темпа довоенного или даже будет ниже его. Такой взгляд не учитывает того, что *по мере осуществления плана промышленного строительства открываются все новые и новые возможности для последующего увеличения темпа развития* как промышленности, так и сельского хозяйства, открываются все большие перспективы по использованию всех внутренних ресурсов СССР. Такой взгляд не учитывает также и всех коренных изменений, которые произошли в хозяйстве Советского Союза и отличают его от хозяйства капиталистических стран. Эти отличия, заключающиеся, в первую очередь, в уничтожении частной собственности на основные средства производства и в плановом руководстве всем хозяйством, превращаются все более и более по мере дальнейшего развития хозяйства *в гигантские преимущества, обеспечивающие значительно более быстрый темп развития по сравнению с довоенным периодом и темпом развития капиталистических стран.*

Реализация этих преимуществ в практическом строительстве составляет важнейшую задачу партии в период социалистического переустройства всего народного хозяйства» [1]).

Такова в основном партийная линия в вопросе о темпе и методах его ускорения. Эта линия нашла свое развитие в проекте «Директив по составлению пятилетнего плана народного хозяйства», одобренном октябрьским пленумом ЦК и ЦКК [2]).

Директивы исходят из необходимости обеспечения нарастающего темпа на длительный период. «Здесь следует исходить не из максимума темпа накопления на *ближайший* год или несколько лет, а из такого соотношения, которое обеспечивало бы *длительно* наиболее быстрый темп развития». В соответствии с этим они отвергают путь повышения цен, выдвигавшийся ранее оппозицией открыто, ибо этот путь «через некоторое время дал бы резкое снижение темпа развития, сузив внутренний рынок, подорвав сельскохозяйственную базу промышленности и застопорив технический прогресс в индустрии». По этим же причинам директивы отвергают путь «*максимальной* перекачки средств из сферы крестьянского хозяйства в сферу индустрии, ибо это требование означает не только политический разрыв с крестьянством, но и подрыв сырьевой базы самой индустрии, подрыв ее внутреннего рынка, подрыв экспорта и нарушение равновесия всей народнохозяйственной системы». Одновременно, однако, директивы подчеркивают, что было бы неправильно отказываться от привлечения средств деревни для нужд индустриализации, так как это вызвало бы замедление индустриализации страны и нарушение хозяйственного равновесия.

Контртезисы троцкистской оппозиции утверждают будто директивы ЦК и ЦКК не дают никаких конкретных указаний относительно путей изживания аграрного перенаселения и товарного голода. Основываясь на первых, никем не принятых и не утвержденных, проектах пятилетки, контртезисы стремятся дискредитировать директивы ссылками на допускаемое этими проектами

---

1) Из резолюции XV партконференции по докладу т. Рыкова, курсив наш.
2) Проект этот утвержден, как известно, XV парт'ездом. Настоящая статья сдана в печать до XV парт'езда.

обострение аграрного перенаселения и товарного голода. В действительности в директивах по обоим вопросам имеются конкретные указания, и ошибки первых проектов пятилетки в них учтены.

Для рассасывания аграрного перенаселения и безработицы, директивы намечают не только путь энергичного расширения крупной промышленности, но и путь развития местной и кустарной промышленности, перехода к 7-часовому рабочему дню, развития трудоемких культур в деревне и индустриализации самого сельского хозяйства. Благодаря этим мерам новый проект пятилетки предусматривает сокращение избыточного населения в деревне за пятилетие с 7,76 млн. до 7,14 млн., а безработных в городе—с 1.550 тыс. до 948 тыс. В противовес оппозиции, ищущей путей рассасывания аграрного перенаселения и безработицы лишь в развитии промышленности, директивы придают, таким образом, надлежащее значение также под'ему и индустриализации сельского хозяйства. Своим требованием *максимального* из'ятия средств из деревни на нужды индустриализации, оппозиция отрезала себе путь к решению проблемы аграрного перенаселения, ибо совершенно очевидно, что *такая перекачка, вызывая сжатие сельского хозяйства, воспроизводила бы аграрное перенаселение в расширенном масштабе.*

С другой стороны, изживанию товарного голода будет содействовать директива, чтоб промышленность, производящая предметы потребления, довела «количество и качество своей продукции до таких пределов, чтоб было обеспечено значительное повышение душевой нормы потребления трудящихся». Необходимо, однако, иметь в виду, что первый период индустриализации характеризуется неизбежно сравнительно медленным темпом роста производства средств потребления, ибо решающие капитальные вложения направляются на постройку предприятий тяжелой индустрии, эффект которых скажется большей частью лишь во втором пятилетии.

Для ускорения темпа развития директивы требуют энергичной рационализации производства и систематического понижения себестоимости и цен товаров:

«В центре всего должна стоять самая энергичная, самая напряженная работа *по рационализации*: рационализация индустрии в первую очередь, рационализация торгового аппарата, рационализация государственного аппарата и т. п.».

«Важнейшей задачей соц. строительства в области организации обмена является *преодоление анархии рынка* и расточительности в расходовании материальных средств, свойственной капиталистическому способу распределения, путем дальнейшего развития и рационализации обобществленного сектора товарооборота».

«Политика рационализации и низких цен, устанавливая равновесие между городом и деревней, неизбежно повлечет за собою длительное ускорение темпа развития».

Социалистическая рационализация в отличие от капиталистической заключается не только в технических и организационных улучшениях и усовершенствованиях, но в реализации преимуществ переходной системы хозяйства. Ставя в центре всего социалистическую рационализацию, директивы обеспечивают использование многообразных возможностей ускорения темпа, вытекающих из превосходства переходной системы хозяйства над

капиталистической. С другой стороны, тип индустриализации, намечаемый директивами, характеризуется не хирением сельского хозяйства, а его под'емом и индустриализацией. В предыдущих главах мы убедились, что этот тип индустриализации обеспечил С. Штатам существенные преимущества, что особенности хозяйства СССР делают возможным и целесообразным осуществление этого типа и у нас. Все это доказывает, что директивы в своей совокупности, при последовательном их осуществлении, несомненно, обеспечат нашему хозяйству возможность сверхамериканского темпа развития.

Оппозиция пытается, однако, в своих контртезисах опорочить эти директивы на основании первоначальных проектов пятилетнего плана, выработанных комиссиями Госплана и ВСНХ. Мы отметили уже, что проекты эти в действительности никем не утверждались. Даже президиумы Госплана и ВСНХ не одобрили этих проектов, разработанных их аппаратами, и подвергли резкой критике преуменьшение ими возможного темпа развития. Проекты эти были опубликованы лишь как материалы, при чем руководители Госплана и ВСНХ подчеркивали в своих предисловиях, статьях и выступлениях основную ошибку этих проектов.

Так, например, председатель Госплана т. Кржижановский писал по поводу проекта пятилетки, разработанного в 1926—27 г. комиссией Госплана, следующее: «*Проектом настоящей пятилетки мы лишь открываем дискуссию по важнейшим хозяйственным вопросам, и лишь в этом смысле должна трактоваться приложимость этой пятилетки и всего арсенала ее средств к действительной хозяйственной практике*... Мы начинаем ясным образом страдать от некоторой своеобразной *переоценки* того обстоятельства, что в настоящее время мы приближаемся к завершению восстановительного процесса... Отсюда преувеличенный нажим в сторону снижения намечаемых темпов нашего дальнейшего хозяйственного развития. Элементарная рационализация наших основных хозяйственных ячеек может сопровождаться таким под'емом всего темпа нашего хозяйственного воспроизводства, правильная наметка которого в настоящее время является крайне затруднительной» [1]).

Председатель ВСНХ т. Куйбышев подверг на пленумах ЦК и ЦКК критике не только проект пятилетки, разработанный ОСВОК под председательством т. Пятакова, но и второй проект, разработанный в 1927 г. комиссией ВСНХ. В своем предисловии к «Материалам», характеризующим этот проект, тов. Куйбышев писал: «Изменение предположений о возможной эффективности капитальных затрат приводит к необходимости соответствующего изменения перспективной наметки основных показателей реконструкции — повышения производительности труда и снижения себестоимости. При улучшении этих показателей делается возможным, с одной стороны, увеличение накоплений в промышленности, а, с другой стороны, изменяется схема их распределения. При одинаковой сумме вложения со стороны можно добиться значительно большего развития капитального строительства за счет роста той части накопления, которая может быть использована для этой цели. Увеличение и лучшее использование капитальных вложений дают значительный поправочный коэффициент в области увеличения выпуска продукции и изменения баланса между городом и деревней... Значительное увеличение производства сделает возможным увеличение числа вовлекаемых в работу промышленности рабочих, а снижение себестоимости видоизменит перспективы в области повышения заработной платы, в особенности в реальном ее выражении. Центральным пунктом, который подлежит дальнейшей переработке, является, в соответствии с этим, вопрос об эффективности капитальных вложений и пересмотр его на основе опыта начавшегося проведения рационализации промышленности... Все изложенное заставляет нас считать настоящую работу не законченной и подвергнуть ее еще раз переработке... Действительность и на этот раз опережает тот опыт, которым мы в каждый данный момент располагаем, как это постоянно имеет место в нашей стране, где *преимущества социалистической организации промышлености делают недостаточными даже самые смелые наши предположения о динамике ее развития*» [1]).

Таким образом руководители Госплана и ВСНХ не только подчеркнули, что проекты пятилеток преуменьшают темп возможного развития, но и выяснили, какие обстоятельства делают возможным значительное ускорение темпа. Совершенно нелепа, поэтому, попытка контртезисов оппозиции критиковать директивы последнего пленума на основании этих пятилеток. *Ведь пятилетний план на основе этих директив еще разрабатывается!* Опубликованные предположительные ориентировочные цифры этого проекта [2]) даже в его отправном, *минимальном* варианте дают к концу 1931—32 г. рост продукции промышленности на 63%, сельского хозяйства—на 24%, общей работы железных дорог—на 45,6%, выработки электрической энергии—на 76,7%, общего строительства в городах—на 86,2%, доходной части госбюджета—на 48,1%, реальной зарплаты—на 45%, дохода на душу населения—на 31%, снижение оптовых цен—на 21%, снижение строительного индекса—на 30% и т. д. Если сопоставить геометрические проценты предполагаемого по *минимальному* варианту годичного прироста продукции промышленности (в среднем около 11%) и сельского хозяйства (в среднем около 4%) с приведенными в первой главе геометр. процентами годичного прироста ее в С. Ш., то окажется, что даже *минимальный* вариант намечает темп роста, значительно превосходящий американский.

Между тем, оппозиция совершенно не учитывает, что ближайшее пятилетие является особенно трудным, ибо результаты крупных капитальных вложений скажутся главным образом в следующем пятилетии, когда новые предприятия вступят полностью в эксплоатацию. С другой стороны, оппозиция не учитывает возможности ряда трудностей, которые могут замедлить темп развития (неурожаи и т. д.).

Однако, резкая критика оппозицией намеченных первыми проектами пятилетки темпов роста создает *впечатление*, что оппозиция владеет *секретом* подлинных методов ускорения темпа. От тех, кто подвергает такой резкой критике проекты пятилетки за

[1]) См. Г. М. Кржижановский. «К построению перспективной пятилетки», журнал «Плановое Хозяйство», 1927 г., № 3, стр. 13.

[1]) Предисловие к «Материалам по пятилетнему плану развития промышленности СССР», Гостехиздат, 1927 г., курсив автора.

[2]) «Перспективная ориентировка на 1927/28—1931/32 гг.», изд. «План. Хоз.», 1928 г.

преуменьшение ими возможных темпов развития, *мы в праве требовать ясных указаний относительно возможных путей ускорения этих темпов*. Сумела ли оппозиция указать эти пути? Нельзя сказать, чтоб она не пыталась сформулировать свои предложения по этому вопросу. На августовском пленуме ЦК и ЦКК т. Пятаков внес от имени оппозиции проект резолюции, в котором она пытается сформулировать ряд предложений об источниках средств для ускорения темпа индустриализации. Эти предложения повторены почти без изменений и в «Платформе» оппозиции и в ее контртезисах под многообещающим заголовком: «Где взять средств?» Таким образом, в разделе IX контртезисов приведены, очевидно, все предложения, которые оппозиция смогла сформулировать.

Рассмотрим последовательно эти 11 предложений. Посмотрим, открывают ли они подлинные источники добавочных средств для ускорения темпа индустриализации.

Недоумение вызывает уже первый пункт IX раздела. Пункт гласит: «Чистые вложения из бюджета на нужды индустриализации могут и должны достигнуть 500—1.000 миллионов в год в течение ближайшего пятилетия». Совершенно очевидно, что здесь высказано лишь пожелание, но не указан источник для его осуществления, ибо для подобного роста *чистых* вложений (т.-е. за вычетом того, что бюджет получает от промышленности при помощи налогов и отчислений), в промышленность необходим соответственный рост доходной части бюджета или соответственное сокращение других расходов. Этот пункт носит, очевидно, вводный характер. Очевидно, ответ об источниках должны дать последующие пункты.

Действительно, во втором пункте формулированы два предложения. Первое предложение гласит: «Провести действительное обложение всех видов сверхприбыли частных предпринимателей в размере не менее 150—200 млн. рублей, а не 5 млн., как сейчас». Где и кем доказано, однако, что увеличение обложения возможно именно в таком об'еме? Необходимо иметь в виду, что решающее значение в обложении частного капитала имеет не этот налог на кон'юнктурную сверхприбыль, а система основных прямых налогов. В 1925—26 г., когда нашими хозяйственными центрами управляли лидеры оппозиции, обложение частного капитала было действительно недостаточным [1]). Однако, в 1926—27 г. партия вступила на путь усиления налогового обложения частников. Поскольку благоприятная рыночная кон'юнктура содействовала некоторому абсолютному росту капиталистических элементов, этот факт нашел свое отражение в «Директивах», указывающих на «возможность перейти к дальнейшему, более систематическому и настойчивому, ограничению кулака и частника». Этот налоговый нажим на частника, несомненно, даст государству добавочные средства.

Однако, возможность из'ятия при помощи ограничения частника добавочных 150—200 млн. рублей никем не доказана и противоречит наличным подсчетам, определяющим всю сумму годового накопления частного капитала в 1926—27 г. максимально в 200—250 млн. рублей [2]). Увеличение налогового бремени на

[1]) См. об этом интересную брошюру Ю. Ларина—«Налоговое обложение и оппозиция», ГИЗ, 1928 г.

[2]) См. Ю. Ларин. «Частный капитал в СССР», ГИЗ, 1927 г., стр. 240.

150—200 млн. рублей могло бы поэтому дать эффект в течение одного лишь года. Оно вызвало бы немедленно такое резкое сокращение частнокапиталистических предприятий, такую тенденцию перевести оставшиеся капиталы в иностранную валюту и золото, чтобы скрыть их от обложения, что уже в следующий год доходы государства от обложения частного капитала составили бы ничтожную величину. С другой стороны, такое резкое сокращение частноторговых предприятий создало бы такие бреши в товаропроводящей сети, которые кооперации и госторговле при данном уровне их материальных и организационных возможностей было бы трудно устранить.

Не более серьезно второе предложение этого пункта: «Из'ять у зажиточно-кулацких слоев, примерно, у 10% крестьянских дворов, в порядке займа, не менее 150 млн. пудов хлеба из натуральных запасов». Прежде всего, оппозиция совершенно не указывает, как провести этот заем. Между тем, заем, который производится лишь у определенной части деревни, не может уже в силу этого быть добровольным. Для всякого очевидно, что он может быть осуществлен лишь как принудительный. Принудительный же заем в натуральной форме, приближаясь по существу к продразверстке, вызвал бы враждебное отношение не только со стороны кулаков, но и со стороны широкой середняцкой массы, *которая в этом акте усмотрела бы угрозу также своим запасам*. С другой стороны, тяжесть этой продразверстки была бы совершенно исключительной, так как вопреки оппозиционной «статистике», у тяготеющих к кулацким и кулацких слоев сосредоточено лишь около 20% запасов. Общую же величину запасов эта «статистика» также преувеличивает: они составляют не миллиард пудов, а примерно 700 млн. [1]). Приводя в своих контртезисах о работе в деревне таблицу из «Контрольных цифр на 1927—28 г.», характеризующую расслоение деревни на Сев. Кавказе, Урале, в Новосибирском округе, оппозиция выпустила из нее почему-то (в действительности причина ясна!) графу о распределении запасов. Между тем, таблица показывает [2]), что в этих районах наибольшего расслоения крестьянства кулацкая группа владела в 1925 г. след. долей запасов: на Сев. Кавказе—12,8%, на Урале—18,4%, в Новосибирском округе—14,6%. Зажиточная группа хозяйств, из которых только меньшая часть тяготеет к кулацким, владела на Сев. Кавказе—30,6% запасов, на Урале—24,4%, в Новосибирском округе—13,3%. Таким образом, даже в этих районах наибольшего расслоения крестьянства, подавляющая часть запасов была в руках середняков и бедняков. Все это доказывает, что из'ятие в порядке принудительного займа у 10% хозяйств 150 млн. пудов хлеба могло бы оказаться даже неосуществимым,—тем более, что большая часть запасов сосредоточена в районах, страдающих периодически от неурожаев, и представляет собою страховой фонд на случай неурожая. Это подтверждается следующими данными, оглашенными т. Рыковым на августовском пленуме ЦК и ЦКК: запасы на душу населения составляли к началу 1927—28 г. в районе Ср. Волги—12 п., Н. Волги—13,3 п., на Сев. Кавказе—14 п., в Крыму—

[1]) См. статью П. Керженцева в «Правде», от 15/XI 1927 г.

[2]) См. «Контрольные цифры на 1927—28 г.», стр. 354.

13,9 п., на Украине—7,5 п., в Сибири—6,9 п., на Урале—7 п., в Центр.-Черноземн. области—4,5 п.

Намечаемое тезисами «О работе в деревне», «более решительное наступление на *кулака*, несомненно, даст известный рост поступлений сельхозналога от этой группы. Однако, этот рост не может быть настолько значительным, чтоб сыграть решающую роль для ускорения темпа индустриализации, тем более, что одновременно будет происходить понижение налоговых ставок для маломощных хозяйств, которое вызовет уменьшение поступлений от этих групп хозяйств.

Нажим на частника и кулака в предлагаемых оппозицией размерах, означал бы, несомненно, *частичную ликвидацию нэпа* и вытекающий отсюда рост хозяйственных и политических трудностей, которые замедлили бы темп хозяйственного развития.

Чувствуя, очевидно, что на «оригинальных» предложениях далеко не уедешь, оппозиция повторяет в третьем и четвертом пунктах бесспорные партийные предложения. Верно, предложение о систематическом и неуклонном... снижении (!) отпускных и розничных цен на основе понижения себестоимости решительно противоречит той линии повышения цен, которую оппозиция в своем большинстве (и в особенности т. Пятаков) защищала до сих пор, о чем контртезисы скромно умалчивают. Можно было бы, однако, приветствовать это прозрение оппозиционных экономистов, если б это предложение не сопровождалось оговорками о необходимости «более сообразующейся с условиями рынка, более гибкой, более индивидуализированной» политики снижения цен, которые направлены против реальной политики снижения цен, осуществляемой партией.

Выдвигая в червертом пункте... режим экономии, оппозиция подчеркивает, что он «может быть осуществлен только под непосредственным нажимом масс». Является ли это положение новым? Не партийные ли тезисы говорят в специальном разделе о роли масс и массовых организаций? Не партия ли проводит опыт создания на предприятиях контрольных комиссий для облегчения массам нажима на административный аппарат? Ничего нового, ничего конкретного оппозиция предложить не смогла!

Пятый пункт, говорящий о необходимости использовачия монополии внешней торговли, иностранных кредитов, концессий, договоров технической помощи для получения дополнительных средств и повышения целесообразности наших собственных затрат, сформулирован в таких осторожных выражениях, что по внешности он лишь повторяет соответственные утверждения партийных тезисов. Однако, в действительности здесь делается попытка противопоставить линии партии свою линию. В проекте резолюции, внесенной т. Пятоковым на августовском пленуме ЦК и ЦКК, этот пункт сформулирован с надлежащей ясностью.

«Плановая установка на замкнутый, самодовлеющий социализм в одной стране, обязующая в кратчайший срок производить все самим, снижает плоды капитальных затрат, ослабляет темп и бьет по смычке. Более правильный подход к нашим взаимоотношениям с мировым хозяйством—под углом зрения темпа развертывания, а не мнимой «самостоятельности», что ни в малейшей степени не означает отказа от развития своего машиностроения—давал бы возможность при тех же средствах значительно быстрее продвигаться вперед».

Еще более резко формулирован вопрос о взаимоотношениях с мировым хозяйством в соответствующей главе пресловутой «Платформы» оппозиции. «Установка на изолированное социалистическое развитие и на независимый от мирового хозяйства темп искажает всю перспективу, сбивает плановое руководство с пути, не дает руководящей нити для правильной регулировки наших отношений с мировым хозяйством. В результате мы не умеем правильно определить, ни что построить самим, ни что привезти из-за границы. Решительный отказ от теории изолированного социалистического хозяйства будет уже в течение ближайших лет означать несравненно более целесообразное использование наших ресурсов, более быструю индустриализацию, более планомерный и могучий рост собственного машиностроения, более быстрый рост числа занятых рабочих, действительное снижение цен, словом, подлинное укрепление СССР в капиталистическом окружении».

Эти утверждения оппозиции, прежде всего, неверно характеризуют партийную линию. Неверно будто партия против развертывания связей с мировым хозяйством. «Директивы» партии заявляют, что «необходимо исходить из максимально широких связей, *поскольку* эти связи (расширение внешней торговли, иностранного кредита, концессий, привлечение иностранных технических сил и т. д.) увеличивают хозяйственную мощь Союза, делают его более независимым от капиталистического мира, расширяют социалистическую базу дальнейшего индустриального развития Союза,—только в *этих* пределах можно говорить о максимально широких связях». Признавая, таким образом, необходимость максимума связей с мировым хозяйством, партия считает возможным развитие *таких* связей, которые усиливают независимость Союза и удельный вес в нем элементов социализма. Оппозиция же выдвигает голый лозунг усиления связей с мировым хозяйством «под углом зрения темпа развертывания, а не мнимой «самостоятельности», она критикует установку, «обязующую в кратчайший срок производить все самим».

Действительно, установка на развитие в кратчайший срок новых производств и, в особенности, машиностроительной индустрии может оказать некоторое замедляющее влияние на темп развития в ближайший или ближайшие годы, ибо за границей мы могли бы купить эти машины гораздо дешевле и поэтому в большем количестве. Однако, совершенно очевидно, что в последующем эта линия обеспечивает нарастание темпа развития; на более длительный период она обеспечивает не замедление, а ускорение темпа. Развернуть новые производства невозможно, если подходить к проблеме темпа лишь «под углом» ближайшего или ближайших лет, ибо постановка новых производств неизбежно связана с известными издержками. Хотя оппозиция утверждает, что ее позиция «ни в малейшей степени не означает отказа от развития своего машиностроения»,—нетрудно доказать, что свое машиностроение не может развиваться, если не оказывать ему особую финансовую поддержку на первых ступенях его развития, если не предоставлять ему заказы, несмотря на более высокий в первый период уровень цен. В действительности линия оппозиции вызвала бы поэтому не «подлинное укрепление СССР в капиталистическом окружении», а рост зависимости СССР от мирового хозяйства.

С другой стороны, только линия на развитие в кратчайший срок новых производств обеспечивает обороноспособность СССР. «Платформа» оппозиции пытается доказать ссылками на опыт мировой войны, что в случае войны мы тем легче и скорее поставим новые производства, чем больше используем до войны связи с мировым хозяйством для увеличения наших ресурсов. Оппозиция не учитывает, однако, как это отмечено т. Микояном в одной из его речей, того обстоятельства, что внешняя торговля воюющих государств во время мировой войны продолжалась, хотя и в сокращенном об'еме,—между тем как у нас этой возможности, очевидно, не будет. Поэтому на ряду с использованием связей с мировым хозяйством для увеличения наших ресурсов необходима немедленная постановка новых производств, необходимо оптимальное сочетание этих задач.

Таким образом, как необходимость *длительного* ускорения темпа развития, так и необходимость обороны страны требуют использования связей с мировым хозяйством в тех пределах и формах, которые намечаются в тезисах ЦК и ЦКК.

В шестом пункте оппозиция выдвигает в качестве источника средств подбор людей и правильные их взаимоотношения, утверждая, что чем хуже подбор, тем больше нужно средств. Против этого возражать не приходится. Но почему это предложение выдвигается как новое? Разве эта задача не привлекала внимания партии? Разве вопрос о правильном подборе людей и правильных взаимоотношениях между ними не является частью общего вопроса о социалистической рационализации и как таковой не вытекает из партийных директив?

В седьмом пункте оппозиция вместо конкретных предложений предпочла гораздо более легкий путь голословных обвинений хозяйственного руководства в хвостизме и т. п. В подтверждение своей ругани она привела лишь факт текучести рабочего состава наших предприятий, вызывающей значительные убытки. Не является ли, однако, борьба с этой текучестью давно осознанной и осуществляемой задачей? Совершенно очевидно, что никакой «Америки» оппозиция здесь не открыла. Борьба с этой текучестью является ведь составной частью социалистической рационализации.

Еще меньше нового дают следующие три пункта. Восьмой пункт изрекает общеизвестную истину о роли кредита, как рычага перераспределения народного дохода для целей социалистического строительства. Девятый пункт повторяет общие фразы о необходимости более классово-выдержанной хозяйственной политики, сужающей рамки спекуляции и ростовщичества. Десятый пункт повторяет положение о необходимости сокращения издержек обращения, формулированное в партийных тезисах гораздо ярче.

Наконец, одиннадцатый пункт выдвигает в качестве источника средств прекращение продажи водки, от которой государственная промышленность теряет будто бы не меньше, чем получает от водки бюджет. Если принять во внимание, что государство от продажи водки получает около ½ миллиарда рублей, что прекращение продажи водки вызвало бы рост самогона и затрату на это огромных масс хлеба, то утверждение оппозиции окажется по меньшей мере сомнительным. Во всяком случае уничтожение водки не дало бы *добавочного* источника средств. Скорее оно

лишило бы нас части получаемых средств. Тем не менее, курс на ликвидацию водки намечен ЦК, как это отметил т. Сталин в беседе с иностранными делегациями, хотя и не в такой краткий срок, как намечаемый оппозицией.

* * *

Мы рассмотрели последовательно все предложения оппозиции. Под многообещающим заголовком «Где взять средства?» в действительности новых подлинных источников добавочных средств не оказалось. Большая часть предложений оказалась повторяющей общеизвестные партийные положения. «Оригинальные» же предложения—об обложении сверхприбыли частников на 150—200 млн. рублей и хлебном займе у кулаков в 150 млн. пудов,—если б даже они могли быть осуществлены в полном об'еме, дали бы добавочные средства лишь в течение одного года за счет последующего сокращения извлекаемых средств. Такое же влияние оказало бы на темп применение голого принципа максимального развертывания связей с мировым хозяйством. Подобная политика привела бы к такой зависимости СССР от капиталистического окружения, к такому росту экономических и политических трудностей и противоречий, которые в конечном счете вызвали бы замедление темпа. «Оригинальные» предложения оппозиции не только исключают возможность *длительного* ускорения темпа, но и противоречат социальным особенностям нашей системы хозяйства. Вследствие этого они создали бы при своем осуществлении опасность нарушения процесса ее расширенного воспроизводства.

Оппозиция не осознала в должной мере возможностей ускорения темпа, вытекающих из многообразных преимуществ переходной системы хозяйства. Благодаря этому она недооценила роли социалистического сектора, социалистической рационализации и переоценила роль капиталистического сектора и капиталистического окружения.

Между тем, это превосходство переходной системы хозяйства над капиталистической создает возможность ликвидации собственными силами нашей экономической и технической отсталости. Вопреки утверждениям оппозиции, эта экономическая и техническая отсталость не является непреодолимым препятствием строительству социализма в нашей стране, ибо может быть преодолена в относительно минимальный исторический срок благодаря преимуществам нашей системы хозяйства. Нарастание этих преимуществ и степени их реализации обеспечивает возможность «в относительно минимальный исторический срок нагнать, а затем и превзойти уровень индустриального развития передовых капиталистических стран».

Для этого, однако, необходимо, чтоб перспективные планы ставили в центре внимания развитие преимуществ нашей системы хозяйства и их реализацию. Рассмотрению с этой точки зрения нового проекта пятилетнего плана и предварительных наметок генерального плана мы посвятим следующую статью[1]).

---

[1]) Настоящая статья является сжатым изложением подготовляемой к печати работы на ту же тему.

С. Кругликов.

Борьба социализма и капитализма в деревне.

«*Теория некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе* есть в сущности теория громадного большинства буржуазных профессоров, буржуазных демократов и оппортунистов... Эта теория *есть иллюзия, мечта, самообман всего буржуазного общества*».

(Ленин. 1913 г.) [1]).

«Но посмотрите, как изменилось дело теперь, раз *государственная власть уже в руках рабочего класса*, раз политическая власть эксплоататоров свергнута и раз все *средства производства* (кроме тех, которые рабочее государство добровольно отдает на время и условно эксплоататорам в концессию) *находятся в руках рабочего класса*.

Теперь мы вправе сказать, что *простой рост кооперации для нас тождественен* (с указанным выше «небольшим» исключением) *с ростом социализма*».

(Ленин. «О кооперации», 1923 г.).

В настоящее время стало ходячим в рядах оппозиции обвинение линии партии по крестьянскому вопросу в народничестве. Это обвинение вытекает из того, что партия признает возможность некапиталистического пути развития основной массы крестьянства в условиях пролетарской диктатуры через преодоление капиталистических тенденций в развитии деревни. Оппозиция видит в современной советской деревне лишь одну, капиталистическую форму развития.

Чтобы разобраться в этом деле по существу и выяснить, где же подлинный марксизм, придется обратиться к некоторым более общим вопросам.

В чем не правы народники, которые *всегда* стояли за некапиталистическое развитие деревни?

В чем здесь отличие марксизма от народничества?

Ошибки народников.

Как известно, существо народнической установки заключается в том, что крестьянское хозяйство является единственно жизнеспособной формой развития сельского хозяйства. Общие тенденции капиталистического развития (концентрация и централизация),

---

1) Том IX. стр. 186, изд. 1925 г. (Неоговоренное подчеркнуто всюду мной. *С. К.*).

так ярко проявляющиеся в промышленности не имеют места в деревне. Наоборот, деревня в условиях капитализма идет своим особым путем. Массив мелких хозяйств не только не подвергается капиталистическому расслоению, но даже консолидируется, вытесняя из земледелия капиталистические формы хозяйства. Развитие деревни идет путем под'ема всей массы мелких хозяйств. Отсюда возможность, по их мнению, уже в условиях капитализма начать «врастание» в социализм путем кооперирования.

Основная ошибка этой теории заключается в том, что она отрывает развитие деревни от развития всей социально-экономической системы.

Анализируя работы народников, смыкающихся с общим фронтом буржуазных экономистов, Ленин обращал внимание прежде всего на эту ошибку. Он писал:

«Одна из главных ошибок буржуазных экономистов состоит в вырывании отдельных фактов, цифр и цифирек из общей связи политико-экономических отношений» [1]).

Одна из основных особенностей марксистской методологии в аграрном вопросе состоит как раз в том, чтобы при всех особенностях аграрных отношений проследить развитие в них тех общих тенденций, которые характеризуют все капиталистическое общество в целом. Конкретный экономический анализ на основе этого метода и приводит к тому выводу, что в условиях капитализма единственной возможной передовой формой является и в сельском хозяйстве предприятие капиталистического типа.

С первой ошибкой тесно связано у народников непонимание ведущей роли города в новейшей истории. Эта ведущая роль обусловлена тем, что город работает на основе более высокого уровня производительных сил, т. е. является носителем самых передовых хозяйственных форм. Город сосредоточивает основные экономические рычаги и подавляющую массу богатств, увеличивая ее еще более разорением деревни.

Другая ошибка, вытекающая по существу из первой, заключается в том положении народников, что в деревне нет классовой борьбы, что деревня развивается поэтому сплошным массивом. Отсюда—отрицание роли кулака, как основного представителя формирующейся сельской буржуазии. Бедствия капиталистического разорения деревни, проводником которого является кулак, выступают в глазах народников лишь как результат ошибочной политики или тех или иных случайностей. Поэтому народники никогда не понимали, что зажиточная середняцкая верхушка неизбежно выделяет кулацкий слой, а последний перерастает непосредственно в средних и крупных буржуа.

Вся история капитализма подтверждает тот основной вывод, что до тех пор, пока вся страна развивается на капиталистических основах, и для деревни нет и не может быть в этих условиях никакого иного, «особого» пути развития.

Оппозиция о путях развития советской деревни.

Как представляет себе пути развития нашей деревни оппозиция, поднявшая столько шуму по поводу якобы народнической

---

1) Том IX, стр. 186.

линии партии? Изобразим ее точку зрения собственными ее словами из контртезисов по работе в деревне:

1) «Происходит пролетаризация деревни и рост беспосевных хозяйств».

2) «Сокращение процентов беспосевных и малопосевных групп происходит в значительной мере путем их разорения и ликвидации».

Это пишется в ответ на то положение партии, что изменение социально-экономического содержания командных высот все в большей мере уменьшает число бедняков, поднимая их в высшие разряды. Факт уменьшения оппозиция об'ясняет усилением разорения и полного обнищания значительной части бедняцких хозяйств. Она констатирует, таким образом, определенное господство в этом пункте чисто-капиталистической тенденции.

3) «Главная масса основных средств производства принадлежит зажиточным слоям деревни».

4) «Возрастает удельный вес крайних групп за счет средних». («Факт «вымывания» середняка»).

И в качестве общего вывода:

5) «Факты неопровержимо свидетельствуют о капиталистическом процессе расслоения, а не об общем под'еме всех групп крестьянства».

Следовательно, никакого отличия в развитии советской деревни от столыпинских времен *по существу, по типу* нет. Никаких *иных* тенденций, *кроме* капиталистических, оппозиция не видит в развитии нашей деревни.

Таким образом, все изменения социально-экономических отношений в нашей стране не внесли, выходит, никаких изменений в развитие деревни сравнительно с дореволюционными временами. Таков оппозиционный итог первого десятилетия Октября и шести с половиною лет нэпа.

«Вся принципиальная установка в ЦК в вопросе о крестьянстве,—говорит оппозиция,—сбивается на народничество».

Оппозиция обвиняет линию ЦК и линию партии в народничестве за то, что партия считает возможным при нашем строе некапиталистическое развитие деревни и видит уже начавшийся рост в деревне новых процессов, *принципиально* иных, чем при капитализме, несмотря на наличие еще частичной пролетаризации бедноты и роста кулака.

Партия обосновывает эту возможность иным социально-экономическим содержанием всех командных высот. Как сама государственная власть, так и ряд решающих экономических рычагов у нас в *основном* принципиально иные, чем при капитализме.

Вся эта постановка вопроса об'явлена неленинской.

«Вместо ленинской установки мы имеем бухаринскую, которая заключается в том, что при капитализме так, а у нас все «принципиально иначе» (Смилга).

Но стреляя по ЦК обвинениями в народничестве, оппозиция попадает дальше, чем метит. Если всякая попытка поставить вопрос об иных, некапиталистических путях развития деревни есть народничество, то как тогда быть со следующим сопоставлением:

Ленин или Суханов?!

Как ни нелепо такое сопоставление, но именно к нему тащит оппозиционная логика.

В самом деле. Как ставил и ставит вопрос Суханов о путях развития деревни? Этот человек, представляющий своеобразное сочетание меньшевика и народника, утверждает во всех своих работах, что деревня развивается всегда особым, некапиталистическим путем. Основной, самой жизнеспособной формой является только крестьянское хозяйство.

«Земледельческое трудовое крестьянство является необходимым элементом капиталистического строя и будет в нем существовать всегда» [1]).

Капиталистическая форма производства в промышленности подготовляет социализм концентрацией производства и созданием более высокой технической базы. Сельское хозяйство пойдет к обобществлению иными путями.

«Если земледельческому производству предстоит быть обобществленным, то ему предстоит итти путем некапиталистического срастания,—путем кооперации» [2]).

«Поскольку в пределах буржуазного строя могут быть созданы совершенные формы земледельческого производства, способные служить предпосылками для социалистического хозяйства, постольку для социалистической партии открывается *необходимое и единственное* поле деятельности... Это—создание *трудового* коллективно-крупного земледельческого хозяйства» [3]).

Кооперация является здесь средством перехода с. х. к социализму. При чем основные *предпосылки социалистического хозяйства* создаются уже *в рамках капитализма, внутри самой кооперации*. В другом месте Суханов высказывается на этот счет яснее:

«*Кооперация не только является первостепенным фактором развития производительных сил; в деревне именно она способна создать те производственные отношения, какие будут налицо в социалистическом строе... Логическим завершением кредитной кооперации и кооперативной организации сбыта является производственная с.-х. кооперация... Все это подтверждает взгляд на кооперацию, как на внедрение в современную деревню хозяйственных форм, свойственных социализму*» [4]).

«*Единственная сила, которая способна повести земледельческое производство к его конечным совершенным формам, это—активное обобществление снизу, кооперация мелких самостоятельных земледельцев*» [5]).

Эти же положения Суханов оставляет в силе и для советской деревни с той лишь разницей, что все это будет совершаться «под покровительством и руководством, при помощи и содействии рабоче-крестьянского государства» [6]).

---

[1]) Суханов. «К вопросу об эволюции с. х.», стр. 404. Изд. 1909 г.
[2]) Суханов. «Очерки по экономии с. х.», стр. 122.
[3]) Суханов. «К вопросу об эволюции с. х.», стр. 408. (Подчеркнуто автором).
[4]) Суханов. «Наши направления», стр. 57—58. Изд. 1916 г.
[5]) Суханов. «Очерки по экономии с. х.», стр. 121.
[6]) Там же, стр. 142. Книга написана в 1924 г.

Итак, мы имеем здесь дело с определенным сухановским «кооперативным планом». Как раз против этой теории направлено ленинское положение 1913 г., приведенное перед настоящей статьей.

Теперь обратимся к ленинской статье «О кооперации» 1923 года. В ней «простой рост кооперации» Ленин отождествляет «с ростом социализма». Разве в этой статье нет *внешне-формального сходства* с рядом приведенных положений Суханова о кооперации?!

Если рассуждать в этом деле по оппозиционной логике, если всякую попытку наметить некапиталистический путь развития деревни об'являть народничеством, то в таком случае не останется признать ничего другого, кроме того, что ленинская идея о кооперации заимствована у Суханова. Именно сюда попадают оппозиционные вопли о народничестве.

В чем ошибка Суханова? Почему его теория есть мелкобуржуазная иллюзия? Суханов отрывал развитие деревни от общего капиталистического развития. Деревня имеет у него свои законы, противоположные законам и основным тенденциям капитализма в целом. У Суханова получалось, что одна—и притом технически самая отсталая—часть системы развивается наперекор всей системе в целом, наперекор линии развития ее производственно самых мощных и «ведущих» частей (промышленности).

Сухановский «кооперативный план» основывается на том, что деревня может развиваться изолированно от города, вразрез с развитием всей капиталистической системы. *У Суханова кооперация* **сама по себе,** *по своей внутренней сущности, создает уже в пределах капитализма предпосылки социалистического строя в сельском хозяйстве.*

Развитие капитализма совершенно опрокидывает эту утопию, вырастающую из стремления мелкого буржуа сохраниться, уцелеть в борьбе с капиталом. В действительности же кооперация включается подчиненным звеном в общую систему монополистического капитализма. Кооперативные организации могут жить и работать лишь при поддержке банков, прежде всего. Как эта связь, так и соприкосновение на рынке с капиталистическими монополиями заставляют сами кооперативные об'единения превращаться в хорошо сколоченные капиталистические предприятия. Иначе они не могут выжить. Иначе они не будут иметь никакой поддержки банков, т.-е. в конечном счете не смогут существовать. Это совершенно неизбежное приспособление к капиталистической системе приводит к тому, что фактически кооперацией заправляют производственно более мощные, т.-е. капиталистические слои, входящие в кооперацию.

Если же кооперативное об'единение хочет завоевать какую-либо самостоятельность, оно должно преобразоваться по всему характеру своей работы в типично-монополистическую организацию. Блестящим примером этого могут служить об'единения производителей пшеницы Канады, САСШ, Австралии, известные под именем «пулей» [1]).

Если в эти организации, построенные на кооперативных основах, входят и мелкие фермеры, то по существу вся организация находится в руках капиталистической части. По своей связи с

[1]) Очерк о них см. в «Плановом Хозяйстве» № 4, 1926 г.

банками, по характеру своих операций на мировом рынке эти об'единения идут целиком и полностью по стопам обычных капиталистических монополий. Да иначе и не может быть, так как организация иного типа не получит поддержки банков и не выживет вообще в системе монополистического капитализма.

Поэтому совершенно бесспорным остается марксистское положение о том, что *из товарного хозяйства* **самого по себе** *ничего, кроме капитализма, вырасти не может, что кооперация простых товаропроизводителей сама по себе, в условиях капитализма особенно, неизбежно превращается в капиталистическое предприятие или входит подчиненной частью в капиталистическую систему.*

В чем отличие ленинской постановки вопроса о кооперации? *У Ленина роль кооперации, как средства перестроения крестьянского хозяйства на социалистических основах, связана с фактом существования пролетарской диктатуры, с обобществлением основных средств производства и транспорта и с овладением пролетариатом всей системой командных высот.* Мало того. *Кооперация может сыграть свою преобразующую роль лишь в том случае, если страна будет* **развиваться** *на основах* **социалистической** *индустриализации.* Без этого невозможно упрочение и расширение ведущей роли крупной промышленности в отношении всего народного хозяйства, в частности и в особенности в отношении крестьянского хозяйства.

Таким образом, ленинская идея неразрывно связана с основной идеей марксизма, что *город в новейшей истории (и при капитализме и в переходный период до полного уничтожения различия между городом и деревней) имеет руководящее влияние на развитие деревни. Ленин говорит не о кооперации самой по себе, а о кооперации, находящейся под влиянием растущей социалистической индустрии при диктатуре пролетариата.*

Вот почему сухановские положения, даже в их применении к советским условиям, остаются мелкобуржуазным утопизмом, так как для Суханова непонятна роль командных высот, направляемых пролетариатом. Он берет кооперацию *изолированно* и в ней одной видит форму перехода к социализму, в то время как *одна* кооперация, вне связи с командными высотами, даже в советских условиях не является еще путем перехода деревни к социализму.

Вот почему, с другой стороны, ленинская статья «О кооперации» является крупнейшим произведением революционного марксизма, произведением, освещающим одну из важнейших проблем переходного периода.

Обвиняя партию в народничестве, оппозиция по существу не понимает этого кардинального различия.

Борьба социалистических и капиталистических тенденций.

Докапиталистические формы хозяйства в России подверглись за последние десятилетия довольно основательному разложению под влиянием капитализма. Основная масса простых товарных хозяйств еще сохранилась, но на ее полюсах выделились бедняцкий слой и кулаки, возраставшие с обоих концов за счет основного массива.

Поэтому в настоящее время нельзя говорить просто о перерастании простых товарных хозяйств в социалистическую форму.

минуя капитализм. Единственно правильным является лишь то положение, что рост социалистических элементов идет через их борьбу с элементами капитализма в развитии деревни.

Оппозиция считает «гвоздем всей переходной эпохи» рост капиталистических отношений в деревне. Отсюда, по ее мнению, нужно исходить. Это неверно. *Гвоздем эпохи является борьба социалистических и капиталистических тенденций как в городе, так и в деревне.* Борьба в деревне не является чем-то изолированным. Она является лишь частью общей борьбы капитализма и социализма в нашей стране. Основные позиции частного капитала в настоящее время не в крупной и средней промышленности, не в оптовой торговле, а на стыке города и деревни: на рынке заготовок с.-х. продуктов, в снабжении *деревни* промтоварами (в городе, как известно, эти позиции намного меньше), в организации сбыта изделий и снабжения кустаря, при чем кулак является основной питательной почвой для роста частника; с другой стороны, частный капитал всячески подкрепляет и поддерживает кулака, усиливая его вес в деревне. Вопрос решается прежде всего исходом борьбы в городе, где сосредоточены основные экономические рычаги. Тот факт, что борьба в городе определенно склоняется в пользу социализма, должен найти и находит прямое отражение и в ходе этой борьбы в деревне, так как элементы социализма в деревне подпираются всей экономической мощью пролетарского города. Только при такой постановке вопроса можно говорить об успешной борьбе с растущим капитализмом в деревне. Только тогда, когда есть какая-то зацепка, которая в ходе развития будет приобретать все большее значение, только в этом случае наступление на кулака является реальным делом, а не отчаянным маханием руками. Если же исходить из оппозиционных посылок, не видеть *обеих* сторон процесса, то крики о борьбе с кулаком остаются лишь криками отчаяния. На какой основе бороться, если в деревне только капиталистические процессы, если есть рост только кулака?!

Дифференциация сама по себе, как изолированный процесс, есть характернейший признак развития капитализма в деревне. Дифференциация сама по себе есть процесс капиталистического разложения деревни. В условиях капитализма этим процессом и исчерпывается все дело.

Наличие новых, принципиально иных сравнительно с капитализмом тенденций советской деревни видоизменяет картину. Эти новые тенденции ведут к переходу бедноты в высшие группы, к консолидации середняцкого массива и к замедлению, а впоследствии и полному преодолению роста кулачества. Так дело выглядит «в чистом виде». Таково основное действие этих новых тенденций. Но в действительности их действие ограничено сравнительной слабостью самих социалистических элементов деревни, недостаточной еще экономической мощью пролетарского государства, чтобы предоставить материальную поддержку в необходимых размерах, недостаточным еще уровнем развития индустрии вообще.

Крестьянское хозяйство, не охваченное еще полностью всесторонним регулирующим воздействием социалистического сектора, продолжает еще развиваться в солидной своей части так, как это стихийно присуще товарному хозяйству вообще: растет кулак, разоряется бедняк.

Но в то же самое время воздействие тенденций, направляющих деревню по некапиталистическому пути, уже достаточно сильно для того, чтобы известную часть крестьянских хозяйств толкнуть на новый путь развития.

Общий итог развития деревни уже теперь слагается по существу из этих двух тенденций: капиталистического расслоения и тенденции под'ема всего основного бедняцко-середняцкого массива крестьянства. Поэтому уже теперь капиталистический тип дифференциации оказывается переломленным: на ряду с разорением и пролетаризацией части бедняцких хозяйств (процесс капиталистического типа), идет под'ем все возрастающей части бедняцких хозяйств и их все большее примыкание к середняцкому большинству крестьянства (процесс, неизвестный при капитализме). На ряду с ростом кулака за счет зажиточной части середняцкого крестьянства (процесс капиталистический) идет рост середняцкого массива в противоположность «вымыванию» середняка при капитализме.

Общая линия развития деревни, складывающаяся из борьбы двух тенденций, начинает все более и более получать иное направление. Только этим путем дело может итти дальше. Рост социалистических элементов может итти лишь ценой преодоления капиталистической дифференциации. Чем дальше, тем больше будут выпячиваться эти новые, характерные для нашего периода черты развития деревни.

Народники славословят росту середняка, представляя себе этот рост как сплошной и простой процесс под'ема. Они не понимают того, что этот рост есть конечный результат, так сказать, равнодействующая борьбы двух враждебных тенденций, что этот рост является результатом острой классовой борьбы [1]).

Оппозиция не понимает вопроса с другого бока. Она видит только капиталистические тенденции (и притом в преувеличенном виде). Борьбы двух линий развития и она не видит. Поэтому там, где она говорит о возможности иного пути развития деревни, роста кооперации и т. п., у нее эти социалистические ростки выступают как нечто внешнее, откуда-то не то с боку, не то сверху прилепляемое к деревне. То капитальнейшее обстоятельство, что социалистические ростки могут пробиться лишь через преодоление капиталистических форм развития, что *этот процесс уже начался*,—это у нее исчезло. Остался только рост капитализма, которому в деревне ничего не противостоит.

Но недостаточно, однако, видеть только проникновение социалистических элементов и новых тенденций в процесс дифференциации и переламливание этого процесса в ином направлении. На настоящей ступени развития весьма существенной является другая сторона дела: проникновение элементов капитализма в социалистические формы и попытка овладеть последними. Речь идет

---

[1]) Надо заметить, что оппозиционные экономисты, зачисляя всех народников в настоящее время в один лагерь, говорящий только о сплошном под'еме деревни, обнаруживают незнание действительного положения вещей. Для многих народников в настоящее время характерна основательная эволюция их взглядов. Целый ряд очень видных народников говорит теперь именно о расслоении, как основной перспективе развития нашей деревни при нэпе. См. напр. выступление Макарова, Баскина, Чаянова (журнал «Пути Сельского Хозяйства» за 1927 год). Наконец, Кондратьев проэволюционировал к своей нынешней буржуазно-кулацкой установке по существу также от народнической концепции в понимании развития деревни.

о том, что и внутри кооперации ряд процессов развивается по линии классовой борьбы основной массы деревни, бедноты в первую очередь, с кулачеством. Конкретно борьба выражается в характере распределения кредита между различными слоями деревни, в характере распределения машин, особенно более сложных и дорогих; наконец, в стремлении «крепкого мужичка» и кулака заполучить в свои руки руководство кооперацией.

Совершенно очевидно, что эта борьба может быть решена в сторону поражения капиталистических элементов лишь при поддержке новых форм со стороны пролетарского города. Кооперация может как следует заработать на новых основах тогда, когда она получает опору в растущем производственно-техническом уровне массы бедняцких, середняцких хозяйств. Для скорейшего достижения этого необходимо основательное финансирование кооперации, чтобы в стихийных поисках средств она не ориентировалась на деревенскую верхушку. Именно эта причина является едва ли не самой основной в искривлении практической линии отдельных кооперативных звеньев.

При капитализме кооперация ориентируется на деревенские верхи, которые являются экономически наиболее мощными. Советская кооперация ориентируется на основную бедняцко-середняцкую массу хозяйств, из которых каждое само по себе экономически слабее, чем хозяйство крепкое, кулацкое. Бедняцко-середняцкая кооперация, будучи предоставлена *только своим силам* не может выдержать натиска капиталистических или растущих в капитализм слоев деревни. Отсюда возникает особая важность той задачи социалистического государства, о которой говорит Ленин в статье «О кооперации»:

«Поддерживать сверх обычного» «строй кооперативный». «Ряд привилегий экономических, финансовых, банковских— кооперации».

Нужно помнить, конечно, что речь идет здесь о кооперации, в которой *действительно* участвуют массы крестьянства.

Итак, мы имеем не только вклинивание новых тенденций вразрез капиталистическому пути развития, но и попытки капиталистических элементов овладеть, перестроить по образу и подобию своему те новые формы отношений, какие нарождаются в деревне. В связи с этим и стоит необходимость постоянной самокритики партией всей своей работы в этой области и особенно настойчивое доведение линии партии до самых низовых звеньев.

Мы имеем в конечном счете борьбу капитализма и социализма за основную массу простых товарных хозяйств. Вопрос в конечном счете будет решен степенью роста экономической мощи пролетарского города. В процессе этого роста до известного времени неизбежно разорение части бедняцких хозяйств, хотя и уменьшающейся из года в год, и на другом конце—перерастание части середняцкой верхушки в кулака. Полная приостановка этих обоих процессов будет означать решительную победу элементов социализма в нашей стране.

Оппозиционная установка имеет тот недостаток, что она не видит этого основного и решающего соотношения. *Именно на оси этого соотношения двух борющихся тенденций должны решаться все проблемы помощи бедноте и борьбы с кулаком.* Именно поэтому все «очень левые» предложения оппозиции представляют набор не связанных в одно мероприятий. Все они звучат, как

предложения «радикальных социалистов», которые, смотря по политической кон'юнктуре, усиливают ударение то на одном, то на другом вопросе. *Ленинская постановка крестьянского вопроса отличается от всех «левых» и «левейших» лозунгов тем, что в ней все эти проблемы увязываются с основной задачей борьбы за некапиталистический путь развития советской деревни через преодоление элементов капитализма в этом развитии. Только в свете такой установки может быть дано действительно ленинское решение всех вопросов крестьянской политики.*

Кооперативный план и оппозиция.

Мы видели, как оппозиция расценивает общий итог развития деревни. Одновременно с этим она продолжает клясться в верности ленинской идее кооперации. Однако, это не должно закрывать существа вопроса. А существо это заключается в том, что вся та оценка, которую оппозиция дает положению в деревне, есть фактическое признание банкротства той роли кооперации, какую хотел ей дать Ленин.

Действительно, ведь оппозиция говорит не только об ошибочной, по ее мнению, линии партии. Она говорит и об итогах об'ективно-исторического развития. А именно это последнее свидетельствует, по мнению оппозиции, что все развитие идет к капитализму и только к капитализму. Никаких иных процессов она не видит и не отмечает в нашей деревне.

Что же получается? Промышленность в основном перешагнула в последний год довоенный уровень, началась ее реконструкция. Пролетариат держит в своих руках из года в год укрепляющуюся систему командных высот. Далеко зашел и процесс обобществления в торговле. В области хлебозаготовок государство и кооперация охватили больше $^3/_4$ всей заготовляемой массы. В области снабжения промтоварами уже в середине 1926 г. госторговля и кооперация передавали потребителю, примерно, 62—65% всей попадавшей к нему массы промтоваров [1]).

Прошло почти пять лет после того, как Ленин выдвинул вопрос о новой роли кооперации. И что же?! В деревне *не только не началось* развитие каких-либо новых тенденций, не только *ни в какой мере не оказано влияния* на общее направление развития деревни, но, наоборот, наперекор всем тем социально-экономическим сдвигам, какие произошли в городе, *деревня попрежнему идет капиталистическим путем.* Кулак растет и абсолютно и относительно, т.-е. становится из года в год все определеннее руководящей силой в деревне.

Что же это, как не фактическое признание оппозицией банкротства ленинской идеи кооперации и всей его установки на то, что пролетарский город по мере его возрождения и укрепления, сумеет повести деревню по новому пути? Город вырос и крепнет с каждым годом на основе роста социалистической индустрии. И вопреки этому оппозиция считает, что никаких признаков влияния на деревню пролетарского города нет совершенно. Что же это, как не признание того, что итог первого пятилетия фактическим развитием опрокидывает всю ленинскую установку? Клянясь в верности ленинизму, оппозиция всем существом своего

---

[1]) «На путях социалист. строительства», статья Дволайцкого.

анализа приходит к отрицанию одного из основных ленинских положений.

Какое есть основание «уповать» на будущее, если все прошлое развитие не только не подтверждает, но целиком опрокидывает то положение, что пролетарский город сумеет повести деревню по некапиталистическому пути?

Такое отрицание возможности некапиталистического развития деревни не случайно для троцкистов. Мы не будем здесь распространяться о том, что в ученом трактате Е. Преображенского «Новая экономика» есть все, но там отсутствует ленинская идея кооперации, а вся «теория» Преображенского эту идею отвергает.

Не безынтересно напомнить ту перспективу развития нашей деревни, какую выставлял Троцкий вскоре после XIV партконференции:

«Пока мы не можем дать деревне высокой техники, у нас есть две возможности: *либо применить в деревне методы военного коммунизма* и задержать там развитие производительных сил, что привело бы к сужению рынка и, тем самым, к задержке производительных сил в промышленности,—*либо* до тех пор, пока мы не можем средствами нашей промышленности коллективизировать сельское хозяйство, *мы должны допустить там развитие производительных сил, хотя бы и при помощи капиталистических методов.* **В этом сущность** *нынешнего периода нашей политики*»[1]).

Либо военный коммунизм, либо капитализм,—третьего не дано! Возможность развития основной массы крестьянства по пути кооперирования и под'ема хозяйства на этой основе исчезла в том положении Троцкого, где он формулировал *сущность* нашей политики.

С точки зрения троцкизма все это совершенно логично. Если подлинный под'ем хозяйства возможен только после пролетарской революции в более передовых капиталистических странах, то дать высокую технику *своими силами*, коллективизировать воздействие одного *нашего* пролетарского города мы, конечно, не в состоянии. Совершенно логично, что возможность бороться *уже теперь* за некапиталистический путь развития деревни, оказывается мыльным пузырем. Вся оценка оппозиции, как видим, далеко не случайна.

Но мало этого. Оппозиция дошла до прямого отрицания ленинской идеи кооперации.

Совершенно ясно, что построить обобществленное сельское хозяйство, оставив в стороне крестьянское хозяйство, дело совершенно безнадежное: никакой переход к социалистическому земледелию без решения проблемы обобществления основной массы крестьянских хозяйств невозможен уже по одному тому, что масса товарных хозяйств является в нашей стране той почвой, из которой стихийно растет и некоторое время еще будет расти капитализм. Совершенно очевидно, что 24 милл. хозяйств не экспроприируешь, «не отменишь»—их надо переделать.

Начальной стадией обобществления большой массы хозяйств, прежде всего, подавляющей части середняцких хозяйств, является обобществление сбыта и снабжения. Это не значит, что нужно

[1]) «О наших новых задачах». Доклад в Запорожье 1 сентября 1926 г. Стр. 19, ГИЗ, 1926 г.

сначала обобществить *все* хозяйства страны по этой линии, а потом итти дальше. Но для того, чтобы переходить к обобществлению производства в какой-либо группе хозяйств в каком-либо районе, необходимо в каждом таком пункте предварительно достигнуть известной высоты обобществления в области сбыта и снабжения. Этой стадии миновать невозможно для *основной* массы хозяйств, так как переход к прямому кооперированию производства (колхозы) совершает главным образом часть бедняцких хозяйств.

А вот как ставит вопрос оппозиция:

«Наша с.-х. кооперация, поскольку она не обобществляет процесса производства,—не ослабляет, а усиливает процесс расслоение деревни» (Контртезисы).

Здесь опять-таки речь не идет о том, что есть неправильная политическая линия; здесь *констатируется* определенный *об'ективный вывод, итог развития* и опыта кооперативного строительства. Одно дело говорить о том, что есть те или иные, большие или малые искривления в линии, что в кооперации идет классовая борьба,—и совсем другое дело утверждать, что обобществление обращения *усиливает* расслоение. Здесь уже ставится большой принципиальный вопрос. Если обобществление одного процесса обращения усиливает в конечном счете капиталистические элементы в деревне, то как тогда подойти к кооперированию производства, если обобществление обращения является для этого предпосылкой—а дает прямо противоположные результаты. После этого неизбежно опрокидывается целиком вся идея кооперации, как вредная затея.

Завершением этой фактической ликвидации кооперативного плана является предложение сапроновской платформы (15-ти):

«1) необходимо реально приступить к организации крупных государственных хозяйств... *Без разрешения (этой задачи) успех социалистической политики в деревне невозможен*».

«2) усилить организацию коллективных хозяйств обязательно с участием государственного капитала и обеспечением за последним достаточного влияния».

Вот тот *основной путь перехода* к социализму в сельском хозяйстве, который остается *единственно возможным*, если считать, что масса крестьянских хозяйств развивается только по капиталистическому руслу, а кооперирование лишь усиливает капиталистические элементы деревни. Переход к социализму мыслится здесь, как насаждение сверху крупных хозяйств и коллективов. Основная бедняцко-середняцкая, особенно середняцкая, масса крестьянства остается в стороне. Сапроновцы считают гвоздем политики именно эти два мероприятия, которые идут у них первыми. Без насаждения государственных хозяйств вообще невозможен «успех социалистической политики в деревне», говорят они. Трудно выразиться яснее. Да и сама кооперация, о значении которой сапроновцы говорят совсем не так категорически, мыслится ими в большей мере, как детище государственного капитала. Во всем этом нет и тени понимания того, что без перестроения основной массы крестьянских хозяйств никакой вообще переход к социализму, а тем более в сельском хозяйстве невозможен.

* * *

Основная ошибка всех построений оппозиции заключается в том, что она не понимает ведущей роли пролетарского города. Потому и получается у нее такое нелепое положение, что все социально-экономические изменения в городе не оказали ровным счетом никакого влияния на развитие деревни. Деревня продолжает итти своим путем, совершенно не испытывая никакого воздействия значительно экономически окрепшего пролетарского города. По существу здесь—навыворот та же самая основная ошибка, что и у народников всех времен.

Вот почему положение о «ведущей» роли промышленности, открытием каковой «Америки» оппозиция очень похваляется, остается пустой фразой в ее концепции. Смешно же, на самом деле, уверять, что социалистическая промышленность есть «ведущее» начало в нашем народном хозяйстве и в то же время утверждать, что деревня идет попрежнему только капиталистическим путем, вопреки тому, что промышленность перевалила за довоенный уровень и вступила в процесс технического роста. Кого же она ведет—эта промышленность?! Одно из двух: либо социалистическая промышленность есть «ведущее» начало,—тогда должно уже теперь чувствоваться какое-то ее влияние на деревню; либо в деревне только рост капитализма,—тогда положение о «ведущей» роли промышленности остается лишь фразой, чуждой действительности.

Но этим самым оппозиция приходит в противоречие с одним из основных положений марксизма, подтвержденным всей новейшей историей, что крупное, технически более передовое производство определяет развитие всех остальных, более отсталых частей хозяйственной системы.

Отрицание оппозицией возможности некапиталистического развития советской деревни есть признание в иной форме невозможности преодоления своими силами нашей технической отсталости.

Отрицание влияния советского города на деревню связано с отрицанием (Смилга), или в лучшем случае с замазыванием принципиально иного социально-экономического содержания всей системы командных высот в нашей стране. Мы получаем здесь далеко не случайную увязку с отрицанием социалистического типа нашей промышленности и с зачислением всех командных высот в госкапитализм, что оппозиция выдвигала перед и во время XIV с'езда. Отказавшись от ряда этих положений на словах, она не отказалась от них по существу. Только такой вывод можно сделать из всей ее концепции. Действительно, город, в котором господствует система госкапитализма, конечно, не может направлять деревню по некапиталистическому пути.

Оппозиция приходит к отрицанию основных ленинских положений касательно нашей переходной экономики и ряда основных положений марксизма.

Нечего поэтому свой отход от марксизма и ленинизма прикрывать криками о народнической линии партии. Этому никто не поверит.

Н. Сперанский.

Оппозиция, социал-демократия, партийный режим.

(К итогам XV с'езда партии).

Обостерние нападок на партийный режим со стороны оппозиционных течений стало неизбежным спутником всех переломных моментов в истории нашей партии. При этом ожесточенность нападок обычно оказывалась в соответствии с размерами переживаемых партией трудностей и сложностью обстановки.

Оно и неудивительно. В организационном укладе партии, составляющем квинт-эссенцию того, что называется «партийным режимом», оппозиционные течения, отражающие настроения непролетарских элементов партии и давление ее мелкобуржуазного окружения, всегда встречали непреодолимую преграду для распространения своего влияния. Для существования *таких* течений в партии *большевистский* партийный режим является поистине *опасностью всех опасностей*. И вполне естественно, что центральным пунктом нападок, исходящих от указанных течений, оказываются именно те стороны партийного уклада, которые ограничивают свободу проявления и распространения непролетарских влияний, и что основное содержание «внутрипартийной» программе оппозиционеров дается требованиями «*свободы*»: свободы критики и свободы группировок.

Нет спору, в *проведении* партийного режима в тех или других организациях встречается немало такого, на что надо нападать и с чем следует бороться. Это—все то, что искривляет партийный режим, отклоняет его от линии, намеченной нашими партс'ездами. Но как раз не по этим сторонам партийной жизни обычно била оппозиция. В тех же случаях, когда она била и по ним, она била чаще всего таким образом, что ее удары представляли лишь диверсию, прикрывавшую нападение на совершенно другие участки или отвлекавшую внимание партии в ложную сторону.

Не чем иным, как подобной диверсией являлись, например, усиленные нападки оппозиции на бюрократизм в партии. Еще XIII партконференция вскрыла подоплеку таких нападок, указав, что своими выступлениями оппозиция только пыталась «перенести центр тяжести борьбы против бюрократизма в госаппарате на «бюрократизм» в аппарате партии». «Такая огульная критика и попытка прямого дискредитирования партийного аппарата,—подчеркивала конференция,—об'ективно не могут привести ни к чему другому, как к эмансипации государственного аппарата от влияния на него со стороны партии, к отрыву государственных

органов от партии». Тот же взгляд был высказан и XV Всес. партконференцией: «Конференция считает, что такая политика оппозиционного блока, не имея ничего общего с ленинизмом, способна привести лишь к разоружению партии в ее борьбе против бюрократизма государственного аппарата, за действительную переделку этого аппарата и тем самым за укрепление диктатуры пролетариата».

Особенно отчетливо отмеченный «диверсионный» характер нападок оппозиции на партийный бюрократизм выявлялся в таком важнейшем, с точки зрения оппозиции, вопросе, как «свобода критики» в партии.

В прошлом году ЦКК произвела обследование осуществления на местах внутрипартийной демократии. В частности, был подвергнут изучению и вопрос о допущении в партии критики.

Оказалось, прежде всего,—как и следовало ожидать,—что все вопли о «зажиме» и затыкании рта, как о чем-то присущем нашему партийному режиму,—вздор. Из 99 обследованных партийных комитетов разных категорий (губкомов, ОК, райкомов, укомов, волкомов) *единичные случаи* репрессий за критику или недопущения критики были установлены только для 7, а из 205 парт'ячеек—для 23 [1]).

Наоборот, для гораздо большего количества организаций констатировались усилия всячески втягивать партмассы в критику работы своих выборных парторганов.

Что в приведенных сообщениях не было «прикрашивания» действительности, можно легко убедиться из просмотра протоколов партконференций и ячейковых собраний, характернейшей особенностью которых обычно является преобладание выступлений именно критического содержания над всякими другими (это, вероятно, об'ясняется большей легкостью критических замечаний и указывания недочетов сравнительно с обоснованием конкретных предложений). Выводу Минской ОКК, что большинство выступлений по докладам бюро ячеек «носит характер замечения разных недостатков, о положительной работе выступает меньше», как видно из материалов ЦКК, можно придать общий характер. Рассмотрение же случаев недопущения критики и репрессий за нее в обследованных ЦКК ячейках, а также таких случаев, как всякого рода одергивания и попытки, так сказать, «психологического воздействия», устанавливает с полной определенностью, что *на партаппарат подобных случаев падает наименьшая часть*, большинство же их (более $^2/_3$ всех подмеченных случаев) приходится на действия администрации предприятий и учреждений. Выделяется при этом положение в советских ячейках, так как давление госаппарата в них оказывается особенно сильно: неблагополучие с допущением критики было констатировано в рассматриваемом здесь обследовании приблизительно для 20% взятых на выборку (правда, в небольшом количестве) совет. ячеек [2]).

---

[1]) Само собой разумеется, что во всех этих случаях речь шла о критике работы парт. и сов. органов, но не о выступлениях против постановлений партс'ездов и директив ЦК и не о попытках навязывания дискуссии, признававшейся тогда партией нецелесообразной.

[2]) Последнее обследование работы сов'ячеек в области борьбы с бюрократизмом, проведенное ЦКК в текущем году, свидетельствует о значительном улучшении положения в советских ячейках после известной директивы ЦК от 15/XI—26 г. о борьбе сов'ячеек с бюрократизмом.

Интересно также, что для ряда рабочих и советских ячеек контрольные комиссии противопоставляли полную свободу критики, существующую при обсуждении партийных отчетов, и прямое или замаскированное стеснение ее (в тех же самых ячейках) при обсуждении деятельности администрации.

Само собой разумеется, что наличности явлений бюрократизма и в партаппарате партия никогда не отрицала. Если случаи нарушения свободы критики парторганами сравнительно и немногочисленны, это, конечно, не может служить основанием к тому, чтобы признать положение не требующим изменений. Наоборот, с тем большей энергией партия, борющаяся против бюрократических извращений в госаппарате, должна бороться за то, чтобы исключить самую возможность в партработе подобных явлений, свидетельствующих о принижении руководящей роли партии.

Характерно, однако, что в наиболее резкой форме явления партийного бюрократизма давали себя чувствовать как раз в ленинградской организации, в бытность руководителем последней губкома оппозиционного состава. Вся прошлая ленинградская организационная система производит впечатление перенесения в партийную практику методов администрирования, заимствованных от госорганов. Исключительная, близкая к единоличию, роль так наз. «оторгов» (приблизительно соответствовавших секретарям других организаций), широчайшая практика назначенства, управленческий, если можно так выразиться, характер общего построения руководства, превращавший организацию как бы в некий «партийный комиссариат»—были отличительными чертами указанной системы. За один год губкомом было назначено и перемещено по 7 райкомам и 8 укомам 22 ответственных секретаря. Важно добавить, что политическая жизнь почти нацело сосредоточивалась губкомом в активе, которым губком *подменял* широкую партийную массу, вместо того, чтобы использовывать актив как приводной ремень к этой последней. Все важнейшие вопросы обыкновенно не только подрабатывались активом, но и разрешались им с преподнесением массе уже готовых решений.

Легко доказать, что вся, отошедшая теперь в прошлое, система ленинградского оппозиционного губкома, стоявшая, по счастью, в нашей партии особняком, представляла собою по существу *не что иное, как систему организованного недоверия к массовому рабочему от производства*, который в Ленинграде составляет подавляющее большинство членов организации.

Естественно, что самую борьбу против бюрократизма в партаппарате партия понимает совершенно иначе, чем оппозиция, и иначе, чем оппозиция, подходит и к важнейшему, с точки зрения оппозиции, вопросу о «свободе критики». Последний нацело сводился оппозицией к вопросу о наличности «зажима». Между тем, суть дела в том, критикует или не критикует, или—говоря точнее—участвует или не участвует активно в обсуждении широкая партийная масса. А этот вопрос далеко не покрывается и не разрешается вопросом о наличии или отсутствии «зажима».

Установлены, например, факты, отмеченные почти во всех обследованных ЦКК организациях, что среди членов партии иногда наблюдается боязнь выступлений с критикой даже в тех случаях, когда никакие репрессии за нее или попытки ее недопущения со стороны парторганов или сов. должностных лиц не имели места. Такая боязнь обусловливается целым рядом моментов.

Существенную роль здесь играют, например, бестактные выступления активистов, недостаточно внимательное и вдумчивое отношение к высказываниям рядовых товарищей, часто не умеющих удачно формулировать свои мысли. «Глушение за корявые слова» (выражение одного из деревенских коммунистов) со стороны развитых, но бестолковых ораторов и докладчиков, как обстоятельство, отпугивающее рядовую массу от выступлений, было отмечено контрольными комиссиями, хотя и в немногих ячейках, но для всех обследованных ЦКК в прошлом году районов. «Здоровая критика,—жаловался товарищ в одной из обследованных ячеек,—натыкается на политическое (?), подчас злобное и ироническое заключительное слово... Это отбивает охоту говорить, между тем, надо бы и здесь использовать совет тов. Сталина: «не жалеть времени и сил для раз'яснения». «Из беседы с рядовыми членами ячейки,—сообщалось про другую ячейку,—выяснилось, что они выступать бояться, так как не умеют хорошо говорить, и всякое их выступление со стороны актива осмеивается, раскритиковывается».

Партиец-рядовик, остро чувствующий свою малограмотность и политическую неподготовленность, замыкается и уходит в себя подчас при довольно безобидных, казалось бы, замечаниях и репликах, сплошь и рядом даже сделанных без злого умысла. Несомненно при этом, что у некоторой части членов партии сказывается и известная угнетенность психики, связанная с тяжелым материальным положением и окружающей безработицей и заставляющая этих товарищей болезненно заподазривать давление и опасность даже там, где их не имеется.

Наконец, встречающиеся организационные неустройства, как-то: плохая подготовка собраний, чрезмерная их громоздкость, неумелое размежевание вопросов между открытыми и закрытыми партсобраниями; недостаточная жизненность повесток дня ячейковых собраний; перегрузка повесток, ведущая к смазыванию важных вопросов, интересующих рабочих; случаи казенно-оптимистического построения и неудобопонятности важных докладов; неумение подхватывать и преломлять в практической работе ценные предложения и замечания рядовых партийцев; отсутствие надлежащей помощи им в формулировке их пожеланий и многие другие моменты, являющиеся результатом неумелых и плохих методов работы—способствуют тому, что там или здесь, независимо от каких бы то ни было «зажимов», создается в той или иной мере связывание активности или стесненность высказывания, могущая преломляться у части членов партии в представление о недостаточной свободе обсуждения.

Вопрос о методах парт. организационной и воспитательной работы вообще является центральным во всей проблеме развития активности широкой партийной массы. Но именно этот-то вопрос меньше всего и интересовал оппозицию. По крайней мере никакого участия в его обсуждении и в мелкой кропотливой работе ЦК и местных парторганов над улучшением методов партработы оппозиция никогда и нигде не принимала.

Вообще говоря, даже действительное отсутствие «зажима» и «подавления всякого проблеска критики и свободы мыслей» далеко и далеко еще не означает действительной наличности этой критики и свободы мыслей. Даже широчайшие формальные свободы в партии легко могут уживаться с глубокой пассивностью

масс, с отсутствием сколько-нибудь деятельного их участия в партийной жизни. Ибо не в этих формальных «свободах» суть пролетарской демократии.

Чрезвычайно поучительно в рассматриваемом отношении знакомство с партийным режимом социал-демократии, который, как мы знаем, изобилует «свободами».

Незадолго до войны (1911 г.) один итало-германский профессор-социалист, Михельс, выпустил весьма любопытную книгу, где подвергнул этот режим, так же, как и режим профсоюзов, специальному социалистическому изучению [1]). Вот в нескольких словах его выводы, основанные больше всего на изучении германской социал-демократической практики.

По мере развития социалистических партий и профсоюзного движения, по мере расширения их деятельности,—констатирует Михельс,—внутри их все более резко обнаруживается разделение на пассивные, управляемые сверху массы и управляющих вождей. Рука об руку с ростом партии и усложнением ее деятельности идет образование крепких и специализированных кадров партийной и профсоюзной бюрократии, живущей за счет организации, распоряжающейся значительными финансовыми средствами и опирающейся на сильный и сложный административный механизм. Выборность постепенно превращается в фикцию: так, в центральные органы германской социал-демократии неизменно из года в год почти автоматически входят одни и те же лица по заранее отпечатанным спискам, проходящим на с'ездах без всяких изменений. Контроль над деятельностью вождей и аппарата со стороны масс мало-по-малу становится иллюзорным; свобода критики, на бумаге существующая, фактически исчезает: вожди, держащие в своих руках печать, финансы, аппарат из оплачиваемых должностных лиц, умеют изгонять из организаций нежелательный для них дух критики. Византизм и тупое послушание неизбежно возникают в описанных условиях в недрах профсоюзов и социалистических партий, якобы «не желающих признавать ни бога ни хозяев».

С усилением бюрократического механизма намечается перерождение руководящих верхов партии. На смену прежнему идеализму идет рутинерство, узкий консерватизм, боязнь утратить достигнутое положение, робость перед влиятельными лицами и презрение к массам.

Вообще роль бюрократии в развитии социал-демократии является, по мнению Михельса, во многих отношениях роковой. Принятая в этой партии (и профсоюзах) система платных должностей привлекает к участию в управлении партией людей, руководствующихся только желанием улучшить свое личное положение. С другой стороны, сравнительное материальное благополучие и влиятельное положение привязывают к партии и союзу лиц, которые по тем или иным причинам давно изверились в идеалы социализма. Между прочим, по мнению Михельса, этим явлением многое можно об'яснить в психологии ревизионизма, ибо ревизионизм—думает Михельс—есть не что иное, как социализм утративших социалистическую веру.

---

[1]) Robert Michels. «Zur Sociologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie. Untersuchungen über die oligarchischen Tendenzen des Gruppenlebens». («К социологич. познанию партийных организаций в современной демократии»). В 1925 г. вышло второе издание.

Тесно соприкасаясь в своей деятельности и быту с буржуазией, отрываясь в то же время от рабочих масс, вожди неизбежно подпадают под влияние буржуазной культуры, все больше сближаясь с буржуазным миром, что в особенности сказывается в рабочем движении Сев. Американских Соединенных Штатов, лидеры которого утратили всякий рабочий образ и подобие и в своей алчности, продажности и взяточничестве ничем не отличаются от буржуазной среды.

Общий убийственный вывод Михельса из всего анализа партийного режима социал-демократии и профсоюзов (в частности, синдикалистского движения) сводится к утверждению, что развитие рабочих организаций подчинено «железному закону олигархии», якобы имманентно присущему пролетарской демократии.

Мы приводим эту любопытную характеристику Михельса, человека, более чем чуждого большевизму, вовсе не потому, что она является для нас авторитетной. Мы отбрасываем в сторону всю его «философию», ничего общего с марксизмом не имеющую. Но факт тот, что Михельс правильно подметил многие явления, которых не может об'яснить.

Только при олигархичности руководства (превосходно сочетающейся с внутрипартийными «свободами»), при *усыплении* активности и бдительности рабочих под флагом этих «свобод» социал-демократия может с должным успехом выполнять свою роль агента буржуазии в рабочем классе, ибо при действительной активности входящих в партию все еще широких пролетарских масс, надлежащее обслуживание последней буржуазных интересов было бы немыслимым.

В наших же условиях *государственной власти* пролетариата борьба за буржуазные интересы должна неизбежно принимать прежде всего форму борьбы за государственный аппарат, первым и вернейшим шагом к подчинению которого враждебным пролетариату влияниям об'ективно является *эмансипация госаппарата от партии*. К тому же неизбежно ведет и отрыв госаппарата от широких трудовых масс, которому могут только способствовать попытки оппозиции дискредитировать идею «оживления советов» и попытки «перенесения центра тяжести борьбы против бюрократизма в госаппарате на «бюрократизм» в аппарате партии».

Насколько для партийного режима социал-демократии характерен рост пассивности рядовой партийной массы, все больший отход (точнее, оттеснение) этой массы от участия в руководстве партией, настолько же для режима коммунистической партии характерен непрерывный рост активности входящей в партию рабочей массы, все более деятельное участие ее в руководстве партией.

Свой «закон олигархии», установленный для «рабочей» партии, превращающейся в левый фланг *буржуазии*, Михельс должен был бы заменить в отношении коммунистической партии, защищающей интересы *пролетариата*, законом роста активности рядового партийца.

В отличие от социал-демократии, предоставляющей (и то, впрочем, часто на бумаге) членам партии *право* свободно высказываться и участвовать в управлении, и от оппозиции, все сводящей к вопросу об этом праве (представляющем все необходимое и до-

статочное для фракционной работы), органы компартии *вовлекают* массы в обсуждение важнейших партийных вопросов, *втягивают* их в руководство работой партии, *помогают* развитию активности рядовых партийцев [1]). Ибо они знают, что центр тяжести рабочей демократии не в том, чтобы предоставить партийцу-рабочему право участвовать в обсуждении и руководстве, но в том, чтобы содействовать этому его участию, чтобы действительно поставить его в такие условия, в которых он это свое участие мог бы с наибольшей для себя легкостью, удобством и продуктивностью осуществить. Отсюда—упорная, хотя нисколько и не интересующая оппозицию, работа партийных организаций над такими будничными задачами, как улучшение методов отчетности перед массами, упорядочение информации, улучшение ячейковых повесток дня, подготовка ячейковых собраний, распределение внутри ячейки партобязанностей, работа над программами и методами преподавания и т. д. и т. д.

Эта работа партии над поднятием активности и сознательности партийной массы, над втягиванием ее в дело руководства работой связана с большими трудностями и дает не столь быстрые результаты. Не так уж редко эта работа нарушается и грубыми искривлениями партийной линии в отдельных организациях. Но все же партия здесь может отметить немаловажные достижения.

К числу таких достижений относится, например, демократизация наших парторганов в самой их структуре и составе.

---

[1]) «Мы демократию понимаем как поднятие активности и сознательности партийной массы, как систематическое втягивание партийной массы в дело не только обсуждения вопросов, но в дело руководства работой». (Из речи Сталина на XIII партконференции). Это же определение было повторено Сталиным и на XV с'езде.

Прямо-таки невероятна беззастенчивость, с какой оппозиция, обрушиваясь на определения внутрипартийной демократии, дававшиеся разными товарищами, утверждала в своей «платформе», что она якобы придерживается определения XIII с'езда: «Рабочая демократия означает свободу открытого обсуждения всеми членами партии важнейших вопросов партийной жизни и свободу дискуссий по ним, а также выборность руководящих должностных лиц и коллегий снизу доверху». При этом из определения была *выброшена* непосредственно следующая за приведенными строками фраза: «*Однако, она вовсе не предполагает свободы фракционных группировок, которые для правящей партии крайне опасны, ибо всегда грозят раздвоением или расщеплением правительства и государственного аппарата в целом*». Сама приведенная в платформе фраза не является исчерпывающим определением, но имеет характер вводной для целого ряда положений, говорящих об отношении партии к фракциям и группировкам.

Исчерпывающее определение внутрипартийной демократии дано X с'ездом: «Под рабочей внутрипартийной демократией разумеется такая организационная форма при проведении партийной коммунистической политики, которая обеспечивает всем членам партии, вплоть до наиболее отсталых, активное участие в жизни партии, в обсуждении всех вопросов, выдвигаемых перед ней, в решении этих вопросов, а равно и активное участие в партийном строительстве. Форма рабочей демократии исключает всякое назначенство, как систему, а находит свое выражение в широкой выборности всех учреждений снизу доверху, в их подотчетности, подконтрольности и т. п.». Характерно, что это исчерпывающее определение замалчивалось оппозицией в платформе, несмотря на то, что к нему отсылает цитируемая ею резолюция XIII с'езда. Вряд ли можно сомневаться в том, что причина этого замалчивания кроется в отсутствии в определении X с'езда термина «дискуссия» и в упоминании об активном участии всех членов партии в жизни партии и в партстроительстве, участии, которое, очевидно, с точки зрения оппозиции не следует особенно выпячивать, но которое особенно подчеркивает, например, Сталин.

Об'единяя внутри пленумов парткомитетов представителей низовых организаций, различных отраслей работы и рядовых партийцев непосредственно от производства, партийные организации превратили в последнее время пленумы парткомитетов в своего рода местные партийные конференции, как бы осуществив таким образом в местном масштабе идею, высказанную в последние годы его жизни Владимиром Ильичом в отношении ЦК нашей партии [1]. В связи с этим численность пленумов парткомитетов в период между XIII и XIV с'ездами возросла на 53—60% в среднем, дойдя в губкомах и окружкомах до 45 прибл. человек. Количество всех членов парткомов различных категорий выражается в настоящее время десятками тысяч человек.

Одновременно развитие состава парторганов непрерывно шло по линии все более глубокого зачерпывания низового актива партии и рядовых партийцев от станка и сохи.

Увеличение числа членов комитетов различных категорий от XIII к XIV с'езду (данные к XIII с'езду приняты за 100).

Категории членов комитетов.	ГК ОК	Кр. КК	Окр. КК	УК РК		
	к XIII с.	к XIV с.	к XIII с.	к XIV с.	к XIII с.	к XIV с.
Низовых партработников	100	330	100	288	100	221
Рабочих от станка	100	164	100	219	100	202
Крестьян от сохи	100	513	100	1275	100	733
Членов партии со стажем позднее 1919 г.	100	283	100	284	100	273

Изменения относит. числа в % ко всему числу членов парткомитетов.

Категории членов комитетов.	ГК КК	Кр. КК	Окр. КК	УК РК		
	к XIII с.	к XIV с.	к XIII с.	к XIV с.	к XIII с.	к XIV с.
Низовых партработников	5,1	11,8	17,3	28,1	19,1	26,6
Рабочих от станка	9,5	10,0	9,2	10,8	12,6	15,9
Крестьян от сохи	0,7	2,4	0,7	4,7	0,5	2,2
Членов партии со стажем позднее 1919 г.	13,3	24,2	25,7	39,2	23,6	40,7

[1]) «Пленум ЦК нашей партии уже обнаружил свое стремление развиться в своего рода высшую партийную конференцию... Я думаю, что нам следует докончить тот путь, на который мы встали, и окончательно превратить пленумы ЦК в высшие партийные конференции, собираемые раз в два месяца при участии ЦКК». (Собр. соч., т. XVIII, ч. 2 «Как нам реорганизовать Рабкрин»).

Относительная численность различных групп членов парткомитетов в % ко всему числу членов парткомитетов по данным, относящимся к партконференциям конца 1926 и начала 1927 г. [1]).

Категории членов комитетов.	Губ. К Об. К	Окр. К	УК	Гор. РК
Работников волкомов, сельрайкомов, ячеек	13,8	25,4	28,6	20,6
Рабочих от станка	13,2	13,9	9,8	25,3
Крестьян от сохи	1,4	2,9	4,0	—
Членов партии со стажем с 1921 г. и позднее	18,2	24,2	35,9	40,3

Рабочие по соц. положению по данным, относящимся к 442 организациям, составляли в начале 1927 г. в губкомах и Об. К.— 57%, ОК—62%, укомах—46,0% и горрайкомах—74%.

Наконец, состав парторганов из года в год подвергается *систематическому обновлению*, выражавшемуся в 1925 г. по выборочному обследованию ЦКК приблизительно в 60%, с XIII по XIV с'езд по данным стат. отд. ЦК в 57—67% и в начале настоящего года 52—60% для парткомитетов различных категорий. Аналогичное же обновление характерно и для бюро ячеек.

Широкому обновлению подвергалась и рабочая тройка парткомитетов всех категорий (секретари, заворги, зав. АПО), в которых к XIV с'езду число лиц со стажем на данной работе менее одного года превышало 50%, хотя с осени 1926 г. здесь обнаружился некоторый (вполне целесообразный) сдвиг в сторону большей устойчивости.

На ряду с расширением состава комитетов самая руководящая работа партийных комитетов ведется со все большим непосредственным вовлечением в нее членов партии. По имеющимся для 12 губорганизаций выборочным данным отношение расширенных пленумов к закрытым составляло в 1924 г. 33%, в 1925 г.—72%, в 1926 г.—96%, при присутствии в среднем на каждом расширенном пленуме в 1924 г.—124 чел., в 1925 г.—109 и в 1926 г.—420 ч. Кое где этот процесс развития публичности в работе парткомов даже вышел за пределы целесообразности, подойдя к той грани, за которой начинается обезличение партийных комитетов, растворение их в массе.

Улучшение выборности нашло свое отражение в упорядочившейся организации выборов парторганов и постепенном ограничении практики рекомендации руководящих работников. По выборочному обследованию ЦКК основной формой намечания будущего состава губкомов сделалась подготовка его сеньорен-конвентами вместо широко распространенной ранее рекомендации спис-

[1]) Данные первых двух таблиц охватывают 41 ГК, 26 ОК, 84 УК и 41 ГорРК; данные последней таблицы—43 ГК и ОК, 59 ОК, 244 УК и 96 ГорРК. Более поздние данные имеются лишь для небольшого числа парткомов и в общем совпадают с приведенными выше.

ков старым составом. (Кстати сказать, отмеченный порядок рекомендации списка старым составом применялся Ленинградским Губкомом оппозиционного состава). Во многих организациях (в Сев.-Зап. области, на Урале и др.) подготовка нового состава парткомов в последнее время сосредоточивается на ячейковых собраниях, принимая иногда даже крайние формы, приближающейся к референдуму, что вряд ли уже можно признать целесообразным. В отношении выдвижения местных партработников на руководящую работу особенно выделяется Москва, где присылка в ячейки секретарей со стороны почти совершенно выведена из практики и даже в случае ходатайства самих ячеек производится только после тщательной проверки действительной в том необходимости [1]).

Большая работа проделана партией над выращиванием и воспитанием актива (т.-е. элементов, организующих активность масс), наличность кадров которого является одной из важнейших предпосылок осуществления внутрипартийной демократии не на словах, а на деле. Приток новых рабочих в партию в ленинские призывы влил в нее немалое количество товарищей, которые очень быстро, так сказать, «самотеком» стали составной частью партийного актива, имея уже опыт предшествующей общественной работы. В то же время работа сети партпросвещения на ряду с другими партийными и государственными мероприятиями культурного порядка систематически подготовляла новые кадры актива. Насколько велик был темп развития общей сети партпросвещения за последние три года, можно судить по увеличению числа школьных единиц с пяти приблизительно тысяч в 1923—24 г. до 17.680 в 1926—27 г. Далее партийная практика последнего времени создала множество разнообразных форм проявления партийной общественности, давших возможность втянуть в партийную работу крупные массы партийцев: цех'ячейки, парторги, сменорги, кучковые организаторы, женорги, члены разнообразных комиссий—все эти орг. формы и категории низовых работников одновременно являются и формами воспитания актива. По данным, сообщенным на с'езде т. Коссиором, к концу 1925 года по восьми рабочим центрам (Москва, Ленинград, Артемовск, Сталино, Иваново-Вознесенск, Владимир, Тверь, Тула) насчитывалось 4.900 групповых и цеховых организаторов, а теперь их имеется 15.000. В отношении деревни, где выращивание актива представляло исключительные трудности, партией была широко применена посылка работников из городов. Кроме того, за последние годы значительно упорядочена работа совпартшкол, которые в крестьянских губерниях получили спец. деревенскую установку, и превратились в школы подготовки низового деревенского актива, сумев выпустить не мало работников, сделавшихся избачами, пропагандистами, волорганизаторами, секретарями ячеек и проч. Среднее годовое число всех функционировавших совпартшкол за 3 последние года выразилось в 140 единицах при 15.000 прибли-

[1]) Вряд ли нужно здесь напоминать, что партия никогда не была фетишистом выборности; решение вопроса в каждом случае зависит от того, что является целесообразным с точки зрения поднятия активности масс данной низовой организации—выборы, назначение или рекомендация. Быстрое уменьшение практики рекомендаций в последние годы является больше всего результатом огромного роста общего уровня партмассы и образования, в связи с этим, значительных кадров актива (см. ниже).

вительно курсантов ежегодно. Уже выдвинувшиеся кадры актива проходят в значительной своей части кружки повышенного типа и переподготовку. Наконец, нужно упомянуть о курсах высшей квалификации партработников при ЦК—курсах уездных партработников, курсах марксизма при Ком. Академии и особенно о наших комвузах.

Улучшение год от году отчетности партийных комитетов и крупные шаги в развитии информации, важнейшими из которых явились регулярная рассылка на места стенограмм бюро и пленумов ЦК, признанная XIII с'ездом лучшей формой информации со стороны ЦК, и введение в практику информационных писем со стороны большинства местных партийных комитетов,—принадлежали также к числу существенных черт развития нашего партийного режима за последние годы.

Значительно улучшилась подготовка к партконференциям. По позднейшим данным (см. отч. ЦК к XV с'езду), в перевыборную кампанию 1926—27 г. тезисы и доклады комитетов к конференциям рассылались, как правило, заблаговременно: за месяц—полтора до конференции, при чем в органах печати большинства организаций по вопросам конференции за 2—3 недели до последней, как правило, начинают появляться десятки руководящих статей.

В низовой работе достигнуто широкое распространение плановости в работе ячеек: из обследованных на выборку ЦКК по разным губерниям 200 ячеек всех категорий, не имеющими планов оказалось, худо ли хорошо ли, только 9%; выполнена директива XIII с'езда об усилении связи ячеек с беспартийными массами через широкую практику открытых собраний: по данным ЦКК, редкий созыв открытых собраний констатирован только для 30% обследованных ячеек (в огромном большинстве ячеек открытые собрания созываются чаще закрытых); далее нужно отметить обрастание крупных ячеек густыми разветвлениями пролетарской общественности; широкое развитие комиссионной работы; повсеместное распространение такой важнейшей организационной формы, как цех'ячейки; значительное поднятие методики проведения кампаний перевыборов бюро ячеек (концентрация повесток дня, улучшение построения отчетов, комиссии самопроверки) и дн. др.

Насколько выросла оживленность партийных собраний и поднялся интерес членов партии к партийной жизни, можно судить в особенности именно по перевыборным собраниям в ячейках: отмечены факты, когда такие собрания затягивались на несколько дней. На партконференциях редко удается удовлетворить всех записавшихся ораторов, ибо записываются подчас чуть ли не поголовно все участники. Число же высказывающихся по одним только отчетам парткомов, по данным обследования ЦКК, на окр. и губконференциях выражалось в среднем в 25 и в 27 чел., а на уездных и районных в 19—24 чел.

Проделана большая работа над повышением культурно-политического уровня рядовых партийцев. Сеть партпросвещения развернула перед широкими массами членов партии все важнейшие вопросы текущей политики партии, явившись таким образом одновременно как бы сетью ячейковых комиссий, прорабатывавших крупнейшие актуальные вопросы.

Наконец, широко вовлекаются партмассы в борьбу с болезненными явлениями в партии. Разложившиеся элементы, лица, примазавшиеся к партии, как к правящей, в расчете поживиться и

устроить свое благополучие, систематически (хотя, быть может, и недостаточно еще полно) вычищаются контрольными комиссиями, которые ведут разбор дел с привлечением парт. заседателей. В частности, в работе партколлегии ЦКК в настоящее время принимают участие 27 заседателей от крупнейших производственных предприятий Москвы (текстильщики, типографщики, металлисты, портные и т. д.). Усилен контроль КК над проведением внутрипартийной демократии. На протяжении последних трех лет ЦКК дважды проверяла, путем выборочных обследований через местные контр. комиссии, проведение на местах постановлений партс'ездов о внутрипартийной демократии, при чем результаты обследований подробно обсуждались на ячейках, в парт. комитетах и в контр. комиссиях.

Рука об руку с ростом элементов рабочей демократии шло укрепление в партии элементов централизма и большевистской партийной дисциплины. Правильность политики руководящих центров партии, проверявшаяся и доказывавшаяся опытом жизни, была одной из важнейших предпосылок этого укрепления. Отчетливое осознание массами политики ЦК, как своей собственной политики, нашло свое выражение в возрастании их сопротивляемости всяким попыткам искажения ленинской линии, в быстром уменьшении числа сторонников оппозиции и беспощадном отпоре лидерам оппозиции со стороны широких партийных масс.

Далеко не везде, конечно, успехи партии в развитии внутрипартийной демократии были одинаковыми. В одних организациях это развитие шло медленнее, в отдельных случаях нарушаясь старыми навыками командования и приказа, различными бюрократическими извращениями; в других, наоборот, принимало отчасти форму своего рода вредящих делу крайностей демократизма (в роде чрезмерно радикального и частого обновления состава парткомов, растворения пленумов парткомов в собраниях актива и проч.). Но общая линия развития партии в целом была линией здорового непрерывного роста элементов рабочей демократии, роста активности участия в строительстве партии широких партийных масс.

Этот рост последних лет опирался на бурный хозяйственный под'ем страны, в процессе которого в основном завершилось собирание кадров старого пролетариата на фабриках и заводах, отразившееся в партийной области огромным увеличением в партии численности ее рабочего сектора (лен. призывы).

Тот же массовый наплыв в партию рабочих элементов, давший мощный толчок и основу дальнейшему развертыванию внутрипартийной демократии, до известной степени определил собою и общие недочеты в характере партийного строительства последних лет. Но эти недочеты в большей своей части лежали не там, где их видела оппозиция. Огромное скачкообразное расширение партийных рядов за счет сырых, малообразованных кадров пролетариата, на ряду с необходимостью быстрого и всестороннего охвата партийным руководством и влиянием возраставшей не по дням, а по часам, политической и общественной активности широких беспартийных трудящихся масс, обусловили сравнительно *экстенсивный* характер партийной работы истекшего трехлетия. Улучшение методов партийной работы, приспособление их к задачам воспитания рядового партийца, шло медленнее развития ее форм.

Плуг партработы, охватывая большие площади, забирал недостаточно глубоко. В связи с этим, при общем росте активности партийных масс, эта активность распределяется в партийной толще до сих пор все еще очень неравномерно, и в партии остаются даже некоторые группы членов, почти совершенно не втянутые в партийную жизнь. Именно отмеченным экстенсивным характером партработы в общем и целом об'ясняются такие явления, как недостаточное вовлечение в состав парткомитетов рабочих от станка, неудовлетворительная иногда подготовка партконференций, непродуктивность в ряде случаев участия рядовиков в обсуждении партийных отчетов и информационных писем, безрезультатность прохождения частью членов партии партшкол и т. п.

Новая полоса, в которую мы вступили, и переход в которую ознаменовался жесточайшей борьбой с оппозицией, является полосой значительно более медленного, но и более глубокого продвижения по линии не столько восстановления, сколько дальнейшего роста наших производственных сил. Расширение кадров пролетариата идет теперь главным образом за счет деревенских элементов, нуждающихся в длительном воздействии производственных условий, прежде чем превратиться в пролетариат чистой воды. Таким образом, в настоящее время не может быть речи о вовлечении в партию рабочих в прежних лавинообразных размерах (массовый набор, который происходит теперь в связи с десятилетием октября—это вовлечение в партию прежде всего низового рабочего актива). В то же время задачи партии, как руководителя строительства, в огромной степени усложняются. Реконструкция хозяйства на основе новой, более высокой техники, связана с исключительными трудностями, которые создают настроения малодушия и пессимизма среди неустойчивой части членов самой партии.

В этой обстановке в деятельности партии на первый план, естественно, выдвигается задача *интенсификации* партийной работы, т. е. углубления ее методов в целях рациональной и целесообразной организации активности *всех* групп и категорий членов партии и *в первую голову ее рабочего ядра*, вплоть до самых отсталых его частей. «Каждый сельский или городской коммунист должен показать себя *способным* руководить делом социалистического строительства, брать *делом*, а не криком, завоевывать политический авторитет в массе, проводя при этом *единую* правильную партийную линию в своей повседневной работе» (из передовицы в № 7—8 «Большевика» за 1926 г.). Только при таких условиях может итти речь о надлежащем дальнейшем укреплении и углублении партийного руководства массами рабочих и крестьян в сложной современной обстановке. Реальные же предпосылки для такой интенсификации имеются налицо.

За истекший со времени первого лен. призыва период, являвшийся, так сказать, периодом сравнительно экстенсивного (хотя непрерывно и развивавшегося вглубь) партийного хозяйства партия сумела накопить значительный капитал в виде улучшения своего социального состава, общего повышения культурно-политического уровня партийцев и создания значительных кадров актива. Наличие подобного капитала позволяет практически ставить вопрос о таком углублении партийной работы, при котором вспаханы были бы самые сырые пласты партийной массы, и

такие явления, как сохранение в партии сколько-нибудь значительных групп, не живущих партийной жизнью, сделались бы невозможными. Именно в этом направлении все время и развертывается работа ЦК и местных партийных организаций. В этом направлении дал свои директивы и XV с'езд партии. Эта работа целиком покоится на уверенности в творческой силе широких рядовых рабочих масс, уверенности, всегда определявшей собою существеннейшие черты партийного режима коммунистической партии, строящей социализм.

П. Шубин.

Трестификация Европы и американские планы.

I.

Стремительное развитие трестификации в Европе, особенно континентальной, поддержка и участие в этом процессе со стороны буржуазного государства, известная устойчивость, обнаруженная европейскими международными об'единениями, в первую очередь стальным картелем, вызывают напряженное внимание монополистов и биржевых королей Соединенных Штатов Америки. В специально банковской и в общей печати в последнее время поднимаются все чаще предостерегающие голоса о тех роковых последствиях, которые могло бы иметь наступление об'единенной, рационализированной и в то же время голодной и жаждущей европейской промышленности на американского соперника. Среди представителей промышленного и банковского капитала находятся такие пессимисты, которые боятся, или делают вид, что боятся, прорыва европейской стальной и химической индустрии на рынок С. Штатов Америки и разрушительных последствий этого прорыва для американского благоденствия. Меры, рекомендуемые для предотвращения надвигающейся опасности весьма разнообразны, начиная с требования предоставления со стороны правительства добавочных вольностей, льгот и привилегий американским трестам и кончая довольно прозрачными намеками на желательность покрепче нажать на европейские страны. Но если, как мы увидим ниже, рецепты, предлагаемые представителями различных заинтересованных групп, расходятся между собой, то в констатировании факта предстоящей америко-европейской промышленной борьбы ими проявляется известное единодушие.

Проблема европейской конкуренции представляет тем больше трудностей для американского капитала, что, чем дальше, тем он все больше становится заинтересованным в благосостоянии все той же Европы. Под жилетом американского буржуа должны не только мирно уживаться, но и любовно слиться душа соперника Европы с душой ее кредитора. Как установить здесь гармонию? Как добиться того, чтобы европейское хозяйство сохранило способность впитывать в себя американские капиталы, а главное, платить аккуратно и честно по старым и новым долгам, и в то же время не обнаруживало совершенно законного стремления «потеснить» Соедин. Штаты с мирового рынка? Какие меры следует предпринять, чтобы у европейской коровы не выросли

слишком большие рога и чтобы она в то же время давала хороший удой? На языке американских экономистов эта задача носит название проблемы сочетания роли С. Штатов, как рационализированной мастерской мира, с ее положением, как обладательницы полумирового запаса золота.

На этот проклятый вопрос можно встретить в американской прессе разнообразнейшие ответы с амплитудой размаха от 0 до 180 град. Одни,—разумеется, те, которые больше заинтересованы в благополучном поступление процентов по долгам и в дальнейшем заграничном инвестировании капитала,—советуют американской промышленности урезать свои аппетиты и порывы по части завоевания мирового рынка с тем, чтобы вознаградить себя развитием новых возможностей на внутреннем американском рынке. Они выступают под «пацифистской» формулой: живи и дай жить другим. Другие противопоставляют ей более откровенную формулу ненасытного империализма: убить, чтобы жить. Они проповедуют необходимость сохранения полного превосходства во всех углах земного шара цветущего хозяйства С. Штатов над дряхлеющим, поддерживаемым американским кислородом хозяйством Европы. К качестве последнего и решающего аргумента они выдвигают соображение, что только такое превосходство обеспечит С. Штатам непобедимость в предстоящей неизбежной войне.

О перспективах войны (особенно отчетливо—с Англией) все чаще говорится в американской печати в связи с вопросом об обеспечении морских путей, а в последнее время—и это является *новым* моментом,—в связи с возможным наступлением трестированной европейской индустрии на американский капитал.

II.

В течение этого года ряд экономистов был командирован научными институтами Америки в Европу для «обстоятельного изучения экономической обстановки». Эти командировки официально были мотивированы интересом к международной экономической конференции в Женеве. В действительности же они были вызваны потребностью финансовых королей, содержащих эти научные институты, прощупать и выстукать Европу, чтобы определить, каких неприятностей и осложнений следует ожидать от нее к началу вспышки мирового экономического кризиса. О том же, что кризис в С. Штатах удастся в лучшем случае отсрочить до окончания президентских выборов и что при первых признаках его Европа подгадит—и очень основательно, не принято говорить в хороших американских публичных домах буржуазной печати, но это молчаливо само собой разумеется.

Печатающиеся сейчас отзывы американских гостей, пожаловавших в Европу, показывают, что они не намного отличаются от Алеши Поповича: те же глаза завидущие, те же руки загребущие. Глаза завидущие загорались у вашингтонских разведчиков при наблюдении стремительного процесса трестификации европейского хозяйства. Но одновременно с этим руки загребущие наталкивались на роковую импотенцию европейских должников, на их неспособность уплачивать по своим растущим обязательствам нью-йоркским банкам, кроме как за счет того же американского дядюшки; т. е. либо получением новых займов, либо экспортом продуктов европейской промышленности на американские рынки, что означает потеснение для американских трестов.

Для характеристики выводов американских исследователей приведем два отзыва: экономиста Ивенса Клерка и проф. Э. М. Паттерсона, командированного американской академией политических и общественных наук «для изучения условий, сложившихся в Европе после 9 лет мира».

Ивенс Клерк изложил результаты своих наблюдений в нью-йоркском «Таймсе» [1]) в статье под заголовком:

> «Европа сейчас усыновляет тресты. Крупные об'единения господствуют на экономической арене в Германии и Франции; Англия следует за ними. Правительства скорее поддерживают, чем препятствуют крупным об'единениям».

Америка,—говорит Ивенс,—не может уже больше претендовать на то, чтобы быть страной трестов. В Германии и Франции тресты начинают господствовать в промышленности и контролировать национальную промышленность в большей степени, чем в С. Штатах Америки. Даже Великобритания, где индивидуализм сидит цепко как в промышленности, так и в политике, в течение последних немногих лет произошли крупные изменения. В настоящее время тресты уже вышли за пределы государственных границ и об'единяются с трестами других стран в межгосударственные комбинаты.

Клерка, как любителя монополии, приводит в особый восторг европейский стальной картель. Еще одно поколение назад,—пишет он,—собрание европейских стальных фабрикантов представляло бы собой дезорганизованную толпу мелких предпринимателей, руководимых противоречивыми интересами. В настоящее же время горстка людей, собравшись, может решить судьбу далеко разбросанных предприятий Германии, Франции и Бельгии.

Автор обстоятельно описывает главные тресты Германии, Франции, Англии. Новое весьма ценное и желанное с его точки зрения заключается в той поддержке, которую государственная власть оказывает трестам.

> «В Европе государство либо воздерживается от вмешательства, либо активно, как в Германии, оказывает поддержку трестам. Законы, подобные закону Шермана (существующий в С. Штатах антитрестовский закон, на деле не мешающий монопольному самодержавию Моргана, Рокфеллера и Лапонта. *П. Ш.*), неизвестны за границей. Существующие же во Франции и Англии законы, запрещающие ограничение свободы промышленности, не применяются к комбинатам, даже когда в результате их деятельности возникают монополии».

Но в особо восторженное состояние американский исследователь приходит, убедившись в том, что Европа уже шагнула дальше простой свободы трестов, что она уже осуществляет *сращивание трестов с самим государством*.

> «В германии индустрия и государство—не две раздельные друг другу враждебные группы, но партнеры в общем деле. Развились новые отношения, которые не являются ни системой «laissez faire», ни национализацией — их можно было бы назвать участием государства («State participation»).

---

[1]) «New-Jork Times», 9/X—27 г.

Германское правительство наравне с частным капиталом является собственником и руководителем индустрии. Через «Компанию об'единенных промышленных предприятий», хозяином которой является правительство, государство владеет большинством акций в целом ряде крупнейших электрических компаний и является участником во многих других. При помощи того же концерна правительство контролирует производство алюминия и сгущенного азота (вне химического треста), имеет влияние в кораблестроении, в производстве суперфосфата и ведет большие банковские операции».

В высшей степени характерно, что американский экономист, подошедший к вопросу изучения европейского хозяйства с своей точки зрения («о благодетельных возможностях трестов и монополий»), констатирует в качестве нового и характерного для нынешней Европы, в особенности Германии, тот процесс *сращивания* трестов с государственным аппаратом, на который указал в своем докладе на XV парт'езде т. Н. И. Бухарин. Эта новая система отношений приходится так по вкусу Клерку именно потому, что сращивание достигается не путем установления со стороны государства в какой бы то ни было форме контроля над трестами, а наоборот, путем полного и открытого подчинения государственного аппарата горсти монополистов и путем перенесения верховной власти государства на частные тресты.

В каких формах на практике осуществляется стремление хозорганизаций капитала к сращиванию с организацией государственной власти? Приведем по германской печати 2 характерных факта.

Нескрываемое обслуживание трестов государственным аппаратом и открытое урезывание прав государства и органов местного самоуправления совершаются сейчас в Германии в таких размерах, что даже «Форвертс» вынужден был «возмутиться»[1]). Под заголовком «Верховная власть государства опустошается», «Спят ли в Берлине?» «Форвертс» сообщает о двух скандальных случаях, когда правительственный аппарат, начиная с местных чиновников и кончая членами центрального правительства, не в порядке даже тайного соглашения-подкупа,—что было бы совсем не удивительно и не ново,—а в порядке исполнения своих государственных функций отчуждали—или, правильнее, дарили—права государства и муниципалитетов частным фирмам. Первый случай относится к щедрому подарку, который сделали «Рейнско-Вестфальские электрические заводы», принадлежащие государству, частному «Акционерному Обществу для использования угля», уступив ему право на прокладку газовых труб через район Эссена. Характерно, что государственные и общественные интересы в рейнско-вестфальском электрическом обществе вполне «гарантированы» тем большинством голосов, которым располагают государственные и общественные представители в наблюдательном совете этого акционерного общества. Но, с другой стороны, руководит этим обществом доктор Веглер, «общественный деятель», который в то же время является директором-владельцем «Общества для использования угля». Тот факт, что Веглер-общественник, оказался сверх'уступчивым по отношению к Веглеру-капиталисту за счет интересов государственного предприятия,

[1]) «Vorwärts» N. от 4/12—27 г.

вполне об'ясняется законами человеческой природы. Но как же это наблюдательный совет не побоялся *открыто* предать частному предприятию вверенные ему государственные интересы? Даже «Форвертс» не имеет возможности свалить вину на одних лишь стрелочников и вынужден признать, что «доктор Веглер чувствует себя настолько прочным и в том и в другом акционерном обществе,—благодаря системе закулисного воздействия на членов наблюдательного совета, благодаря молчаливому покровительству высокой и высшей бюрократии, благодаря умной зависимости бывших и будущих парламентских вождей,—что ему абсолютно нечего бояться».

Другим примером «сращивания» государственного аппарата с той же частной фирмой доктора Веглера является договор, который эта фирма заставила подписать самоуправление двух городов, Дюсбурга и Дюссельдорфа, под угрозой, что, если «договор не будет подписан добровольно, то без всякого замедления будет проведен закон, который не только принудит города к уступчивости, но и в значительной степени ограничит и на будущее время их право на прокладку дорог».

Прихорашиваясь к предстоящей выборной борьбе, орган германской социал-демократии благородно негодует против этого «неписанного, но в высшей степени действительного сотрудничества бюрократии, парламентариев и тяжелой индустрии, направленного против демократического самоуправления государства и общин». Он забывает лишь прибавить, что во главе государственного треста, дочерние и другие родственные организации которого так щедро раздают свои ласки ловким Веглерам, стоит не кто иной, как соц.-демократическое прусское правительство.

Таким образом, у апологета неограниченного трестовского могущества есть все основания позавидовать той трестификации государственной власти, к которой уже начинают подбираться гигантские монопольные об'единения Германии.

III.

Но если Клерк видит только сильные стороны трестифицирующегося европейского хозяйства, то другой, упомянутый выше «исследователь» Паттерсон, подходит к вопросу с иной стороны. Сможет ли Европа уплатить по тем американским займам, за счет которых она производит сейчас стремительную реорганизацию своего хозяйства? В какой форме может быть завершена эта оплата? И не подорвет ли она положение С. Штатов Америки, как «мастерской мира»?

Обстоятельное исследование Паттерсона «Европа в 1927 г.» представляет собой часть ноябрьской книги американской академии политических и общественных наук[1]), посвященной Европе 1927 г. Остальные статьи этого тома развивают отдельные положения Паттерсона. Его выводы, таким образом, имеют печать «научного» авторитета.

Паттерсон принадлежит к той многочисленной категории американских экономистов, которые уверены или, правильнее

[1]) «The Annals of the american Academy», ноябрь 27 г.

говоря, пытаются уверить других, что Европа вообще держится не только милостью, но и неограниченным бескорыстием С. Штатов. Глубокий кризис европейского хозяйства вызван не отсутствием основного и оборотного капитала, поэтому никакая рационализация и трестификация не могут устранить старческого худосочия Европы.

«Главная трудность (европейского хозяйства) заключается не в недостатке капитала, а как раз в обратном. Налицо производственная способность, превышающая нынешний спрос при существующих ценах. Помощь может быть оказана не в расширении предприятий, уже сейчас слишком обширных, а в создании нового мирового спроса, который сделал бы возможным использование существующей производительной способности, или в *уничтожении* (inscrapping) *части существующих предприятий*» [1]).

Под'ем некоторых отраслей промышленности в Европе, хозяйственный успех некоторых стран неспособны смягчить суровый приговор американского профессора. Приводя цифры продукции по отдельным отраслям хозяйства, он показывает, что улучшение в одних отраслях достигается за счет ухудшения положения в других. Развитие шелковой промышленности вызвано депрессией хлопчатобумажной. Италия и Германия улучшили свою хлопчатобумажную промышленность за счет упадка Ланкашира. Успех германского и польского угля в 1926 г. был вызван исключительно «ужасной» забастовкой в Англии. Сейчас возобновление производства угля в Великобритании вызвало обратный процесс в Германии, Польше и в др. местах. Одним словом, все исследование Паттерсона напоминает мрачный, но пророческий сон библейского фараона: европейские худые пожирают тучных американских коров и остаются худыми.

Соответственно этому оценка Паттерсоном потуг Европы в целях оздоровления своего хозяйства сильно отличается от обычной буржуазно-европейской оценки. Так, перечисляя важнейшие факты в этой области в течение 1927 г., он ставит рядом с международной экономической конференцией в Женеве заседание международной Торговой Палаты в Стокгольме и совещание директоров Английского банка—Нормана, германского—Шахта и французского—Риста с директором нью-йоркского федерального резервного банка—Стронгом в Нью-Йорке. Нисколько не считаясь с самолюбием государственных мужей и ученых Европы, Паттерсон заявляет, что из всех этих совещаний практический результат пока-что имело только одно нью-йоркское: федеральный резервный банк в результате этого совещания понизил учетный процент с 4 до $3^1/_2$, чем вызвал сокращение притока золота в Нью-Йорк и прекращение утечки золота из Лондона. Американский банк пошел на эту «жертву», зная, что она будет чревата неприятностями для хозяйства С. Штатов в целом.

«Утечка золота из Лондона прекращается... Но критики, указывают, что это (решение о понижении учетного процента) повлекло за собой два невыгодных последствия: 1) низкий учетный % С. Штатов является поощрением дальнейшей спекуляции, которая уже достигла серьезных размеров; 2) иностранные искатели займов снова бросятся на нью-йоркский рынок, между тем как было бы неразумно поощрять наши и без того слишком значительные кредиты за границей».

[1]) Там же. См. стр. 24.

Американский благодетель не склонен вспомнить, какие человеческие, слишком человеческие соображения руководили американскими банкирами, оказавшими поддержку английскому фунту для того, чтобы Англия могла осуществить полностью свой осенний план заготовки хлопка на американском рынке. И лучшим доказательством выгодности этого мероприятия для американских банков является то, что новый директор Совета Федерального Банка Юнг, бывший представителем той группы банков, которая была против снижения учетного % и провалила поэтому старого директора Крисингера, продолжает сейчас политику временной поддержки английского фунта [1]).

Но если американские подачки способны вызвать лишь местные и временные улучшения в европейском хозяйстве, то какие же есть у С. Штатов реальные основания рассчитывать, что они загребут назад данное взаймы золото? По мнению Паттерсона—никаких. Никакая рационализация хозяйства, никакие мощные трестовские об'единения этого печального факта устранить не могут.

«Германия, как государство, еще не начала платить по иностранным обязательствам: наоборот, она увеличивает свою задолженность новыми займами. Точно так же и весь остальной мир не платит процентов по своей задолженности, наоборот, Америка каждый год предоставляет загранице кредиты на сумму, превышающую сумму этих %%. Только об одной из наиболее значительных европейских стран можно сказать, что она выполняет свои обязательства. Эта единственная страна—Великобритания, но напряженность, при которой ей приходится работать, видна из ее платежного баланса. Большая часть земного шара платит свои долги за счет новых займов. Но если это так, то до каких же пор может тянуться такое положение? Как долго хватит у американского капитала «великодушия», чтобы оплачивать эту идиллию. Если верно утверждение Паттерсона, что С. Штаты все время только дают, а взамен от Европы ничего не получают и даже не имеют никакого основания надеяться что-либо получить, то не оскудеет ли в ближайшее время и рука и терпение дающего? На этот вопрос мы находим в академическом исследовании не лишенный практического значения, довольно прозрачный ответ: трудно представить, до каких пор может длиться такое положение. Но вероятно, что и ему будет предел. Если бы даже американские вклады за границу будут расти в течение неопределенного числа лет, то все же придет время, когда этот темп ослабеет. Придет время, когда сумма иностранных бумаг, выпускаемых на американский рынок будет меньше, чем в настоящее время и, вероятно, меньше процентов по задолженности Европы нам. Это создаст серьезные трудности для обеих сторон. Для заграничных должников это будет означать начало реальных платежей со всеми возможными последствиями для их

[1]) Подробнее см. «Wirtschaftdienst» от 2 декабря. Стр. 1880 и след.

валюты. *Для Америки это будет означать начало реальных поступлений в форме увеличения импорта, который может деморализовать некоторые отрасли нашей промышленности»* [1]).

Производственный аппарат Европы, из которого американский экономист в начале своего обзора предлагал «вычистить» и «вычеркнуть» излишние предприятия, обнаружил себя под конец его исследования в очень неприятной роли: он обнаружил себя в виде неблагодарного должника, который, разжирев на американских хлебах, начинает расплачиваться таким образом, что он «деморализует» и дезорганизует хозяйство своего благодетеля. Плохо теперь, когда Европа не платит, но как будто не намного станет лучше, когда она накопит достаточно сил, чтобы приступить к платежам продуктами своего производства.

Чем быстрее будет совершаться этот процесс накопления сил в европейском хозяйстве, тем ближе начало деморализации американского хозяйства. Ниже мы увидим, как некоторые наиболее чувствительные верховоды трестов заблаговременно уже начинают кричать «караул». Но даже спокойный академик заканчивает свое исследование о Европе 1927 г. главой, густо подернутой меланхолией. «Приближается ли кризис?»—спрашивает командированный на разведку в Европу профессор. И отвечает:

> «*Никто еще не знает, сумеют ли должники легко платить и кредиторы легко получать*... Но первые главы этого исследования дают основание для серьезных сомнений и самых пессимистических прогнозов. Весьма возможно, что в недалеком будущем наступит кризис, сопровождаемый обширной ликвидацией. Накопилось столько обязательств, что часть из них не может быть покрыта. *Когда это окончательно будет осознано, кризис будет налицо*.

IV.

Как добиться того, чтобы «Европа хотела и могла платить, а С. Штаты Америки могли без ущерба для себя получать»,—вот одна из важнейших проблем экономической и финансовой политики С. Штатов. Мы видели выше два различных подхода к постановке этого вопроса со стороны исследователей европейского хозяйства. Обратимся к тем планам контрманевра против трестификации Европы, которые исходят непосредственно от практиков банковского и промышленного капитала. Мы ограничимся и в данной области приведением двух крайних точек зрения, формулированных в самое последнее время по этому вопросу.

Одну точку зрения можно было бы назвать вегетарианской, если бы она не принадлежала одному из умнейших банковских рвачей, вице-директору Amerikan Exchange-Irving Trust Company, мистеру Чени. Этот представитель банковских интересов поставил в послений месяц открыто вопрос: как должна американская стальная промышленность реагировать на возникновение и укрепление европейского стального картеля? Его ответ с первого взгляда может удивить своей неожиданностью. Чени предлагает *отступить* американской индустрии перед европейским картелем, *сдать ему добровольно* мировой рынок и ограничиться

[1]) Там же, стр. 123.

защитой американского рынка от европейской стали. И, несмотря на его явно «капитулянтский» характер, этот план встретил одобрительный отзыв, по крайней мере, со стороны самой «солидной» и деловой экономической и банковской прессы. «Банковский журнал» [1]) печатает под заголовком «Конкуренция европейской стали на американском рынке» речь Чени на годичном собрании американского Института по стали. «Анналист» [2]) печатает предложение, сделанное Чени Академии политических знаний, прибавляя, что «главное достоинство этой статьи—ее глубина» и что она «ставит вопрос, имеющий первостепенное значение для американской промышленности».

Основная мысль Чени заключается в том, что Америка не может быть одновременно и мировым кредитором и мировой фабрикой. По отношению к стальной промышленности эта проблема в настоящее время приняла наиболее «драматическую» форму. Но в основе своей это положение верно и для ряда других отраслей промышленности и «для всей промышленности вообще».

Автор напоминает, что при первых сообщениях о возникновении континентального стального картеля, руководители стальной промышленности С. Штатов сделали заявление, что они не намерены присоединиться к нему и что вообще у них нет никаких оснований считаться с возможностью конкуренции с его стороны. Он, Чени, тогда же предсказывал, что такое отношение «уже в ближайшем будущем обнаружит излишнюю самоуверенность и самоудовлетворенность». Это предсказание уже оправдалось. Уже «Стальная компания С. Штатов» обращается в Федеральную Коммерческую комиссию с ходатайством снизить железнодорожный тариф на доставку к портам экспортируемой стали, мотивируя это необходимостью укрепить внешнюю торговлю С. Штатов. Чени возражает против этого ходатайства. С. Штаты экспортируют за границу меньше 5% своего железа и стали в то время, когда Германия в последний год экспортировала свыше 40% своей продукции (повысив на 75% свой экспорт с 1925 на 1926 г.) занимая таким образом первое место, которое занимала Франция в 1925 г. и Великобритания в 1924 г. Континентальные производители оправились после войны, и их экспорт за последний год превышает довоенные цифры. Должны ли при таких условиях С. Штаты вступить в «братоубийственную» борьбу с европейской стальной индустрией за обладание мировыми рынками? Чени решительно предостерегает от положительного ответа на этот вопрос.

> «Что составляет в настоящее время наш экспорт железа и стали? Это ничтожная часть нашей продукции, и, если ее возможно было бы увеличить, то лишь в результате жесточайшей борьбы путем понижения цен. Но для европейской стали экспорт является вопросом жизни и смерти. Восстановление и развитие этой индустрии в Европе составляет основной нерв *восстановления международной экономической стабилизации. Продолжающаяся неустойчивость мирового хозяйства является той ценой, которую мы бы сами платили и заставляли бы Европу платить, добиваясь для себя расширения мирового рынка для стали и др. товаров*».

[1]) «Bankers Magazine», Нью-Йорк. Ноябрь, 1927 г. Стр. 555.
[2]) «The Annalist», Нью-Йорк. Ноябрь 25, 1927 г. Стр. 819.

Чени требует самоограничения и самоурезывания—самоограничения в борьбе с Европой за рынки, для того, чтобы получать от нее проценты по займам. «*Американская индустрия должна понять, что она является нацией-кредитором, и приспособиться к этому господствующему над всем остальным фактом... Она должна понять, что она не может одновременно настаивать на божественном праве быть мировым рынком, сохраняя за собой божественное право на мировое золото*».

Этот призыв к американскому фабриканту подчинить свои интересы американскому держателю иностранных облигаций и акций и во имя этого обнаружить христианский аскетизм в борьбе за мировые рынки встречен до сих пор, хотя и очень горячим сочувствием, но только лишь со стороны «теоретиков». Так, постоянный передовик «Анналиста»—Бенжамен Беккер, пишет [1]:

> «Действительно наступает решительный момент, когда американские фабриканты должны расстаться с мыслью, будто С. Штаты могут бесконечно давать взаймы деньги за границу, которые могут быть возвращены лишь в форме импорта в Америку. Американский держатель иностранных бумаг не будет бесконечно носить на своей спине бремя оплаты экспорта американской индустрии, которая до сих пор отказывается от неблагодарной, но спасительной задачи: *приспособиться к тому состоянию мира, в каком он сейчас находится*».

Но все эти вариации на тему: «лучше—синицу в руках, чем орла в небесах», выходят хорошо только на бумаге. В действительности же призыв к аскетизму либо не исключает, либо даже является маскировкой к подготавливающейся новой, еще более ожесточенной атаке. Выступление Чени является ярким тому доказательством. Характерно, что как раз в эти самые дни, когда он стал «вентилировать» план отказа стальной промышленности от борьбы за внешние рынки, в С. Штатах вырастает *новый гигантский стальной трест, образование которого мотивируется необходимостью более решительной борьбы на мировом рынке против европейского стального картеля*. Речь идет об об'единении в один комбинат всех независимых, т.-е. не принадлежащих к «Стальной Компании С. Штатов», трестов. Ядро нового комбината составят «Республиканская Компания Железа и Стали» и «Трэмбелская Стальная Компания», об'единенный капитал которых доходит до 200 милл. долларов.

> «Новое об'единение,—пишет «Нью-Йорк Геральд» [2),—к образованию которого сделан первый шаг, должно, по мнению кругов Уолл-Стрита, развиться в колоссальную организацию которая была бы способна конкурировать не только на внутреннем рынке, но и на *наименее доступных частях мирового рынка*».

Эта необходимость усиления атаки на мировые рынки открыто ставится в связь с ростом влияния европейского стального картеля.

> «Тенденция к образованию комбинаций в европейской индустрии, в особенности, к соглашению между Францией и Германией, значительно способствовала решению независимых трестов об'единиться» [1]).

[1]) «Анналист» № 775, стр. 818.
[2]) «N.-Y. Herald». Парижское издание, №№ от 24 и 27/XI 27 г.

Итак, предложение банкиров ответить на трестификацию Европы уклонением от борьбы за мировые рынки категорически отвергается стальной индустрией Американских С. Штатов. Добродетельная формула—живи и давай жить другим,—абсолютно неприемлема для империализма, даже когда она с точки зрения «чистого разума» и «ясного расчета», как будто вполне соответствует в данный момент и в данной обстановке его интересам. Она растворяется без остатка в другой, более высокой и общей формуле: убить, чтобы жить.

Прежде чем перейти к характеристике тех течений в американской прессе, которые без всякого жеманства разворачивают эту формулу борьбы не на живот, а на смерть, формулу экономической, *и не только* экономической войны, посмотрим, как преломляются у буржуазных экономистов *Европы* великодушные планы американских «миролюбцев» о предоставлении европейской индустрии возможности жить и трудиться во имя исполнения долговых обязательств и процентных взносов.

V.

Видный английский экономист Джордж Пэйш выступил в конце ноября в университетском клубе Оксфорда с душераздирающим призывом спасти Европу от надвигающегося на нее *банкротства*. В описательной части доклад Пэйша [2]) в общем совпадает с диагнозом, поставленным Европе Паттерсоном и Чени. Существенная разница, однако, заключается в том, что те выступают в роли приглашенных на консилиум специалистов-врачей, Пэйш же, в качестве представителя английского хозяйства, чувствует себя тяжело и даже безнадежно больным. Паттерсон «не плачет и не смеется, а изучает», бесстрастно откладывая момент наступления катастрофы европейского хозяйства на неопределенное время. Пэйш же видит срок и *очень близкий*, когда Америка сознательно и расчетливо закроет кран своих финансовых благодеяний и предоставит Европе пройти через очистительный огонь всеобщего банкротства. Этот критический момент, по его мнению, недалек: он наступит уже *весной 29-го года*. Он, может быть, наступил бы уже и сейчас, если бы:

> «*правительство С. Штатов не стремилось отсрочить кризис до окончания президентских выборов 1928 г.*».

Единственное средство для спасения Европы Пэйш видит в быстром под'еме ее экспорта. Европейская индустрия должна вывозить на мировой рынок на 300 милл. фунтов больше, чем она вывозила до войны,—только тогда она окажется способной покрывать проценты по своим обязательствам и уплачивать за необходимый импорт. (Эта сумма добавочного по сравнению с довоенным временем экспорта исчислена Пэйшем следующим образом: до войны Европа ежегодно получала по своим займам: от России—60 милл. фунт., от Америки—столько же; в настоящее же время Европа должна платить Америке по довоенным

[1]) Там же.
[2]) «The Manchester Gardian» от 28/XI—27 г.

долгам—50 милл. фунт. и послевоенным обязательствам—120 м.). Это увеличение экспорта до сих пор не достигнуто и не может быть достигнуто: он ниже, чем до войны. Это об'ясняется прежде всего тем, что производственный аппарат после войны значительно вырос, больше всего в Америке, но также в Японии, Индии и даже в Китае. Послевоенное положение представляет собой заколдованный круг. Европейские страны, обнищавшие вследствие трудностей для своего экспорта, пытаются сохранить равновесие своего баланса сокращением закупок. Но эти принимаемые против импорта меры, только обостряют болезнь. Попытка европейских стран облегчить положение предоставлением кредитов предприятиям для развития экспорта, имеет своим результатом задолженность промышленности банкам, задолженность, достигающую опасных размеров. «*Баланс одной крупной стальной компании недавно обнаружил задолженность банкам на сумму в 3 милл. фунтов стерл.*; *тяжелая задолженность ланкаширской хлопчатобумажной промышленности банкам хорошо известна*».

Как же при таких условиях европейская индустрия еще может вертеться? Пэйш дает ответ с такой искренностью, которую может родить только отчаяние: европейская индустрия держится только получением новых займов от Америки, только все более и более глубоким погружением в задолженность. Как долго Европа будет способна существовать на займах, как долго Америка согласна будет предоставлять их? Ответ Пэйша гласит: «*Меньше, чем два года*».

> «Осенью 29 г. Европа, неспособная больше платить %% по старым займам путем получения новых, *очутится лицом к лицу с банкротством*. Такое банкротство будет означать хаос и страшное, непостижимое несчастье. И это не только его, Пэйша, личное мнение. Он обсуждал положение с руководящими банковскими и финансовыми экспертами Америки, Англии и Германии. *И все они считают, что бедствие неизбежно, что мир быстро устремляется к этой катастрофе*».

Но Пэйш рисует такими мрачными красками настоящее положение и так пессимистически пророчествует о ближайшем будущем не для того, чтобы признать, что выхода нет. «Его сердце отказывается мириться с таким выводом». Он доказывает, что положение может быть спасено и в пожарном порядке... созывом новой экономической конференции при Лиге Наций! Правда, он должен признать, что все решения прошлой конференции остались на бумаге, что «не только таможенные пошлины нигде не были понижены, но, наоборот, они продолжают расти». Но причину этой полнейшей безрезультатности ученый английский экономист видит исключительно в том, что конференция состояла из необлеченных властью экспертов. Пусть же теперь новая конференция будет составлена из официальных представителей правительств! Пусть в них примут участие Россия и Америка. Пэйш уверен, что выход найдется.

Образование новых гигантских трестов в С. Штатах Америки специально для борьбы и изгнания с мирового рынка стальной и в особенности химической европейской индустрии (т.-е. тех производств, где она еще имеет некоторый перевес над Америкой): 1) подтверждает правильность диагноза, поставленного Пэйшем, и 2) показывает всю жалкую беспомощность его знахарских рецептов.

Американский империализм, как подобает всякому еще не сгнившему империализму, слезам не верит.

VI.

К особенно решительному отпору европейской трестифицированной промышленности готовятся *химические* тресты С. Штатов. Уже первые сообщения и слухи о начавшихся предварительных переговорах между химическими трестами Европы об обмене патентами и о возможном образовании картеля, заставило насторожиться не только химическую промышленность, но и правительственные круги С. Штатов. Было немедленно подсчитано, что новый европейский комбинат, в который, по сведениям американских газет, должна вступить Великобритания, Франция, Германия и Бельгия, а может быть, и другие страны, будет обладать капиталом, превышающим 1 миллиард долларов. Борьба с будущим об'единением таможенными пошлинами признается недостаточной. Этой борьбе придается национальное и государственное значение, при этом всячески раздувается, что еще не родившийся европейский химический трест, уже вызывающе угрожает самому существованию С. Штатов. Специальный вашингтонский корреспондент «Нью-Иорк Таймс'а» сообщает [1]):

> «По мнению официальных кругов, европейский химический трест возникает под знаком враждебности к американской химической промышленности, которая быстро развилась по окончании мировой войны. Его цель, заявляют представители правительства в Вашингтоне, вытеснить американские химические продукты с мирового рынка, а также, если окажется возможным, укрепиться на значительной части рынков С. Штатов. В настоящее время тариф С. Штатов достаточно высок, чтобы исключить иностранные химикалии. Но Вашингтонские наблюдатели убеждены, что *организаторы европейского химического треста, повидимому, убедили себя, что в конце концов американские тарифы будут понижены в результате переговоров, направленных на то, чтобы Европа могла выплачивать свои долги С. Штатам*».

Таким образом, призыв Пэйша об осуществлении известного меморандума банкиров о понижении тарифных барьеров, с целью дать Европе возможность честно расплачиваться и избегнуть банкротства, об'является «официальными кругами» Вашингтона вероломным замыслом противника, покушающегося на интересы американской химической промышленности и даже—о, ужас!—на мощь С. Штатов во время предстоящей войны. Ясно, на пацифистской мякине Пэйша, таких опытных воробьев не проведешь!

Каковы прежде всего те экономические интересы, которым угрожает еще несуществующий европейский картель? В своем ходатайстве перед конгрессом об отмене специально для американской химической промышленности антитрестовского закона, химические короли приводят между прочим следующие цифры.

Ежегодная продукция химической и родственных ей отраслей промышленности поднялась на протяжении 1914—1926 гг. с $2\frac{1}{2}$ миллиардов до 6 миллиардов долларов. Еще больше поднялся

[1]) «N.-J. Times», 24/X—27 г.

экспорт: в 1914 г.—27 милл. долл., в 26 г.—171 милл. До войны красильная индустрия Америки обрабатывала главным образом полуфабрикаты, импортированные из Германии; в настоящее время она производит 93% внутреннего потребления С. Штатов. По заключению Департамента Торговли, борьба за мировые рынки была очень серьезна и сопровождалась искусственным понижением цен.

Но к этим экономическим присоединяются еще интересы особого порядка—военно-технические, и на них-то особенно напирают химические воротилы, добиваясь полной легализации для своей бесконтрольной монополии.

Связь между химической индустрией и безопасностью в случае войны является аргументом против возвращения к довоенному положению. Именно вследствие этой связи, а также вследствие интересов американской индустрии, представляющей миллиарды вложенного в нее капитала, *правительство зорко следит за развитием трестификации в Европе*. С точки зрения национальной защиты официальные круги придают восстановлению и развитию этих отраслей промышленности со времени войны первостепенное значение. *Они подчеркивают, что эти отрасли промышленности производят взрывчатые вещества, газы и др. вещества, непосредственно употребляемые для военных целей, которые наравне с красками и медикаментами необходимы для благосостояния народа* [1]).

Интересы военной промышленности являются, разумеется, решающим козырем в руках организаторов будущего единого химического треста С. Штатов. Конечно, отнюдь не исключена возможность того, что весь этот шум, о готовящейся атаке будущего европейского картеля и о его злонамеренных кознях, направленных против Америки, преследует также и цель сделать более уступчивым германский Красильный трест, к патентам которого Нью-Иорк и Вашингтон так жадно тянутся. Этим, вероятно, об'ясняется и то, что наиболее тяжкие упреки в докладной записке направлены именно против Германии, которая открыто обвиняется в том, что она дерзновенно стремится вернуть свое довоенное господствующее положение в самой Америке. Но не менее, если не более вероятно, что под прикрытием столь непроницаемого тумана, как интересы обороны, химические компании Америки устранят последние формальные затруднения к открытому об'единению в один чудовищный трест.

VII.

Обеспечение «независимости американской индустрии на случай войны» является одним из руководящих принципов американской политики в ответ на рост монопольных об'единений в Европе.

С этой точки зрения чрезвычайно характерны те «скромные технические» планы, которые развил престарелый Эдиссон в беседе с сотрудником популярного научного журнала [2]). Речь идет о том, чтобы сделать С. Штаты Америки на случай войны независимыми от иностранного каучука, почти монопольным хозяином которого остается до сих пор Англия.

---

[1]) Там же.

[2]) «Popular Science Monthly», Нью-Иорк, декабрь. Цитир. по «The Literary Digest» № 9, стр. 18 и сл.

«Генри Форд, Файерсен и я,—сообщает Эдиссон,—обсуждали вопрос, *что должна сделать наша страна в случае войны, которая отрежет* нам снабжение резиной. Не питайте никаких иллюзий *насчет этой войны: она придет*. Мы можем существовать в течение значительного ряда лет без нее. *Но рано или поздно народы Европы об'единятся против С. Штатов, и первое, что они сделают тогда*—они лишат нас резины».

В дальнейшей беседе Эдиссон подчеркивает, что его интересует не резина вообще, а «резина во время войны», что все его исследования и изыскания имеют в виду только эту специальную обстановку. Производство резины для мирного времени для коммерческих целей является для С. Штатов Америки и неразрешимой и ненужной задачей.

«Мы употребляем ежегодно около 400 т. тонн резины, и вся она приходит из тропических стран, за исключением небольшого количества, производящегося в Калифорнии. Часть резиновых плантаций принадлежит американскому капиталу. Еще больше будет ему принадлежать. До тех пор, пока наши пароходы сохранят свободу плавания по морям мы можем получить резину сколько нам угодно по подходящей цене. *Но речь идет о резине во время войны и для войны*».

Исследовательские отряды, организованные искателями «военной резины» рыщут сейчас по степям и пустыням стран Европы, Азии, Африки, Южной Америки. Больше 250 различного рода растений уже доставлены и изучаются в лабораториях Эдиссона. Первое и основное требование, которое пред'является к ним—это доставление «урожая» резины уже в течение первого года после посева. *В течение первого года*. «Больше года после начала войны ждать будет невозможно,—решительно заявляет Эдиссон...

Экономисты буржуазной Англии предчувствуют надвигающуюся катастрофу *банкротства*; дельцы и техники буржуазной Америки предвидят неминуемую *войну*. Англичане сознают полную *беспомощность* сверхтрестированной Европы предотвратить и даже отсрочить банкротство; американцы и в финансовой, и в промышленной, и в технической областях реально учитывают и *готовятся* к войне. Первые обманывают народы бабушкиными сказками об «индустриальном мире» и прочности устоев буржуазной государственности, но сами *трепещут и дрожат* в ожидании того, что им несут ближайшие годы. Вторые тоже обманывают народ разговорами об уже произведенной «бескровной социальной революции», в результате которой «комбинированный капитал уравнял в правах миллиардера и рабочего», но к войне они готовятся *спокойно, расчетливо и деловито*. И *только в одном* английский экономист и американский бизнесмен сходятся: в том, что каждая из этих двух сторон видит своего злостного соперника именно в другой стороне.

Пэйш связывает банкротство с отказом Вашингтона в предоставлении Европе новых кредитов. И даже начало этой катастрофы он считает уже приуроченным к тому моменту, когда вашингтонскому правительству с точки зрения выборных комбинаций она больше не будет вредна. Эдиссон, а вместе с ним и американские дельцы считают причиной будущей войны борьбу за превосходство на море и удар Англии по морским сообщениям С. Штатов. Никакие «бескорыстные» жесты Американского Резервного Банка не в состоянии ввести в заблуждение таких

специалистов по части международного лицемерия и жульничества, как представители буржуазной Англии. Но еще меньше могут смутить звонкое сердце янки миролюбивые заверения и христианские проповеди Болдуина и Чемберлена, повторяющих на всех перекрестках, что провал женевской конференции по морскому разоружению ни капли не омрачит семейного счастья англо-саксонских народов.

Приводя это мнение государственных деятелей Англии, высказывающих скорбь и сожаление по поводу неудачи женевской конференции, журнал «Уорлдс Уорк» пишет [1]:

> «Но сделать из этого вывод, что нынешнее положение не чревато опасностями, значило бы закрывать глаза на уроки истории. Достаточно вспомнить то положение, которое было за полдюжины лет до войны, чтобы увидеть, как дружеские чувства между Германией и Англией превратились в ненависть и войну из-за вопроса о морях. Не далее, как в 1909 г. мы слышали заявление британских министров, что вопроса о войне с Германией не существует, что нет ничего, что могло бы угрожать дружеским отношениям между обеими странами. Эти заявления любопытнейшим образом напоминают недавние об'яснения сера Остина Чемберлена и других руководителей Англии, что война с С. Штатами «немыслима». При унаследованном от прошлого превосходстве на морях и при растущей уверенности Англии, что самое ее существование зависит от сохранения этого превосходства, *ни в коем случае нельзя считать невероятным, чтобы то, что произошло на протяжении 1908—1914 гг. между Англией и Германией, не могло повториться на протяжении 1927—1933 гг. между Англией и Америкой. Многие из тех же самых сил заработали и сейчас*».

Эта грубая и похвальная откровенность прежде всего правильно характеризует закулисные военные маневры правительства Англии. Но она заключает в себе и *нечто большее*. Она заключает в себе формулу, которая, будучи развернута в нужный момент, «покажет», что Англия, с ее притязаниями на морское превосходство, с ее лживыми заявлениями является *единственным виновником войны*, что С. Штаты лишь насильно оказались «втянутыми» в «оборону права на свободное плавание». Пэйш предвидит банкротство Европы. Это делает честь его дальновидности, хотя, по его же признанию, катастрофа уже на носу. Однако, если уже пошло на дальновидность и откровенность, то было бы невредно, если бы он заглянул на один сантиметр дальше носа и попытался ответить на вопрос: *как же американский империализм отнесется к потере своих биллионов в результате этого банкротства*? И не окажется ли, что как раз тот момент, когда эти биллиончики заплачут, американский империализм признает как нельзя более подходящим для постановки общих проблем, в роде вопроса о господстве на морях, о стремительном развитии трестированной европейской промышленности и т. д. и т. п.

Последний годичный конгресс Ассоциации Американских Банкиров был открыт речью старого и заслуженного биржевого волкодава Берка, воспевающей чудотворное влияние «комбинированного» капитала. Всем, чем владеет до сих пор человечество в области материальных и культурных благ, оратор приписывает заслугам трестов и комбинатов. «Предоставим пресмыкающимся критикам и политическим пигмеям ворчать, сколько им угодно, против комбинированного капитала». В действительности же переворот в жизни человечества, произведенный трестированным капиталом, представляет не что иное, как молчаливую революцию (a silent revolution) [1].

[1] «World's Work», декабрь 27 г. стр. 128 и сл.

> «Мы проходим через промышленную социальную революцию, слава которой заключается в том, что она является миролюбивой. Божьих детей не распинают на крестах головой вниз; из комнат пыток не раздаются крики страданий; Бастилия не штурмуется бешеной толпой... Это—революция, рожденная из сотрудничества, света и любви; она срывает плоды благоденствия и цветы прочного мира на своем пути».

«Божьи дети» обоего пола участвовавшие в конгрессе были приведены в восторг золотым пафосом биржевого жреца.

Но есть все основания рассчитывать, что эта «детская игра» будет омрачена—и в ближайшее время. «Плоды благоденствия»? Но сами буржуазные экономисты вопят о надвигающейся катастрофе, о хаосе и распаде. «Прочный мир»? Но бешеная подготовка к разрушительнейшей войне совершается на глазах у всех. «Молчаливая революция»? Но ведь она ревет и кричит.

Комбинированный, трестифицированный капитал грузно ворочается в обстановке обостряющейся борьбы между материками, сдвинутыми с своих экономических осей империалистической войной; в обстановке разжигающихся противоречий стабилизационного процесса в Европе и ожесточенной грызни за рынки; в обстановке, подымающейся волны (и это самое важное), пролетарских революций и колониальных восстаний.

---

[1] «The Commercial and Financial Chronicle», 12/XI—27 г.—Любителям юмора чтение этого отчета конгресса может доставить немало веселых минут. Слова: «бог», «ангелы», «любовь» и т. п. хорошие вещи, недопущенные, однако, до сих пор к котировке на нью-иоркскую биржу, произносились ораторами-банкирами не менее азартно, чем на происходящем сейчас в Лондоне совещании английских епископов, составляющем новый молитвенник для паствы.

П. Миф.

Китайская коммунистическая партия в критические дни [1]).

V с'езд китайской компартии.

Старое руководство (Чен-Ду-сю) и Пын-Шу-чжи) китайской компартии по приезде в Ханькоу сделало попытку отложить с'езд партии. Чувствуя растущую оппозицию местных организаций и растущую оппозицию со стороны влиятельной части цекистов, группировавшихся вокруг тт. Цю-Цюй-бо и Джай-Го-тао, прежние руководители партии предпочли оттянуть бой. Они использовали все свое влияние, чтобы отсрочить с'езд. Им даже удалось провести постановление ЦК о перенесении созыва с'езда на 1928 год. Эта попытка отложить с'езд не удалась, так как в это дело вмешалась делегация Коминтерна и настояла на немедленном открытии с'езда.

Двадцать седьмого апреля с'езд начал свою работу. На с'езде присутствовало около 80 делегатов с решающим голосом и почти столько же гостей; присутствовала делегация Коминтерна, делегация Профинтерна. Работа с'езда продолжалась около двух недель. Подробнейшим образом с'езд разобрал целый ряд вопросов. Только первый день с'езда был посвящен торжественной части. Среди пришедших приветствовать с'езд были и лидеры Гоминдана в лице Сю-чена и Тан-Ен-кая. Сю-чен произнес большую политическую речь, в которой доказывал жизненность, на ряду с компартией—авангардом рабочего класса, Гоминдана, который, по мнению Сю-чена, должен был представлять интересы еще только подымающегося к борьбе крестьянства. В виду того, что такое мнение о разграничении социальной базы (рабочий класс—компартии, а крестьянство—Гоминдану) имело сторонников и среди коммунистов, пятый с'езд позже в политической резолюции принял пункт о том, что он «не одобряет механической теории, при которой коммунистическая партия—партия рабочих, а Гоминдан—партия крестьян. Аграрная революция—свержение феодализма и патриархального строя—руководится наиболее революционным классом в данную эпоху. Пролетариат, будучи наиболее революционным классом в Китае, должен руководить крестьянством в его борьбе против феодального абсолютизма» (последний абзац 11 пункта политической резолюции).

Но если не считать этого первого дня, то остальное время с'езда протекало в чрезвычайно деловой обстановке. Так, доклад

[1]) Продолжение. Начало статьи см. в № 21 с. г.

т. Чен-Ду-сю (политический и организационный отчет ЦК) продолжался почти пять часов; по докладу этому выступало 38 ораторов, а самый разбор этого доклада отнял несколько дней. Вторым в повестке дня был доклад т. Роя о тезисах по китайскому вопросу, принятых 7-м пленумом Исполкома Коминтерна. Остальные вопросы,—о рабочем движении, аграрный вопрос и организационный вопрос—предварительно обсуждались в специально созданных комиссиях, при чем комиссии заседали не меньше, чем 2—3 суток. Это позволило все материалы проработать с большой тщательностью.

Остановимся прежде всего на политическом отчете т. Чен-Ду-сю. Постараемся кратко его изложить с тем, чтобы попутно критически разобрать главнейшие его места. Доклад, охватывавший период в два года и три месяца (со времени IV с'езда партии) делился, строго говоря, на 11 частей.

В первой части т. Чен-Ду-сю рисовал картину нарастания и развития революции. Он устанавливал четыре периода. Первый период—с января 1925 года до восстания Го-Сун-лина включительно. Это был период «беременности революции». Поражение Цао-куня и восстание Фын-Юй-сяна против чжилийской клики надломили реакционные силы. Борьба пролетариата за свои экономические нужды, вылившаяся в общую февральскую забастовку в Шанхае, и движение мелкой буржуазии за созыв народного собрания, особенно усилившееся после приезда Сун Ят-сена в Пекин,—создавали под'ем, нашедший свое высшее выражение в знаменитых шанхайских событиях в конце мая 1925 года. В этих событиях, разыгравшихся в центре господства международного империализма и носивших открыто антиимпериалистический характер, несмотря на участие всех классов, роль авангарда играл пролетариат, впервые продемонстрировавший свои мощные силы. Для этого этапа характерным являлось влияние революционных событий на армию. Фын-Юй-сян восстал против Цао-куня, Го-Сун-лин выступил против Чжан-Цзо-лина, Тан-Шен-чжи присоединился к Кантонскому правительству. «Трудно, однако, сказать, — говорил т. Чен-Ду-сю, — стали ли они, благодаря этому верными революционерами или являются спекулянтами. Но революционная волна стала влиять на армию». Все это свидетельствовало о мощном под'еме революции, нашедшем свое выражение также в оформлении народного правительства в Кантоне.

Второй период, открывшийся поражением Го-Сун-лина и разгромом Фын-Юй-сяна под Нанкоу, был периодом падения революционного движения и под'ема контрреволюции. Этот период продолжался 7—8 месяцев и завершился реакционным переворотом 20 марта в Кантоне.

Третий период начался вместе с Северной экспедицией и продолжался вплоть до занятия Шанхая. Этот период знаменовался новым под'емом революционного движения. Подрывались силы ставленников империализма, мощно развивалось революционное движение пролетариата и крестьянства.

Четвертый период включал в себя события, которые, по словам т. Чен-Ду-сю, «носят специальный характер. События эти не похожи на события прошлого времени, так как буржуазия ушла с революционного фронта». Избегая прямого ответа на вопрос, является ли этот период упадком или под'емом революции, т. Чен-Ду-сю ограничился лишь следующей формулировкой: «Хотя

количественно революционные ряды уменьшились, качество революционных масс поднялось».

Вторую часть своего доклада т. Чен-Ду-сю посвятил анализу тактики партии в изложенные выше различные периоды революции. В первом периоде партия должна была восполнить экономическую борьбу пролетариата участием мелкой буржуазии в освободительном движении и форсировать политическую борьбу против империализма. С этой задачей партия справилась. Второй тактический момент этого периода заключался в созыве народной конференции. «Во время от'езда Сун Ят-сена на север внутри партии были различные мнения по этому поводу. Кантонские товарищи считали поездку Сун Ят-сена на север необходимой, но ЦК был против этого. Кантонские товарищи считали, что с от'ездом Сун Ят-сена на север революционное движение распространится и за пределы Гуандуня. Мнение ЦК сводилось к тому, что с пребыванием Сун Ят-сена в Гуандуне можно укрепить революционные завоевания в Гуандуне и этим ликвидировать контрреволюционные силы. Разница во взглядах заключалась в том, что одни хотели развивать революционное движение, другие же стояли за его укрепление. Сейчас, вспоминая эти споры, мы чувствуем, что тактика ЦК в то время была не совсем правильна... Ошибка в тактике партии в то время заключалась не в отсутствии активности, а в том, что партия не понимала значения от'езда Сун Ят-сена на север, не видела его влияния на развитие революции по всему Китаю»,—признавал т. Чен-Ду-сю в своем докладе. От себя добавим, что эта ошибка являлась результатом того, что ЦК в достаточной мере тогда не осязал и недооценивал нарастание настроений среди мелкой буржуазии и не понимал, какую роль этот внешний момент (приезд Сун Ят-сена) способен сыграть для дальнейшего роста и политического оформления движения мелкой буржуазии.

Остановившись на тактике партии во время событий 30 мая, т. Чен-Ду-сю указал, что хотя партия и не верила в возможность всенародной революции, но ставила перед собой задачу привлечения всех классов к участию в этом движении. И если все же пролетариат остался, в конце концов, один, без помощи, а милитаристы получили возможность подавить пролетариат, то это являлось результатом не ошибочной тактики партии, а об'ективного положения дел. В это же время партия обратила внимание на военный вопрос и решила охватить своей работой передовые, наиболее прогрессивные части армии. «Наши враги говорят, что такой тактикой мы хотим прикрыть свое об'единение с милитаристами, но мы и тогда знали, что этот путь является революционным путем и такая тактика является правильной и необходимой тактикой».

В связи с событиями 30 мая 1925 года остро стал вопрос об отношении к крупной, средней и мелкой буржуазии. Обратная сторона этого вопроса касалась взаимоотношения с Гоминданом. Буржуазия не только показала себя ненадежной силой в революционном лагере, но она внутри Гоминдана оформила свою теорию в учении Тай-Ци-тао. На 2-м пленуме ЦК в Пекине, в сентябре 1925 года, была принята резолюция, в которой указывалось, что коммунистическая партия должна решительно бороться против теории Тай-Ци-тао, должна об'единиться с левыми гоминдановцами для борьбы с правыми, а с другой стороны, должна готовиться к отходу Гоминдана от партии. «Такая постановка вопроса только запутывала нас... Я сам сделал эту ошибку, позиция представителя Коминтерна была неясна,—докладывал т. Чен-Ду-сю.—Когда мы смотрим на эту резолюцию теперь, то мы видим, что в ней есть правильные и неправильные моменты. Развитие левого крыла Гоминдана и укрепление его для борьбы с правыми—это правильно. Подготовка к выходу из Гоминдана—эта тактика неправильна. Нет никаких решительно сомнений в том, что оснований для ухода из Гоминдана у нас не было, что мы должны были оставаться там и вести работу». Признание этой ошибки правильно. В самом деле, формулировка пленума о подготовке к выходу из Гоминдана означала свертывание активности внутри Гоминдана, отказ от борьбы против только оформлявшихся правых элементов, отдачу гоминдановских масс в руки этих правых, вместо решительной борьбы за овладение ими компартией.

Опять-таки, в связи с событиями 30 мая, партия более актуально поставила вопрос о работе среди крестьянства, которая не замедлила принести исключительно важные результаты. С другой стороны, развертывание классовой борьбы пролетариата под руководством коммунистической партии особенно ощутительно проводилось во время Гонконгской стачки.

Переходя ко второму периоду революции, к периоду ее временного упадка, т. Чен-Ду-сю сообщает, что «в это время пекинские товарищи хотели устроить «столичную революцию». Стремление героическое, но ошибочное». ЦК не соглашался с этой тактикой, так как считал, что она не отвечает сложившимся условиям.

Но гвоздем, самым главным вопросом, во время этого второго периода был, конечно, вопрос о тактике коммунистов в связи с событиями 20 марта в Кантоне, когда Чан Кай-ши сверг руководство левых во главе с Ван-Цзин-веем, снял коммунистов с ответственных работ и открыл шлюзы реакции как в центре, так и на местах. «События 20 марта прошлого года происходили на идеологической основе тайцитаоизма. Чан Кай-ши — вооруженный Тай-Ци-тао,—докладывал т. Чен-Ду-сю.—Причины событий 20 марта хотя и многочисленны, но самой важной причиной было противоречие между классами. Основная цель тайцитаоизма заключается в подавлении пролетариата и даже в подавлении союза пролетариата с левыми гоминдановцами. В этот период тактика партии не была единой. По мнению работников нашей партии в Гуандуне, как китайских работников, так и Бородина, нужно было применять тактику наступления. Они так говорили: «Наступление правых гоминдановцев сможет укрепить союз с левыми; мы не только не должны терпеть переворот 20 марта, но должны сами произвести свое 20 марта».

«По мнению партии,—продолжает т. Чен-Ду-сю, — однако, тогда идеология тайцитаоизма имела не только вооруженные силы Чан Кай-ши, но на ее стороне была вся китайская буржуазия. Наши силы были недостаточны для подавления Чан Кай-ши. Поэтому ЦК партии настаивал на принятии тактики отступления, уступок. Это значит, что мы допускали оставление силы буржуазии внутри единого фронта. По моему мнению, силы и компартии, и левого крыла Гоминдана действительно не могли подавить Чан Кай-ши. И далее, Чан Кай-ши еще не открыто выявил свое контрреволюционное лицо. Общественное мнение было бы не согласно на его подавление. Поэтому, я думаю, что тактика ЦК

была правильной». Мы сознательно привели длинную выдержку из речи т. Чен-Ду-сю. Комментарии, очевидно, излишни. Оппортунизм руководства китайской компартии находит лучшее подтверждение на этом примере. Неправильное понимание задач единого революционного фронта, отказ от самостоятельной борьбы пролетариата в угоду неправильно понимаемому единому фронту мог лишь привести к политической капитуляции компартии перед китайской буржуазией. Понятно, что эта тактика ЦК, как и отказ в признании ее ошибочности, встретила на с'езде резкую отповедь.

Центральным тактическим вопросом для третьего периода революции был вопрос об отношении компартии к северной экспедиции. В этом вопросе в партии тоже не было достаточной ясности. Правда, ЦК выразил в следующих трех пунктах тактику партии по отношению к северной экспедиции: 1) поддержка северной экспедиции; 2) северная экспедиция должна носить оборонительный характер; 3) тактика партии должна быть направлена против всех, кто старается использовать северную экспедицию для эксплоатации народа. «На самом же деле,—как говорил т. Чен-Ду-сю,—хотя принципиально мы высказались за северную экспедицию, но на практике мы никогда активно и решительно не поддерживали северной экспедиции. Мы рассматривали ее, как оборонительную, т.-е. только как для защиты Гуандуня. Мы пассивно относились к северной экспедиции и поэтому имели мало результатов». Эта пассивная, оборонительная, явно оппортунистическая тактика (к этому вопросу мы еще вернемся, когда будем говорить о прениях, развернувшихся по докладу т. Чен-Ду-сю) вытекала, как и большинство других ошибок, из переоценки сил и революционности китайской буржуазии. «Хотя буржуазия и контрреволюционна, но нам нужно было привлечь ее к участию в национальном движении не только мелкую, но и крупную»,—говорил т. Чен-Ду-сю. И эта задача считалась первоочередной, ей подчинялись все остальные. Участие буржуазии покупалось любой ценой. Вопрос об отношении к мелкой буржуазии был выделен в специальной, третьей по счету, части доклада т. Чен-Ду-сю. Докладчик подчеркивал большую роль в отличие от России, мелкой городской буржуазии в китайской революции. К этому он добавил, что компартия недостаточно работала среди мелкой буржуазии и не установила достаточно тесной связи с нею. Мелкая буржуазия слабо была привлечена в Гоминдан, и в результате ее участие в революции тоже оказалось слабым. Этот недостаток должен быть партией учтен и исправлен.

Этими тремя частями доклада, собственно говоря, исчерпывался анализ т. Чен-Ду-сю этапов китайской революции и прежней тактики партии. Следующие части доклада (с 4 по 10) посвящались разбору вопросов перспективного характера, посвящались намечению тактики на будущее время.

Поэтому мы считали бы полезным на этом прервать изложение доклада т. Чен-Ду-сю с тем, чтобы кратко остановиться на прениях, развернувшихся по этой части доклада, и на тех решениях, которые были приняты V с'ездом, дававшим оценку прежней линии Центрального Комитета. Если отвлечься от критики руководства ЦК, основанной на фактах местной провинциальной практики, то лейт-мотивом всех выступлений было констатирование полного несоответствия политической линии Центрального Комитета с решениями и указаниями Коммунистического Интернационала. Все выступающие указывали, что ЦК занимал совершенно неправильную позицию по вопросу о характере революции, по вопросу об отношении к китайской национальной буржуазии. Неправильная позиция в этих вопросах находила свое выражение в попытках смягчить классовую борьбу в городе и деревне, в попытках ослабить, либо совершенно отказаться от классово-самостоятельных выступлений китайского пролетариата. Особенно решительно указывалось на ошибки партии во время событий 20 марта, когда Центральный Комитет не только вместо борьбы против Чан Кай-ши пошел на полные уступки, но начал переговоры с крайне правыми, даже Чан Кай-ши высланными из Кантона гоминдановцами, желая заключить с ними блок для дальнейшей совместной работы в рамках единого национального фронта.

Вот почему V с'езд вынес решение о том, что «политика нашей партии в этот период была неправильной... после 20 марта будущая роль буржуазии стала ясна. Тем не менее, наша партия не учла, что буржуазия вновь захватила руководство национальной революцией лишь для того, чтобы ликвидировать ее. Благодаря этой ошибке,—недостаточно четкому представлению роли крупной буржуазии в более позднюю фазу революции,—наша партия, вступив в общий с ней фронт, не настояла на достаточном обеспечении интересов трудящихся масс».

Резолюция подчеркивала и другую, не менее существенную, ошибку партии: «В борьбе за руководство пролетариат должен быть в союзе с крестьянством. Пролетариат должен выдвинуть требование радикальной земельной реформы для того, чтобы скрепить свою смычку с крестьянством в борьбе против феодально-буржуазной реакции. Наша партия не сумела осуществить свое руководство пролетариатом в этом направлении».

С'езд не мог обойти молчанием политику коммунистической партии по отношению к северной экспедиции. С присущей большевистской партии прямотой с'езд отметил, что «суб'ективным стимулом северной экспедиции было желание буржуазии увеличить свои силы, об'ективно же северная экспедиция явилась средством развить революцию. Поэтому политика поддержки северной экспедиции была правильна. Но здесь снова наша партия не уделила достаточного внимания необходимости углублять социальную основу революции одновременно с ее территориальным развитием».

Как видим, все ошибки прежнего руководства китайской коммунистической партии коренились в переоценке сил и революционности китайской национальной буржуазии и в неправильном представлении задач единого национального фронта. Понятно, что эта переоценка крупной буржуазии влекла за собой недооценку городской мелкой буржуазии. В качестве иллюстрации подобной ошибки V с'езд отметил, что «поражение шанхайских восстаний, главным образом, связано с тем обстоятельством, что пролетариат не заручился поддержкой мелкобуржуазных масс».

Прения, как и принятые решения V с'езда, подводили итоги всей прежней работе коммунистической партии. Бесспорно, что V с'езд на основе резолюции VII расширенного пленума исполкома Коминтерна поставил партию на путь ее большевизации. И отношение участников с'езда к прежней деятельности Централь-

ного Комитета давало уверенность, что партия справится с задачей выпрямления своей политической линии, задачей быстрого изживания оппортунистических вывихов руководства.

Переходим теперь к перспективным вопросам китайской революции и тактики партии, как они были освещены в докладе т. Чен-Ду-сю.

Первым вопросом т. Чен-Ду-сю выделил земельный вопрос. Он отметил, что раньше тактика партии в этом вопросе сводилась к организации крестьян и к движению за уменьшение арендной платы. Теперь же, когда аграрная революция стала реальным фактом, во всей остроте выплыл земельный вопрос, возникло движение за уравнение землепользования. «Раньше наша партия сдерживала крестьянское движение, теперь же нужно конфисковывать землю крупного и среднего помещика. Заминка лишь в отношении мелкого помещика. В национальной революции мелкая буржуазия нам нужна. Мелкие помещики принадлежат к мелкой буржуазии, поэтому нам нужно в отношении их итти на некоторые уступки»,—говорил т. Чен-Ду-сю.

Но и это заявление т. Чен-Ду-сю, признававшее необходимость конфискации земли (правда, с оговоркой по отношению к мелким помещикам), оказалось лишь принципиальным признанием, а не практическим указанием для непосредственной деятельности. Это видно из следующих слов докладчика: «Хотя я чувствую, что в прошлом наша тактика в этом вопросе слишком шла вправо, все же конфискация всех помещичьих земель в настоящее время будет слишком революционной мерой. Нам нужно держаться средней линии на некоторый период, быть может, очень короткий, но в ближайшие 1—2 месяца нам нужно сохранить союз с мелкой буржуазией. Классовая борьба в деревне развивается, но она еще не дошла до крайнего предела, и мелких помещиков нельзя экспроприировать. Ведем ли мы сейчас наступление на крупного и среднего помещика или ведем развитие крестьянского движения вширь, расширение военного влияния? Вопрос заключается сейчас в том,—сейчас ли нам углубить крестьянскую революцию, или ждать дальнейшего продвижения северной экспедиции, ждать расширения крестьянского движения, а потом уже углубить крестьянскую революцию. Последнее будет значительно прочнее, потому что старые милитаристы еще существуют, а также так называемые новые, как, например, Чан-Кай-ши. Углубление фундамента лишь после расширения и укрепления».

Мы привели длинную цитату из речи т. Чен-Ду-сю для того, чтобы нагляднее была видна явная оппортунистичность этой оригинальной теории. Эта точка зрения получила название теории об экстенсивном развитии революции. Нужно сказать, что вообще в китайской компартии шел усиленный спор, как дальше должна развиваться революция—экстенсивно или интенсивно, т. е. вширь или вглубь. Многие товарищи вели этот спор чрезвычайно схоластично. Одни говорили, что революция должна развиваться экстенсивно, должна захватывать все большую и большую территорию, что партия не должна добиваться радикального разрешения ни аграрного вопроса, ни рабочей проблемы, прежде чем национальные войска не займут Пекина, прежде чем не удастся об'единить весь Китай. Мотивировалось это тем, что иная тактика партии вызовет кризис в силах, ведущих революцию в Китае,

создаст раскол, благодаря которому не удастся довести до конца революцию.

Другие товарищи считали, что незачем продолжать северный поход, незачем революцию развивать вширь, что этим мы льем воду только на мельницу буржуазии и вновь испеченных милитаристов. По мнению этих товарищей, развитие революции должно было итти лишь по линии углубления. Нужно разрешать рабочую проблему, аграрный вопрос, и только проведя соответствующие преобразования, уже на новой базе, можно будет ставить вопрос о дальнейшем расширении территории, охваченной революционным правительством.

С'езд отмел и ту и другую теорию, фактически приняв и ту и другую. С'езд счел ошибочным путь только экстенсивный или только интенсивный для революции. «Территориальное развитие революции должно итти очень быстро, оно должно сопровождаться углублением на этой территории социальной базы»,—говорится в принятой резолюции.—С'езд считал необходимым одновременное разрешение обоих задач, подчеркивая, правда, первоочередность задачи углубления революции. «Потеря Гуандуна иллюстрирует опасность расширения без углубления базы. Основная задача революции в данном периоде—уничтожить базу реакции для укрепления революции. Для этого следует проводить программу радикальных аграрных преобразований и создания революционно-демократической власти в деревне». На с'езде подчеркивалось, что только дальнейшее развитие аграрной революции, крестьянского движения, только дальнейшая организация и завоевания рабочего класса будут служить единственной гарантией успешности революции. Только это создаст прочную основу для победы пролетарской тенденции. Только это углубление создаст противоядие против измен различных генералов, перебежчиков, попыток повести китайскую революцию по буржуазному пути. «Будет равносильно ликвидации революции...,—писалось в принятой резолюции,—если проведение радикальной аграрной реформы и создание революционно-демократической власти в деревне будут отложены до полного завершения северной экспедиции».

Но с другой стороны отмечалась необходимость и дальнейшего территориального расширения, необходимость продолжения северного похода. Участники с'езда высказывали целый ряд соображений по этому вопросу—раньше всего экономического порядка. Ухан являлся очень важным торговым центром, где скрещивались многочисленные дороги, многочисленные торговые пути. Но Ухан был окружен с Запада армией Ян-сена, с юга Ли-Ти-сином, от Нанкина и Шанхая Ухан был отрезан Чан Кай-ши, наконец, северные торговые нервы были прерваны наступавшими частями мукденцев. Нужно было найти и прорубить себе выход, иначе становился неизбежным экономический кризис. Во-вторых, продолжение военных операций считалось необходимым и по обстоятельствам международного порядка. Япония открыто намекала, что она может пойти на переговоры с уханским правительством, если Ухан покажет свою силу и займет Хэнанскую провинцию. Затем, не малую роль при решении этого вопроса играл и тот момент, что признавалось целесообразным соединение Ухана с войсками Фын-Юй-сяна. Нужно

сказать, что Фын-Юй-сян, как только была установлена радиосвязь с ним, заверял, что он стоит за уханское правительство, что он клянет Чан-Кай-ши, как изменника. Поэтому с военной точки зрения считалось правильным итти на соединение с Фын-Юй-сяном, выровнять этим фронт, ликвидировать опасность, угрожавшую со стороны наступавших мукденских частей, с тем, чтобы потом по Лунхайской железной дороге обрушиться против Чан-Кай-ши. Наконец, принималось во внимание и то общеполитическое соображение, что Ухан не мог прекратить северного похода, носящего антиимпериалистический характер в то время, когда Чан-Кай-ши продолжал борьбу против северных милитаристов. Все это заставляло пятый с'езд партии высказаться за дальнейшее развитие революции и вширь и вглубь и отмежеваться от явно оппортунистической теории экстенсивного развития, защищаемой на с'езде т. Чен-Ду-сю.

Другая не менее оригинальная точка зрения была высказана т. Чен-Ду-сю в его теории Северо-Запада. Правда, он вначале авторство этой теории приписал не себе, а другому лицу, правда, он вначале делал различные оговорки, но самый характер изложения им этой теории, как и мотивировки, которые приводились им в защиту этой теории, свидетельствуют, что т. Чен-Ду-сю был явным сторонником точки зрения «Северо-Запада». В чем же смысл этой теории? Теория эта заключалась в том, что революция не может развиваться ни в Кантоне, ни в Шанхае, ни в Тянь-дзине, ни в Ханькоу, ни вообще в тех районах, где промышленность наиболее развита, так как,—по мнению Чен-Ду-сю,—там сильнее всего позиции империализма и китайской буржуазии. В этих пунктах у революции нет сил для победоносной борьбы против своих врагов. Революция должна отступить в северо-западные провинции, где слабее влияние империализма и где революции легче накапливать свои силы, чтобы потом обрушиться против твердынь империализма. Теория эта получила решительный отпор со стороны участников с'езда. Резолюция, принятая с'ездом, отвергала эту теорию: «Развитие революционных сил сделало еще более серьезной опасность вмешательства империализма. У мелкой буржуазии возникло опасение поражения, и она думает о том, чтобы отодвинуть базу революции подальше от цитаделей империализма. V с'езд предупреждает всю партию, что она должна бороться против этой пораженческой тенденции, ни на чем не основанной». Действительно, эта теория по существу выражала пораженчество, которое овладело правым крылом китайской компартии, пораженчество, которое было основано на переоценке сил китайской буржуазии. Полагалось, что раз буржуазия отошла от революции, значит, китайская революция понесла такой урон, что сама, без помощи буржуазии, не может найти в себе сил для борьбы против империализма.

Кроме того, эта теория ставила вопрос о пересмотре социальной базы революции. Понятно, что если территориально отодвигалась база революции в провинции, куда не проник иностранный капитал, где нет сильно развитой промышленности, то там не могло быть и рабочего класса и не было широко развитого крестьянского движения. Революция должна была бы искать опору в других социальных силах. Поэтому V с'езд в политической революции подчеркнул, что «коммунистическая партия не

может представлять себе более естественно надежной базы революции, чем шанхайский пролетариат, рабочий класс Кантона и революционное крестьянство провинций Гуандуна, Цзянси, Хунань и Хубей...».

Не спасала эту теорию Северо-Запада попытка провести аналогию с движением тайпинов, происходившим в середине прошлого столетия. Это было мощное крестьянское движение, в поражении которого не малую роль сыграло вмешательство иностранцев. Тов. Чен-Ду-сю говорил, что и тайпины, подойдя к Шанхаю, вынуждены были откатиться назад, так как под Шанхаем напоролись на штыки иностранного капитала, опрокинуть которые у тайпинов не хватило сил. И сейчас,—говорил т. Чен-Ду-сю,—у нас нет сил, чтобы свергнуть в Шанхае Чан-Кай-ши. «Любые войска национального правительства по прибытии в Шанхай подвергнутся влиянию империализма и склонятся вправо. Лишь после расширения революционных сил во всей стране, напоследок в Шанхае удастся на деле осуществить рабоче-крестьянскую власть». В другом месте т. Чен-Ду-сю говорил, что по указаниям Коминтерна «целью нашей революции является осуществление демократической диктатуры рабочих и крестьян. Но это легче осуществить за пределами Юго-Востока, чем на Юге-Востоке, где пока-что можно разворачивать лишь массовые организации и экономическую борьбу». Так суживались задачи передового шанхайского пролетариата.

Этой теории т. Чен-Ду-сю придал чрезвычайно большое значение. Он по-своему решал вопрос о маршруте китайской революции. В частности, как последователь этой теории, он и шанхайское победоносное восстание признавал ошибочным, а ошибку эту называл «методической ошибкой революции». «В своей критике хубейские товарищи считали нас недостаточно смелыми, в действительности же в революционной тактике надо быть весьма осторожным». В развитие этого «методического» взгляда т. Чен-Ду-сю считал, что «мы не учли сил противника и немедленно захотели осуществить в Шанхае демократическую диктатуру». Вот, оказывается, в чем все зло. Шанхайский пролетариат не знал методики революции. Вместо только узко-экономической борьбы, он вдруг занялся политической борьбой и восстаниями и даже посмел провести победоносное восстание. Понятно, что эта теория, не оставлявшая места для пролетариата, как гегемона революции, встретила единодушный и решительный отпор со стороны V с'езда. С'езд отмел эту теорию, выражавшую лишь опасение империалистической интервенции и пропитанную духом пораженчества и неверия в дальнейший успех революции после измены буржуазии. «Не залезши в пещеру к тигру, тигрят не достанешь»,—говорили делегаты.

Не спасали эту теорию внешне как-будто увесистые соображения, что передвижка территориальной базы китайской революции в северо-западные провинции приблизит ее к СССР—оплоту мировой революции. На самом деле этого не было бы. Связь СССР с северо-западными провинциями через Монголию и пустыню Гоби еще более затруднительна, чем с Южным или Юго-восточным Китаем.

Мы подробно остановились на разборе двух теорий, защищаемых т. Чун-Ду-сю на V с'езде, по многим соображениям.

Во-первых, чтобы читатель конкретней представлял себе идейный уровень киткомпартии; во-вторых, чтобы он мог проследить последовательность оппортунистической линии бывшего руководства киткомпартии, проследить, какие идеи рождались в головах этих руководителей при намечении перспектив китайской революции; и, наконец, для того, чтобы читатель мог видеть, что партия в целом была свободна от этих оппортунистических вывихов, что она сумела дать должный отпор вредным и небольшевистским взглядам. Изложение последующих частей доклада т. Чен-Ду-сю займет у нас значительно меньше места. Коснувшись еще целой серии перспективных вопросов, он фактически не дал на них никакого ответа, в лучшем случае ограничившись их постановкой.

Так, говоря о гегемонии пролетариата, он свел все к выводу, что «нельзя говорить будто бы в Китае нет совсем гегемонии пролетариата». И только. А перед партией тогда вопрос стоял значительно сложнее. Коммунистическая партия добилась осуществления гегемонии в низшей, первоначальной форме, в форме руководства массовым движением. Гегемонию пролетариата нужно было переводить на новую, высшую ступень,—к овладению властью и руководством над революционной армией. Вместо того, чтобы указать пути достижения этой формы гегемонии пролетариата в революции, отделываться общими словами о гегемонии было, конечно, недостаточно.

Затронув вопрос о хозяйственной политике, т. Чун-Ду-сю ограничился лишь указанием на то, что «если мы правильно не решим вопросов экономической политики, мы можем потерять все революционные центры». Но никакой программы деятельности коммунистов в хозяйственной области он не представил. А тогда в Ухане грозно разрастался финансовый кризис. Нужно было искать выхода, чтобы за счет буржуазии, а не трудящихся масс, его ослабить. Ухан вступил в полосу продовольственных затруднений, торгового застоя и консервации предприятий из-за бегства буржуазии и изоляции Ухана от торговых путей. Все это усложняло обстановку и выдвигало хозяйственные вопросы, как чрезвычайно актуальные. Наконец, нужно было наметить какую-либо позитивную экономическую программу по отношению к мелкой городской буржуазии (организация кредита, кооперирование, облегчение налогов, организация поставок), чтобы удержать ее в революционном лагере. Доклад т. Чен-Ду-сю ответов на эти вопросы не давал. Он обошел их молчанием.

Еще более странно он отнесся к вопросу о создании революционно-демократической власти. Правильно отметив, что «сейчас мы очень далеки от революционно-демократической власти», что наличие коммунистов в правительстве «не позволяет еще нам назвать это правительство демократической диктатурой рабочих, крестьян и мелкой буржуазии, так как мы не имеем у власти масс рабочих и крестьян, а имеем нескольких вождей от рабочих», правильно отметив это,—он все же скатывается к совершенно ложному выводу: «Если бы уменьшилось вмешательство империалистов и окружение милитаристов, то нам нужно было бы бороться за революционно-демократическую власть в провинциях: Хунань, Хубей и Цзянси». Правильно было бы обратное. Именно, благодаря вмешательству империалистов, окружению милитаристов, именно, благодаря нависшей опасности для революции мы должны были ускорить и умножить борьбу за демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. Должны были спешить с поголовной организацией трудящихся масс в органы революционной власти, а не оговариваться, подобно т. Чен-Ду-сю, что «если бы положение народного правительства было лучше, мы должны были бы провести усиленную работу по созданию революционно-демократической власти».

Вопрос о Гоминдане также не получил ответа в докладе т. Чен-Ду-сю. Повторив несколько раз формулировки о том, что «на деле Гоминдан—партия внеклассовая, там есть и рабочие, и крестьяне, и мелкая буржуазия, и помещики, и милитаристы», что «Гоминдан—это революционный союз всех классов», что «Гоминдан есть революционный союз пролетариата, крестьянства и мелкой буржуазии, хотя там и есть незначительная часть буржуазии»,—повторив эти способные лишь запутать формулировки, т. Чен-Ду-сю и не попытался даже поставить вопрос о необходимости руководящей роли пролетариата в этом блоке. Фактически его формулировки усыпляли активность, призывали к пассивности, не отражали действительного положения дел, не звали партию на завоевание Гоминдана, особенно на его демократизацию, на выщелкивание правых элементов со всех руководящих постов. А прежняя практика говорила о том (на что обратил внимание т. Дорио, выступавший в прениях), что руководство компартии частенько плелось в хвосте Гоминдана, что верхушка Гоминдана находилась под давлением реакционной военщины, что никакого давления на верхушку Гоминдана со стороны партии и низовых организаций Гоминдана не оказывалось. Позже это значительно облегчило поворот вправо лидеров Гоминдана. Слова же т. Чен-Ду-сю, посвященные вопросу о Гоминдане, способны были лишь отвлечь внимание партии от необходимости упорной борьбы за завладение Гоминданом, за демократизацию его, за изменение руководящих аппаратов Гоминдана с тем, чтобы они полностью и целиком отражали революционное настроение гоминдановских низов.

Перейдя к военным вопросам, т. Чен-Ду-сю правильно подчеркнул недостатки и ненадежность революционной армии, солдатский состав которой черпался из люмпен-пролетарских элементов, а командный—почти сплошь состоял из помещиков и джетри. «Если мы хотим революционизировать армию, мы должны уменьшить количество люмпен-пролетариата в армии и количество помещичьих элементов среди комсостава», говорил т. Чен-Ду-сю. Как видно, во всей сложности он военную проблему не поставил. Он не выдвинул вопроса о вооружении рабочих и крестьян, об организации мощных рабоче-крестьянских отрядов, о мобилизации коммунистов и комсомольцев, о создании прочной военной опоры для всей революционной деятельности партии.

Этим вопросом заканчивался политический отчет т. Чен-Ду-сю. Мы видели слабые места этого доклада. Особенно бросалась в глаза беспомощность докладчика при намечении дальнейших перспектив революционного движения и тактики партии. Он не внес достаточной ясности в вопросы дальнейшей работы, дальнейшей политической линии. А по многим вопросам он попытался подкормить с'езд оппортунистической похлебкой. Но спра-

ведливость требует сказать, что не все вопросы и для с'езда в целом были ясны. Если V с'езд сыграл исключительно важную роль, то это относится, главным образом, к подытоживанию предыдущего опыта, к выявлению с большевистскою прямолинейностью ошибок прежней политической линии. С'езд нашел в себе силы, чтобы достойным образом заклеймить оппортунистические вылазки т. Чен-Ду-сю, заставив его спасовать и голосовать за единодушно принятую резолюцию, выработанную политической комиссией. Но с'езд не обладал еще ни достаточным политическим опытом, ни идейной вышколкой, чтобы наметить перспективы движения и ответить со всей конкретностью на те новые вопросы, которые стучались в двери партии.

Последняя часть доклада т. Чен-Ду-сю касалась организационной деятельности партии и внутрипартийного положения. Тов. Чен-Ду-сю сообщил о росте партии и партийного влияния, идущем параллельно развитию революционного движения. Партия с 994 членов со времени IV с'езда выросла до 57.967 чел. По социальному составу насчитывалось: рабочих 53,8%; крестьян—18,7%; интеллигентов—19,1%; военных—3,1%; средних и мелких торговцев—0,5% и остальных 4,2% к общему количеству. Женщин в партии—10%. Если во время IV с'езда только незначительная часть шанхайских рабочих, горняков в Таньшане и железнодорожников находилась под руководством компартии, то к V с'езду компартия распространяла свое влияние на 2.800.000 рабочих, организованных в профсоюзы. Во время IV с'езда только 200.000 гуандунских крестьян были охвачены влиянием партии, а к V с'езду количество членов крестьянских союзов, работающих под руководством партии, возросло до 9.720.000 человек. Численность комсомола с 2.365 увеличилась до 35.000 за эти 2 года. Наконец, тираж партийного еженедельника (органа ЦК ККП) с 7.000 экземпляров вырос до 50.000 к моменту созыва V се'зда.

Все эти факты говорили о бесспорных завоеваниях коммунистической партии, несмотря на отдельные, иногда чрезвычайно важные ошибки партийного руководства. Вот почему V с'езд в первом же пункте своей резолюции констатировал, что «политическое влияние партии возрастает быстрее, чем ее численность. Наша партия является неоспоримым лидером рабочих и крестьян всей страны; она руководила пролетариатом в течение двух лет непрекращающейся борьбы, включая вооруженные восстания против империализма и милитаризма; под ее руководством в течение короткого периода, 4-х лет, было организовано более 2.800.000 рабочих и более 9.000.000 крестьян. Наша партия стала партией масс».

Но партия имела целый ряд организационных дефектов. Остановимся на двух, о которых упомянул в своем докладе т. Чен-Ду-сю. Первый характеризовал состояние центрального аппарата партии, второй—низовое звено—ячейку. Тов. Чен-Ду-сю докладывал, что в самом аппарате ЦК работали два члена, изредка три, а в большинстве случаев один лишь цекист. Это накладывало отпечаток на всю работу ЦК. По признанию т. Чен-Ду-сю «оргкомиссия не существовала», «женкомиссия лишь увеличила количество инструкций», а «профессиональная и крестьянская комиссии даже инструкций не давали». Заметна была лишь работа агитпропкомиссии и то, главным образом, по линии издательской деятельности. Аппаратом Центрального Комитета китайская партия похвалиться не могла. «Местные организации лучше, чем ЦК. Если положение не изменится, то у нас будут просто провинциальные партии», говорил т. Чен-Ду-сю.

Второй момент, на который мы хотели бы обратить внимание, характеризовал также с плохой стороны состояние низовых партийных организаций. «На фабриках и в школах ячейки не являются центром работы. Ячейка созывает собрания лишь для заслушивания докладов. Таким образом, ячейка является лишь такой организацией, которая передает мнения и инструкции руководящей инстанции, а не органом работы». Действительно, ячейки не всюду существовали, а там, где они существовали, они работы еще никакой не развернули, если не считать спорадических собраний, заслушивающих в информационном порядке какие-либо инструкции или доклады. Партия со всем вниманием должна была отнестись к этим организационным болячкам, как можно скорее их излечить с тем, чтобы повысить свою боеспособность.

* * *

Перейдем ко второму вопросу порядка дня V с'езда. Речь идет о докладе т. Роя о тезисах VII пленума ИККИ по китайскому вопросу. Мы будем поневоле кратки. Прения по политическому отчету ЦК фактически предрешили вопрос о тезисах ИККИ. После непродолжительной дискуссии с'езд единогласно принял эти тезисы без всяких изменений. По поводу этого вопроса нам хотелось бы ограничиться только двумя замечаниями. Во-первых, об исключительной роли, которую тезисы сыграли в жизни китайской партии. Последняя, получив этот исторической важности документ, как бы выросла на целую голову. Мы знаем, что троцкистская оппозиция со свойственным ей злопыхательством обрушивается сейчас на руководство Коминтерна. Оппозиция и не представляет себе, какой огромнейший перелом создали в партии эти тезисы. Оппозиция забывает, что в первый раз китайская партия получила действительно ленинский прогноз происходящих событий, получила тщательно продуманную перспективу движения, получила указания по целому ряду кардинальных вопросов. Оппозиция забывает, что китайская компартия получила это от пленума ИККИ, заседавшего в первый раз не под председательством Зиновьева и без его участия, от пленума, в первый раз поставившего во всей широте китайский вопрос. И что бы ни клеветала оппозиция, на пути большевизации китайской компартии эти тезисы займут почетное место. Вокруг этих тезисов собирались лучшие элементы китайской компартии. Эти тезисы помогли партии стать на путь быстрого изжития меньшевистских вывихов, которые при прежнем руководстве ИККИ проходили совершенно незамеченными. Эти тезисы в первый раз в конденсированном виде передавали молодой, растущей в борьбе китайской партии опыт международного большевизма.

Второе замечание касается чрезвычайно «оригинального» выступления Ван-Цзин-вея в прениях по докладу т. Роя. Ван-Цзин-вей, присутствовавший в качестве гостя, внимательно прослушавший доклад, первым выступил в прениях. Он торжественно заявил, что Гоминдан полностью и целиком принимает пер-

спективу Коминтерна о некапиталистическом пути развития революции, что никто не посмеет упрекнуть Гоминдан, что эта партия борется за интересы буржуазии, что эта партия идет не по революционному пути. Но вот у него лично есть сомнение, с которым он обращается за раз'яснением к делегатам с'езда, как они смотрят на китайскую мелкую буржуазию, пойдет ли она за некапиталистический путь развития. Выступление Ван-Цзин-вея мы привели не только для того, чтобы продемонстрировать двуличность и политическое шарлатанство лидера обанкротившегося Гоминдана. И не только потому, что вопрос о мелкой буржуазии был одним из наиболее серьезных. Действительно, это был один из вопросов, определивший несколько позже эволюцию Гоминдана вправо, один из вопросов, на котором сломало себе голову уже после с'езда тогдашнее руководство компартии. Нет, мы привели это выступление еще и для того, чтобы показать, что руководители компартии сами тогда не имели правильного ответа на поставленный Ван-Цзин-веем вопрос, не имели определенной программы по отношению к мелкой буржуазии. Выступивший с ответным словом т. Чен-Ду-сю ограничился повторением общих фраз о необходимости союза мелкой буржуазии с пролетариатом и не указал, что, только поддерживая пролетариат, китайские кустари и ремесленники освободятся от гибельной и разорительной конкуренции иностранного капитала, что, только поддерживая борьбу пролетариата, они смогут стать на путь кооперирования, на некапиталистический путь, спасающий их от неизбежного «вымывания», что, только поддерживая пролетариат, они смогут избавиться от непосильных налогов и ростовщичества.

* * *

Третьим вопросом, стоявшим в порядке дня с'езда, был аграрный вопрос. На нем мы остановимся несколько подробней. Собственно говоря, вопрос этот тщательно прорабатывался в специальной комиссии. На самом с'езде была поставлена на обсуждение резолюция, явившаяся результатом работы комиссии. Резолюция эта в своей вводной части, в противовес нашим троцкистским оппозиционерам, отмечала, что «экономическая жизнь китайской деревни все еще в значительной степени основана на феодальных взаимоотношениях. Большая часть всей земли, приблизительно 66%, принадлежит помещикам, сдающим ее в аренду... общинные, родовые и храмовые земли, составляют значительную часть всей обрабатываемой площади в стране. Право владения этими землями давно уже было захвачено деревенскими старейшинами, а обрабатывающие землю крестьяне экспроприированы. Таким образом, феодально-патриархальные отношения являются характерной чертой экономической и политико-административной структуры современной китайской деревни». Далее эта резолюция установила, что «вся страна разбита на ряд изолированных местных рынков, монополизированных землевладельцами, которые держат в своих руках все излишки сельскохозяйственной продукции (благодаря натуральному характеру кабальной аренды)... В условиях этой сложной системы примитивной эксплоатации пышным цветом распускается ростовщичество». «Непосильная арендная плата и другие феодальные сборы, а также, тяжелые поборы, вымогаемые у крестьянства военно-бюрократическим государственным аппаратом, все время держат крестьянство на грани голода и толкают его в безжалостные лапы ростовщиков».

Четвертый и пятый пункты принятой резолюции имеют настолько важное значение в смысле всей постановки аграрной проблемы в Китае, что нам хотелось бы привести их полностью. Вот эти пункты:

«4. Национальный милитаризм, тянущий жизненные соки из нации, и иностранный империализм, препятствующий экономическому и политическому развитию страны—оба опираются на феодальную структуру деревни. Поэтому основным условием для успешной борьбы против обоих этих врагов китайского народа является избавление деревни от пережитков феодальных отношений и патриархальной власти. Коренное изменение системы землевладения представляет собой основной принцип национальной революции, без которого не может далее продолжаться борьба за истинно демократическую свободу. Для того, чтобы разрушить надстройку милитаризма, необходимо подорвать ее основание.

5. Крестьянство в Китае составляет громадное большинство нации. Без непосредственного и сознательного участия крестьянских масс немыслим успех национальной революции. Энергия крестьянских масс будет мобилизована для национальной революции уничтожением факторов аграрной эксплоатации. Аграрная революция—уничтожение феодализма—является непременным условием для установления демократического строя. В нормальном процессе социального развития буржуазия освобождает крестьянство от феодального рабства. Однако, нормальный процесс социальной эволюции был нарушен в Китае империалистической интервенцией. Буржуазия в Китае выросла, не как социальная сила, антагонистичная феодализму. Она выросла, с одной стороны, из феодального класса землевладельцев и остается тесно связанной с ним, а с другой стороны—из среды агентов империалистической эксплоатации (компрадоры). В обоих случаях китайская буржуазия неотделимо связана с силами, опирающимися на эксплоатацию крестьянских масс, и потому она не может быть борцом за аграрную революцию. Враждебное отношение буржуазии к аграрной революции делает ее не только неспособной вести борьбу за демократическую свободу, но даже обращает ее прямо против нее (отход Чан-Кай-ши).

При таких условиях не буржуазия поведет крестьянство в исторический бой против феодализма (и его сторонников), но пролетариат вместе со своим революционным союзником—мелкой городской буржуазией».

Резолюция отвечает и на другой не менее важный вопрос: каковы тенденции аграрной революции на данном этапе, и все ли крестьянство пойдет на борьбу против феодальных пут? Вспомним, что у нас, в России, когда мы стояли перед буржуазно-демократической революцией, Ленин считал необходимым поднять все крестьянство (включая кулаков) на борьбу против помещиков;

Октябрь в деревне мы совершали, опираясь на бедноту, нейтрализуя середняка, и против кулака; наконец, позже, после побед Октября, нами была установлена тактика прочного союза с середняком. Как с этим вопросом обстоит дело в Китае? С'езд отвечает, что «нынешняя тенденция революции есть стремление вместе с бедным крестьянством, в качестве основной силы, свергнуть власть кулаков и джентри, конфисковать землю крупных землевладельцев и крупных контрреволюционеров, учредить в деревне крестьянскую власть, практически улучшить экономическое положение крестьянства и привести его к перераспределению земли».

Какие же практические мероприятия намечала партия для разрешения аграрного вопроса на переживаемой стадии национальной революции? Вот здесь, при решении этого вопроса в аграрной комиссии обнаружились разногласия, являвшиеся чрезвычайно показательными. Наметились три точки зрения: первая точка зрения была представлена опять-таки т. Чен-Ду-сю. Он защищал так называемую «политическую конфискацию земли». Этот путанный термин означал, что нужно было выдвинуть лозунг конфискации земли только по отношению к контрреволюционным элементам, что нужно конфисковать имущество, и в том числе и землю, только у реакционных генералов и у тех джентри, которые открыто выступают против революции.

Другая точка зрения говорила о том, что нужно выдвинуть лозунг конфискации земли за исключением земель мелких помещиков и офицеров революционной армии. Наконец, третья точка зрения сводилась к тому, что нужно принять требование конфискации земли без каких-бы то ни было ограничений.

В комиссии, как позже и на с'езде партии, прошла вторая точка зрения. Было постановлено выдвинуть требование — «конфискация без компенсации помещичьих имений, сдаваемых в аренду, и передача их возделывающим их крестьянам через посредство земельных комитетов. Земли, принадлежащие мелким землевладельцам, не конфискуются. Земли, до настоящего времени принадлежащие офицерам революционной армии, конфискации не подлежат». Мотивировалось это двумя соображениями. Во-первых, неодинаковым уровнем крестьянского движения в различных провинциях. На севере крестьянское движение только возникало, в других провинциях (а их было большинство) крестьянское движение шло под лозунгом снижения арендной платы, а в провинциях Хубей и Хунань крестьяне начали практически разрешать аграрный вопрос, конфискуя и перераспределяя земли помещиков и джентри. Второе соображение, которому придавалось решающее значение, сводилось к тому, что нельзя прежде времени раскалывать силы национально-революционной армии, создавать контрреволюцию в своем тылу. По мнению с'езда, нельзя было вооружать офицерство, а вместе с ним и всю армию, поскольку она носит наемный характер, против революции. Полагалось необходимым на известный промежуток времени обеспечить спокойствие в рядах офицерства революционных армий и мелких помещиков, в большинстве случаев живущих в городах, занимающихся торговлей, ремеслами или ростовщичеством и тесно связанных с офицерскими кадрами народно-революционной армии.

Но тогда невольно возникал вопрос: ну, хорошо, будет конфискована земля у крупных помещиков, а что же делать крестьянам, арендующим землю мелких помещиков, какое они почувствуют облегчение? Ведь бок о бок живут крестьяне, арендующие как у крупных, так и у мелких помещиков. Больше того, так как в Китае подавляющее большинство составляют не крупные, а мелкие помещики, то оказалось бы, что большинство крестьян никакого облегчения при осуществлении этой резолюции не получило бы. Поэтому с'езд партии принял промежуточное решение о том, что крестьяне, арендующие землю у мелких помещиков, должны платить в таком же размере арендную плату, в каком будут платить государственный налог крестьяне, получившие землю у крупных помещиков. Короче говоря, то, что одни платят в виде налога, другие должны платить в виде аренды. Но так как мелкие помещики не освобождались от государственного налога, то выходило так, что никакой пользы от оставленной мелким помещикам земли они не получали. Если арендная плата не должна была превышать ставок общегосударственного налога, и если мелкий помещик эту арендную плату в виде налога должен был передавать государству, то считался ли он собственником земли или нет, для него это разницы не составляло.

Таким образом, при ближайшем рассмотрении, это решение V с'езда, продиктованное тактическими соображениями, оказывается чрезвычайно противоречивым и недостигающим желаемой цели.

Понятно, что сейчас китайская компартия должна пересмотреть это решение. Та точка зрения, которая была представлена в аграрной комиссии с'езда и которая требовала конфискации земли без всяких ограничений, находит сейчас себе историческое оправдание и должна превратиться в аграрную платформу китайской компартии. Но несмотря на указанный нами дефект, резолюция V с'езда по аграрному вопросу являлась огромным шагом вперед. В этом не трудно убедиться, если вспомнить предыдущие решения партии по этому вопросу. Возьмем хотя бы июльский пленум 1926 года Центрального Комитета ККП. В принятых решениях этого пленума говорилось о необходимости поддерживать хороших помещиков и джентри в борьбе против плохих, о том, что арендная плата не должна превышать 50% урожая, что налоги в свою очередь не должны превышать 50% урожая, т.-е., что в лучшем случае крестьянину ничего не оставлялось. Резолюция V с'езда ни в коей мере не может быть поставлена на одну доску с этими полукадетскими решениями. Она стоит неизмеримо выше. Резолюция V с'езда впервые давала китайской компартии законченную, в основном классово-выдержанную платформу по одному из самых актуальных вопросов китайской революции.

* * *

Следующий вопрос, подвергшийся обсуждению на V с'езде, был вопрос о рабочем и профессиональном движении. Мы ограничимся приведением наиболее интересных мест принятой резолюции. С'езд констатировал, что экономическая борьба пролетариата раньше партией несколько недооценивались в то время, как только экономическая борьба, в процессе которой втягиваются и организационно консолидируются широкие массы, способна воспитать мужество рабочих для борьбы политической.

V с'езд подчеркнул, что «теория, будто бы рабочие должны ради революции жертвовать своими собственными интересами, заключает в себе для нас опасность нового кризиса. Такое положение сделало бы рабочий класс орудием в руках других классов. С этой теорией мы должны бороться».

Отметив далее необходимость создания вооруженной силы для защиты демократической власти рабочих и крестьян, V с'езд вынес решение о посылке рабочих на военную службу: «Перед рабочими массами надо выдвинуть лозунги: «Вступай в армию!» «Бери винтовку!»

Но основная часть резолюции касалась установления новых задач профессионального движения в Китае. Партия наметила следующие задачи:

«1) Вести политическую и экономическую борьбу с буржуазией до тех пор, пока все банки, рудники, железные дороги и пароходные компании, крупные предприятия, фабрики и т. д. не будут национализированы.

2) Требовать участия в управлении производством; контролировать производство, направляя национализированную промышленность по пути некапиталистического развития.

3) Требовать, чтобы правительство проводило рабочую политику, декларировало охрану труда такими законодательными мерами, как обязательные фабричные правила, восьмичасовой рабочий день и определенный минимум заработной платы, и улучшило условия жизни рабочих. Все это составляет главные задачи министерства труда, при котором нужно учредить бюро инспекции в обеспечение того, что эти задания будут проведены в жизнь.

4) Требовать осуществления социального страхования, помощи безработным. Для безработных должны быть организованы общежития и общественные столовые.

5) Требовать учреждения национальных магазинов для продажи предметов первой необходимости (продукты питания, топливо) и развития кооперативных организаций.

6) Генеральные профессиональные союзы различных районов должны вырабатывать программу действия, которой рабочий класс мог бы руководствоваться в периоды борьбы.

7) Развивать политическую и экономическую борьбу в национальном масштабе. Генеральные, производственные союзы должны оформить свои экономические требования.

Эти семь параграфов содержат в себе основы новых задач, стоящих перед профессиональным движением. На территории, на которую распространяется авторитет Национального Правительства, нужно борьбой добиться осуществления этих задач и притом в возможно кратчайший срок».

Мы видим, таким образом, что с'езд не только установил новые задачи профессионального движения, но и указал, что только борьбой можно добиться поставленных перед партией задач, что только в борьбе можно добиться практического осуществления выдвинутых требований.

*
* *

Опуская совершенно организационный вопрос, так как решения с'езда по этому вопросу полностью вытекали из соответствующих указаний Коминтерна, нам хотелось бы в заключение остановиться на выборах Центрального Комитета партии. Это тем более необходимо, что одна из основных ошибок с'езда заключалась как раз в недостаточно тщательном подборе руководящего аппарата партии. Было избрано 29 членов и 11 кандидатов ЦК; при чем из общего количества членов и кандидатов 16 было рабочих. В основной массе в Центральный Комитет попали лучшие, наиболее авторитетные и проверенные в борьбе китайские коммунисты. Состав ЦК был неплох. Но ошибка свелась к тому, что т. Чен-Ду-сю остался на посту генерального секретаря китайской партии. Китайские товарищи справедливо считали т. Чен-Ду-сю вождем и организатором партии. Тов. Чен-Ду-сю начал сколачивать партию, когда она насчитывала всего несколько человек, и фактически возглавлял ее, доведя партию до V с'езда. На V с'езде он без особого упорства выдвигал свои взгляды, на ошибках особенно не настаивал, своих резолюций не предлагал. Казалось, что, если будет создан сильный центральный аппарат партии, при наличии делегации Коминтерна, то вывихи оппортунистического порядка т. Чен-Ду-сю будут неопасны и своевременно смогут быть преодолены. И вот, несмотря на полнейшее несогласие всего с'езда партии с политической линией, проводившейся раньше т. Чен-Ду-сю, несмотря на пропасть, существующую в политической платформе, отстаиваемой на с'езде т. Чен-Ду-сю и всеми участниками с'езда, несмотря на эти серьезнейшие политические разногласия, на с'езде партии не поднялась ни одна рука против т. Чен-Ду-сю. В этом сказалась известная патриархальность, которая имеет место вообще в Китае и которая сохраняется еще в той или другой форме и в рядах молодой китайской коммунистической партии.

Позже, уже после с'езда, когда ряд членов политбюро вынуждены были выехать в различные провинции и не могли принимать участия в работах Центрального Комитета, партия осталась под фактическим руководством одного только т. Чен-Ду-сю, и это руководство т. Чен-Ду-сю в решительный момент разрыва с гоминдановской головкой привело к печальным результатам, о которых мы будем говорить дальше.

(Продолжение следует).

М. Вольф.

К вопросу о дифференциации села.

В нашей статье мы говорим о сельском хозяйстве Украины, и все приводимые цифры взяты из материалов ЦСУ Украины.

Три момента характерны для украинского сельского хозяйства в текущем 1927 году: 1) увеличение % беспосевных хозяйств; 2) приостановка роста многопосевных хозяйств в наиболее многоземельном и дифференцированном районе Украины—Степном и 3) заметно подвинувшийся вперед процесс реконструкции сельского хозяйства, в первую очередь—полеводства.

Начнем с беспосевных. Факт роста беспосевных хозяйств не подлежит сомнению и имеет место по всем четырем естественно-историческим районам Украины.

Чтобы не загромождать изложения цифрами, мы в настоящей статье приводим данные по 2 наиболее характерным районам: по самому многоземельному—Степному и по самому малоземельному и интенсивному району—Правобережью

Факт роста беспосевных хозяйств не подлежит никакому сомнению и имеет место по всей Украине в целом. По двум районам изменение числа беспосевных хозяйств представляется в следующем виде:.

Районы	1922 г.	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.	1927 г.
Степь	5,3	4,5	4,9	4,7	4,6	6,4
Правобережье.	1,8	1,8	3,0	3,6	3,6	5,2

Следует ли об'яснять этот рост беспосевных обязательно обнищанием крестьянской бедноты и ее пауперизацией?

Если учесть, что за эти 3 года количество рабочих, занятых в промышленности, строительстве и транспорте увеличилось по данным контрольных цифр Госплана УССР на 417 тыс., то увеличение хозяйств, бросивших свои посевы по Украине, в целом на 94 тыс. хозяйств ни в какой мере не говорит о массовом процессе обнищания бедняцких хозяйств. Разумеется, если бы у нас не было такого жилищного кризиса в городе, то большая часть ушедших на городские заработки и служащих в городе забрали бы свои семьи в город и перестали бы числиться в составе сельского населения. Но мы еще долго будем иметь такое положение, когда рабочий, уходя в город, будет оставлять свою семью в деревне. Не надо забывать и того, что во время революции в деревню прибыли из города большие массы рабочих, получивших наделы, которые на этих наделах завели небольшие посевы, а теперь, вновь поступив на фабрики и заводы, рабочие эти посевы забрасывают. В районе Донбасса на-

блюдаются массовые случаи, когда горняки и металлисты, еще год—два назад крепко цеплявшиеся за небольшие клочки полевого посева в виду неустойчивости хлебных цен и сравнительно низких заработков, в последний год с улучшением материального положения и стабилизацией хлебных цен, свои посевы бросили.

Что рост беспосевных происходит за счет хозяйств, для которых посевы не имели серьезного хозяйственного значения, подтверждается динамикой сдачи земли в аренду. В 1926 и 1927 г. по Степи мы имеем следующую долю всего сдаваемого фонда по 4 наиболее интересующим нас низшим группам:

	1926 г.	1927 г.
Беспосевные	9,8	20,0
От 0,1 — 1,0 дес.	10,4	19,8
» 1,1 — 2,0 »	11,8	10,2
» 2,1 — 3,0 »	14,9	11,1

Рост сдаваемой земли идет, главным образом, за счет двух самых маломощных групп (до 1 дес. посева), а доля хозяйств, имеющих более 1 дес. посева, в сдаче земли не только не растет, но уменьшается. Этим еще раз подтверждается, что расстаются прежде всего с сельским хозяйством те именно хозяйства, для которых сельское хозяйство и в предыдущие годы не имело существенного значения. Ликвидируются не столько хозяйства бедняков, сколько хозяйства *рабочих* с наделами.

Поскольку жилищный кризис еще будет длиться у нас долгие и долгие годы, при идущем процессе индустриализации страны и росте городских занятий, рост беспосевных хозяйств является совершенно неизбежным. И будет глубочайшей ошибкой без детального анализа относить весь этот рост за счет обнищания *крестьянства*.

Если мы теперь обратимся к другому флангу—к многопосевным группам, то мы увидим, что удельный вес этих хозяйств в общей массе в 1927 году не только не увеличился, а снизился. Так, в Степном районе хозяйств с посевом от 9 до 16 дес. было в 1924 г.—12,6%, в 1926 г.—14,7% и на этом же проценте они остаются в 1927 г. Хозяйств же с 15 и больше десятинами было: в 1924 г.—4,1%, в 1926 г.—5,0%, а в 1927 г. всего только 4,7%, т.-е. меньше на 0,3%. Задержка в росте многопосевных хозяйств и снижение их удельного веса не является случайностью. Это является прямым последствием той политики в отношении аренды, которую партия проводила за последний год. Как известно, многопосевные хозяйства росли в предыдущие годы главным образом за счет аренды пустовавших государственных земель. С заселением колонизационного фонда, с раздачей по директивам партии значительной части государственных земельных имуществ в трудовое землепользование, сократился фонд, питавший рост многопосевных хозяйств. Что это именно так, выясняется теми новейшими данными по аренде, которые мы имеем.

Мы не можем сейчас привести данных об абсолютном размере аренды за 1927 г., так как мы имеем пока данные только весеннего опроса, а эти данные нуждаются в коррективах в сторону увеличения на основании других статистических материалов.

(В 1926 г. корректированный размер арендного фонда составляет по Украине 1.866 тыс. дес., из которых на Степь приходится 1.373 тыс. дес. При таком размере арендного фонда на Украине разговоры оппозиции о 15 мил. арендном фонде по Союзу являются, конечно, сказкой).

Но, не имея абсолютных данных, мы можем привести относительные данные, а именно—долю отдельных посевных групп в общем арендном фонде на основании весенних опросов 1926 и 1927 гг.

Доля отдельных посевных групп в общем арендном фонде:

	1926 г.	1927 г.
До 3 дес.	1,6	1,7
От 3 — 6 дес.	7,6	8,4
» 6 — 10 дес.	20,3	23,0
» 10 — 16 дес.	30,0	31,8
16 и больше	40,5	35,1
	100,0	100,0

За один только год удельный вес высшей посевной группы в общем арендном фонде упал с 40,5% до 35,1%, вырос же удельный вес в аренде средне-посевных хозяйств. Иначе говоря, директива, которую дала партия еще задолго до того, как об этом заговорила оппозиция, привела к уменьшению концентрации арендного фонда, к некоторому его осереднячиванию. И арендный фонд уже перестал служить на Украине базой для роста многопосевных хозяйств, какой он служил в предыдущие годы, когда у государства имелся большой пустующий земельный фонд. Что арендный фонд осередняччивается, доказывается и тем обстоятельством, что в 1927 г. по сравнению с 1926 г. произошло *измельчание среднего размера арендных сделок*. Так, размер арендных сделок составлял:

	Правобережье	Степь
1926 год	1,0 дес.	4,1 дес.
1927 год	0,9 »	3,6 »
Разница	—0,1 дес.	—0,5 дес.

Особенно заметно измельчание арендных сделок в Степи, и это является особенно показательным, так как именно как раз в Степи в предыдущие годы наиболее крупные арендные сделки приходились на многопосевные хозяйства, арендовавшие государственные фонды, а более мелкие сделки—на середняцкие хозяйства, арендовавшие крестьянские земли.

Итак, данные по наиболее дифференцированному району Украины—Степному, показывают, что при нашем законодательстве, не допускающем мобилизации земельной собственности, мер, принятых партией по сокращению государственного арендного фонда, еще задолго до того, как об этом заговорила оппозиция, оказалось достаточно, чтобы отрезать возможность у кулацких хозяйств расти за счет экстенсивного расширения. А между тем в этом направлении главным образом и росли довоенные кулацкие хозяйства, лезшие из кожи вон, чтоб скопить деньги для скупки земель и вообще для расширения посевов.

Но если мы кулацкому хозяйству положили предел в сторону экстенсивного расширения, если оно вынуждено направить свои усилия на интенсификацию хозяйства, то естественно является вопрос: каково участие отдельных социальных групп крестьянства в идущей сейчас реконструкции нашего земледелия, не происходит ли на почве этой реконструкции рост удельного веса высших групп, встретивших препятствия к экстенсивному своему расширению?

Для разрешения этого вопроса мы не успели разработать всего имеющегося по Украине материала и разработали выборочно 4 округа, однако, отобрав их не случайно. Мы отобрали по Степи и Правобережью по 2 округа, выделившихся тем, что они ушли вперед всех остальных округов своего района по реконструкции своего хозяйства.

Как известно, в Степи наиболее прогрессивным фактором является за последние годы рост посевов озимой пшеницы, высеваемой во все большем и большем количестве по раннему пару. Мы взяли 2 округа—Запорожский и Днепровский, давшие очень высокий не только относительный, но и абсолютный рост площади озимой пшеницы.

Для Правобережья, где основой реконструкции является расширение посевов сахарной свекловицы, мы взяли Уманский и Бердичевский округа, являющиеся передовыми округами в этом отношении.

В этих отобранных округах мы исчислили, какова доля отдельных групп крестьянства в расширении посевов—озимой пшеницы в Степи и сахарной свеклы в Правобережье. Мы могли пользоваться для этого только посевными группами, но и оппозиция не отрицает, что существует несомненная зависимость между социальными группами и размером посева (14-й тезис оппозиции). В виду изменения % и числа хозяйств в посевных группах за два года, мы для большей правильности сравнения прибегли к методу, который применял в некоторых случаях В. И. Ленин, а именно: расположив за оба года хозяйства по восходящей линии по размерам посева, мы отобрали для каждого года группы таким образом, чтобы в них входил за оба года одинаковый процент хозяйств. В низшую группу мы отобрали 35% хозяйств самых малопосевных, в среднюю—60% и в высшую—5%. Но для того, чтобы еще яснее выявить тенденции, мы середняцкую группу разбили на две подгруппы, отделив 10% наиболее многопосевных середняцких хозяйств. Для всех групп мы вычислили, какая доля приходилась на каждую из них в посеве озимой пшеницы (сахарной свеклы) в 1926 г., какая доля приходится на эту же группу в *расширении* посевов, происшедшем в 1927 г., и, наконец, какова ее доля во всем посеве 1927 г.

Чтобы не осложнять изложения, мы приведем данные только по одному округу каждого района—по Запорожскому для озимой пшеницы и по Бердичевскому для сахарной свеклы, так как Днепровский и Уманский округа дают совершенно аналогичные данные.

По Запорожскому округу мы имеем следующее:

Доля группы.	I (35% хоз.)	II-а (50% хоз.)	I-б (10% хоз.)	III (5% хоз.)
В посеве оз. пшеницы в 1926 г.	9,45	51,05	22,47	17,03
В расширении посева оз. пшен. 1927 г.	15,53	55,30	14,59	14,58
Во всем посеве оз. пшен. 1927 г.	11,73	52,65	19,51	16,11

Низшая группа, на которую в 1926 г. приходилось только 9,45% всей площади озимой пшеницы, приняла участие в расширении посева со значительно большим удельными весом (15,53%) и, благодаря этому, вырос ее удельный вес во всей площади озимой пшеницы 1927 г. до 11,73%. Аналогичное мы имеем во 2-й группе.

Наоборот, самая высшая посевная группа и даже верхушки середнячества в расширении площади озимой пшеницы приняли участие с удельным весом гораздо меньшим того, какой они имели в посеве 1926 г. и, благодаря этому, их доля в посеве 1927 г. падает.

К этим цифрам необходима определенная оговорка. Беднота втягивается в посевы улучшенных культур количественно, но качественно, конечно, эти посевы у бедноты и сейчас еще значительно ниже, чем у зажиточных—меньше ранних паров, хуже обработка. Тем не менее уже одно количественное расширение более ценных культур должно влиять на общее качественное улучшение всего бедняцкого полеводства. Перед нами стоит задача, опираясь на этот количественный рост ценных культур, поднять и качество их обработки, в первую очередь путем обобществления бедняцких хозяйств и их механизации.

Итак, если поставить вопрос, каково влияние реконструкции полеводства Степи на процесс расслоения, то мы должны притти к выводу, что в отношении наиболее ценной товарной культуры реконструкция ведет к подтягиванию низших групп и к ослаблению удельного веса высших групп, хотя абсолютно эти высшие группы и сейчас еще играют и еще долго, вероятно, будут играть значительную роль в пшеничных посевах.

А вот данные по сахарной свекловице в Бердичевском округе:

Доля группы	I (35% хоз.)	II-а (50% хоз.)	II-б (10% хоз.)	III (5% хоз.)
В посеве свеклы в 1926 г.	9,17	45,92	25,89	19,02
В расширении посева свеклы в 1927 г.	15,12	59,25	18,24	7,39
Во всем посеве свеклы в 1927 г.	11,74	51,67	22,58	14,01

Мы видим, что в другом—Правобережном районе, резко отличном от Степи, по отношении к совершенно другой культуре, но играющей столь же важную роль в Правобережье, как озимая пшеница в Степи, замечается совершенно аналогичное явление. Темп расширения посевов сахарной свеклы в низшей группе значительно опережает высшие группы.

Конечно, за эту таблицу можно ухватиться, чтобы еще раз подчеркнуть, что роль высшей посевной группы в посеве этой ценной культуры в 3 раза больше численности этой группы среди всех хозяйств. Но такую демагогическую вылазку можно отвести указанием, что до революции посевами свеклы среди крестьянства занимались исключительно кулацкие хозяйства и что только революция вовлекла в эти посевы около полумиллиона середняцких и бедняцких хозяйств, удельный вес которых с каждым годом в посевах свеклы увеличивается. Это есть, несомненно, результат политики партии, выработавшей ряд поощрительных мер к вовлечению бедноты в посевы свеклы.

Это обстоятельство важно само по себе, но оно имеет очень важное значение и для оценки тенденции кооперативного движения.

Как известно, свекловичная кооперация среди всех видов специальной кооперации Украины имеет наибольшее значение и по этой роли, которую она играет в хозяйстве, и потому, что она значительно глубже других видов специальной кооперации вторгается непосредственно в процесс производства (общественное использование орудий обработки, напр., комбинированных сеялок, массовое применение удобрений, организация кооперативной агропомощи, об'единенная борьба с вредителями и т. д.), а также и потому, что она наиболее тесно связана с государственной социалистической промышленностью (сахарными заводами). И вот, поскольку динамика показывает рост удельного веса низшей группы в посевах свеклы и поскольку посевщики свеклы почти поголовно входят в кооперацию, рост удельного веса низших групп в свекловичных посевах, несомненно, ведет к росту их удельного веса в кооперации. Установленный партией еще задолго до того, как об этом заговорила оппозиция, факт большего втягивания зажиточных хозяйств в кооперацию является, следовательно, преходящим явлением, и партия в своей политике подготовляет его ослабление, если не изживание.

Крайне интересно, что и в отношении наиболее интенсивной отрасли животноводства—свиноводства, которое за последний год особенно быстро стало расти, мы имеем тоже усиление удельного веса низшей группы и падение удельного веса высшей, какое мы отмечали и по отношению к наиболее ценным полевым культурам, и только за недостатком места мы не можем привести цифрового материала.

Итак, реконструкция сельского хозяйства, на которой партия сосредоточила свое внимание и которая теснейшим образом связывает крестьянское хозяйство с государственным хозяйством (сахарные заводы и т. д.), ведет не только к росту производительных сил страны вообще, но и к усилению производственного значения низших посевных групп, что неизбежно должно привести к ослаблению их зависимости от более крепких хозяйств. И чем дальше мы двинемся вперед по пути реконструкции, тем все больше и больше, в условиях диктатуры пролетариата и проводимой партией политики, эволюция отдельных хозяйственных групп станет принципиально отличаться от эволюции этих групп при капитализме. Понять это, к сожалению, не дано оппозиции.

У нас нет ни оснований, ни надобности отрицать тот факт, что часть крестьянской бедноты рвет с земледелием и что деревня выделяет из себя часть кулацких капиталистических хозяйств. Но важно то, что с каждым годом, благодаря нашей политике, создаются факторы, тормозящие и регулирующие это нарастание капиталистических элементов, и факторы (реконструкция сельского хозяйства, кооперирование и обобществление), облегчающие основной массе деревенской бедноты подниматься вверх, ближе к середняцкому уровню.

Украинская статистика дает материал и для оценки предложения оппозиции о принудительном из'ятии 150 мил. пудов хлебных запасов из 10% верхушечных хозяйств. Это свое предложение оппозиция мотивирует, во-первых, тем, что эти за-

пасы сосредоточены в руках зажиточных слоев деревни, и, во-вторых, тем, что они «далеко превосходят необходимые *страховые* запасы» (курсив тезисов). Этой последней строчки совершенно достаточно, чтобы показать, как мало представляет себе оппозиция действительное положение крестьянского хозяйства.

Возьмем Украину. Запасы в крестьянских хозяйствах к моменту нового урожая 1927 г. исчисляются около 184 мил. пуд. Между тем, если сравнить текущий 1927 г., когда мы имеем средний урожай, с урожаем 1924 г., когда мы имели засуху, локализованную в одной части Украины, то окажется, что в 1924 г. крестьяне недобрали около 400 мил. пуд., т.-е. около 39% сбора, между тем, как страховые запасы не достигают и 20% среднего годового сбора.

Что касается распределения этих запасов по отдельным группам, то оппозиция ссылается на исчисления проф. Лосицкого, приведенные в № 4 «Статистического Обозрения». Но проф. Лосицкий для исчисления запасов к новому урожаю должен был пользоваться данными монографических бюджетов на 1-е апреля 1925/26 г. и сделать ряд допущений, как расходуются и перераспределяются запасы с 1-го апреля до уборки урожая. Мы в лучшем положении. Мы имеем прямые данные на 1-е июля 1927 г. 600 бюджетных записей. Последние ведутся крестьянами изо дня в день, и поэтому они имеют большую достоверность, чем монографические бюджеты, заполняемые сразу за целый год по памяти.

В прямые данные бюджетных записей была внесена поправка на недоучет посевных площадей. Общий размер запасов принят тот, который установлен Украинским Экспертным Советом (184 мил.), и этот запас распределен по посевным группам по тем %%, которые дают бюджетные записи, после внесения поправок.

Распределение крестьянских хлебных запасов на 1 июля 1927 г.

Группы по посеву	Миллионов пудов	% запасов
Беспосевные	—	—
0,1 — 2,09	22,0	12,0
2,1 — 4,09	55,2	29,8
4,1 — 6,09	37,8	20,5
6,1 — 8,09	21,0	11,4
8,1 — 10,09	18,4	10,0
10,1 — 16,00	19,1	10,4
Более 16	10,8	5,9
	184,3	100,0

Если взять 3 высших по посеву группы—от 8 десятин и выше, то они составляют 9,9% всех хозяйств (почти те 10%,

которые нужны оппозиции), и в них на 1-е июля 1927 года было запасов 48,3 миллиона пудов или 26,3% всех запасов.

Нам неизвестно, какую долю из 150 милл. пуд. оппозиция в порядке продразверстки отнесет за счет Украины. Если исходить из доли Украины в хлебо-фуражном балансе—это будет примерно 35—40 мил. пуд., если исходить из роли Украины в хлебных заготовках—это свыше 50 мил. пуд. Другими словами, оппозиция предлагает не что иное, как почистить под метелку амбары этих 10% крестьян, что отобьет охоту не только у кулаков, но даже и у середняков заводить какие бы то ни было запасы, потому что среди хозяйств с посевом больше 8 дес. есть очень много середняков.

Конечно, с народохозяйственной точки зрения натуральные запасы являются в известной степени мертвым фондом. Но к сокращению размеров этих запасов партия пойдет не тем путем, какой предлагает оппозиция. Размеры хлебных запасов находятся в зависимости от неустойчивости нашего сельского хозяйства. Чем значительнее будут наши успехи по пути реконструкции сельского хозяйства, чем лучше и скорее мы проведем план борьбы с засухой, который разработан партией, тем меньше крестьянин будет заинтересован в натуральных хлебных запасах и тем выгоднее он будет считать для себя пустить свои излишки средств в общие каналы обращения (денежные вклады и т. д.).

И, наконец, несколько слов по вопросу о машиноснабжении. Оппозиция бросает партии обвинение в том, что будто бы партия ведет политику усиленного машиноснабжения кулацких и зажиточных групп. Не приходится опровергать этих лживых измышлений. Партия неоднократно давала совершенно ясные и твердые директивы о том, что машиноснабжение и машинные кредиты должны быть прежде всего использованы для укрепления бедняцких хозяйств и для их обобществления. Но партия не только давала директивы, но и практически проверяла, насколько эта политика проводится в жизнь. Еще задолго до того, как оппозиция заговорила об этом вопросе ЦК КП(б)У осенью 1926 г. обязал ЦСУ, Наркомзем и машиноторгующие организации организовать учет социального состава покупателей машин. К сожалению, несмотря на директивы партии о скорейшем введении этого учета, технические условия позволили организовать его только с апреля текущего года, и в настоящее время ЦСУ располагает, хотя и сравнительно небольшим материалом, но все же достаточным для освещения вопроса.

Вся партия должна знать, что то распределение машин, которое проводится на практике, расходится в значительной мере с директивами партии. Если разгруппировать покупателей машин по 5 группам по совокупности 2 признаков—посевной площади и рабочему скоту—и расположить их в порядке хозяйственной мощности, то получается следующая картина:

1-я группа—бедняцкая—состоит главным образом из безлошадных хозяйств, которые вообще пред'являют малый спрос на инвентарь. Но даже ниже-средняя группа снабжается машинами в проценте меньшем ее удельного веса среди населения, и—что еще важнее—кредиты ей также отпускаются в меньшем размере. Правда, здесь необходим ряд замечаний. Во-первых, в этот учет не вошло машиноснабжение колхозов и т-в по обработке земли, так как до сих пор не удалось наладить этот учет. Между тем,

Группы хозяйств	Удельн. вес в населен. в 1927 г.	Плуги 1-лемешные		Бороны		Уборочн. маш.		Хода	
		Доля в стоим. машин	Доля в кредите	Доля в стоим. машин	Доля в кредите	Доля в стоим. машин	Доля в кредите	Доля в стоим. машин	Доля в кредите
Бедняцк.	28,0	42,	3,0	2,2	1,6	0,6	0,6	1,5	1,4
Неже-средн	27,7	17,8	16,5	11,2	9,9	4,3	4,6	8,1	7,1
Средние	32,0	54,6	57,2	55,8	57,6	27,3	29,4	44,9	48,0
Выше-средн.	9,2	18,6	19,0	25,8	26,3	40,8	40,2	32,1	31,8
Зажиточные	3,2	4,8	4,3	5,0	4,6	27,0	25,2	13,4	11,7

по данным «Сильського Господаря» на колхозы приходится 15,7% всех машинных кредитов. Во-вторых, кредитование бедноты машинами затруднялось тем, что машинные кредиты были главным образом краткосрочные, а долгосрочных кредитов в большем количестве государство отпустить не могло. И, наконец, в-третьих, заводы сельскохозяйственных машин, благодаря проведенной рационализации настолько увеличили свою продукцию, что встретились со значительными затруднениями в сбыте, и перед государством стала задача—или сократить производство и рассчитать многих рабочих, или продать машины тому, кто может их купить за наличные или во всяком случае на условиях краткосрочного кредита. Несомненно, это привело к тому, что доля в машиноснабжении высших групп увеличилась. Но несмотря на неблагоприятные показатели, которые партия не скрывала, но, наоборот, которые, по инициативе партии, вскрыты, об'ективный статистический учет подтверждает, что наиболее необходимые орудия, как плуги и бороны, в основной своей массе все же поступают к маломощным и середняцким группам, и только уборочные машины, покупаются в значительном количестве хозяйствами зажиточными. Но тут надо учесть, что как раз уборочные машины в большом количестве поступают и в колхозы, состоящие преимущественно из бедняков.

Таким образом, дефекты нашего машиноснабжения партией вскрыты. Дефекты эти вызваны не только тем, что наши местные органы не всегда следуют директивам партии (в известной мере это, конечно, имеет место), а главным образом тем, что, направляя значительные средства на развитие промышленности, государство не может уделить на машиноснабжение необходимого количества кредитов, в особенности долгосрочных.

Что дело именно так, можно иллюстрировать данными по тракторoснабжению. Сейчас, по директиве партии, которая дана уже несколько месяцев назад, ведется проверка машинно-тракторных товариществ, и из них будут выброшены затесавшиеся в них кулацкие элементы. Но данные, которые мы имеем о распределении тракторов сейчас, показывают, что в отношение тракторoснабжения директива партии в общем выполняется.

В проведенном на Украине экономическом обследовании 40 тыс. членов сельсоветов был выявлен процент хозяйств, имеющих различные виды инвентаря. Приводим данные по молотилкам и тракторам.

Группы по посеву полевому и усадебному	Процент в общей массе хоз-в членов сельсоветов	% имеющ. молотилок, приходящихся на группу	% имеющ. тракторных паев, прих. на группу
До 3 дес.	15,8	3,4	12,2
От 3 до 6 дес.	33,0	17,7	32,0
» 6 » 10 »	34,9	24,1	31,8
» 10 » 16 »	12,3	27,2	15,8
Больше 16 дес.	4,0	27,6	8,2

В то время как молотилки, которые накоплялись у крестьянства за ряд лет и снабжение которыми шло не совсем правильно, вследствие недостаточности долгосрочных кредитов, концентрируются в высших группах, тракторы распределяются значительно более равномерно, и низшие группы пользуются ими в размере примерно соответствующем их удельному весу. Об'ясняется это тем, что долгосрочные кредиты по тракторам отпускаются в значительно большем размере, и тем, что партия на распределение тракторов, играющих крупнейшую роль в обобществлении сельского хозяйства, обратила особое внимание, а проводимая сейчас партией проверка еще больше улучшит социальный состав трактoропользователей.

Партия не скрывает дефектов нашего машиноснабжения. Напротив, она деловым образом поставила проверку практического выполнения директив, выяснила не только дефекты, но и причины их, и несомненно, что в ближайшее время эти дефекты в значительной своей части будут исправлены.

А. Мацкевич.

К вопросу о выборе форм землепользования.

(Ответ тов. Устинову, «Большевик» № 20).

Тов. Устинов настолько уверен в правоте своих доводов в необходимости отрубов и хуторов для развития производительных сил деревни, что авансом всех, кто не согласится с ним, обвиняет в том, что они даже мало-мальски не разбираются в азбуке марксизма и ленинизма, что они страдают куриною слепотой, не могут понять путей развития нашего хозяйства вообще и сельского в частности и т. д. После таких страшных слов, естественно, каждый мог бы ожидать, что тов. Устинов скажет, действительно, что-нибудь новое. Но—увы!—кроме нескольких общих мест и всем известных цитат из сочинений Ленина и Маркса, ничего в статье нового найти нельзя.

Нельзя же считать в самом деле серьезной аргументацией те цифры о валовой доходности, которые приводит т. Устинов. До последнего времени, по крайней мере, ни один землеустроитель такими цифрами о валовой доходности с десятины пашни при различных формах землепользования для всего Союза не располагал. Товарищ же Устинов, давая табличку о валовой доходности с десятины для общинников 132 р., хуторян 151 руб., отрубников 183 р. и не оговаривая, к какому району Союза, к какому году обследования относятся эти цифры, дает основание предполагать, что они являются показателями для всего Союза и самыми последними. Повторяем, таких цифр нет. А потому или т. Устинов несерьезно отнесся к своей работе, или надеялся, что его никто серьезно читать не будет.

Основные положения статьи т. Устинова следующие:

1) «Сами формы землепользования суть производные функции от системы общественно-хозяйственных отношений, а не наоборот;

2) переход к социализму не будет зависеть от формы землепользования, а социализм, придя, создает ту или иную форму землепользования;

3) формы землепользования, следовательно, не могут определить характер и направление развития сельского хозяйства».

Первым делом, для каждого «мало-мальски разбирающегося в этих вопросах» (воспользуемся термином т. Устинова) видно, что эти положения суть не совсем удачный пересказ соответствующих мест из брошюры Киндеева «Вопросы землеустройства» (К. Киндеев «Вопросы землеустройства», Москва, 1925 г., стр. 46). Впрочем это неважно, а важно то, что они в передаче т. Устинова неправильны.

Что может означать—«социализм, придя, создает ту или иную форму землепользования»? Только одно: социализм сначала придет, а потом уже, придя, создает ту или иную форму землепользования, а до тех пор деревня может иметь какие угодно формы землепользования. И Маркс, и Ленин никогда никому не говорили о том, что социализм придет, они всегда учили, что социализм будет строиться сознательно рабочим классом. Борьбу, творчество социализма, сознательную работу по построению социализма, чем отличается революционный марксизм от реформизма, т. Устинов намеренно или ненамеренно в своем тезисе выбрасывает.

Землеустройство может иметь два подхода: один, когда приспособление земельной территории к условиям и потребностям производства всецело предоставляется стихии борьбы частных интересов в рамках предустановленных правом, за самим же землеустройством остается только техническая помощь в тех случаях, когда частным лицам заблагорассудится обратиться к землеустроительным учреждениям, и другой, когда государство вмешивается в земельные отношения и строит их в соответствии с предустановленным планом всего народного хозяйства. Думаю, что и т. Устинов не будет спорить, что всей советской системе более соответствует именно второй, а не первый тип землеустройства точно так же, как и программе партии в области аграрной политики. Если т. Устинов сомневается, пусть возьмет тезисы к XV С'езду и прочтет следующее в разделе «очередные задачи партии по работе в деревне»: «всемерно содействовать росту таких форм землепользования, которые более благоприятны для развития кооперирования и механизации сельского хозяйства (поселки, выселки...) *ограничив практику выделения на отруба особенно хутора, и совершенно прекратив их в тех случаях, когда они ведут к росту кулацких элементов*. Из приведенных слов каждому ясно, что разговоры о том, что социализм, придя, создает нужную ему форму землепользования, ничего общего не имеют с действительной линией партии по построению социализма в деревне.

Не более благополучно обстоит и с другими истинами, взятыми т. Устиновым у Киндеева.

Первый тезис вообще ничего не дает к уяснению вопроса. Что формы землепользования суть функции от системы общественно-хозяйственных отношений, это всем так же хорошо известно, как и то, что всякая реальная земельная политика тоже не с ветру берется, а определяется системой общественно-хозяйственных отношений, т.-е. тоже является функцией тех же отношений, но какая между ними (между формами землепользования и земельной политикой), как функциями одного и того же аргумента, зависимость,—надо показать и доказать. Поскольку т. Устинов этого не делает, то и само по себе правильное положение, приведенное им, остается висеть в воздухе, ничего не доказывая и не опровергая. Далее т. Устинов декларирует, что формы землепользования не могут определять характер и направление развития сельского хозяйства и, с места в карьер, начинает воевать против тех форм, которые сейчас насаждаются в деревне. Однако, возникает вопрос: если формы землепользования так безразличны для развития сельского хозяйства, то не все ли равно насаждают ли в результате землеустройства общинную или

подворно-отрубную и хуторскую. И здесь само по себе правильное положение, взятое в том безотносительном виде, в каком его преподносит т. Устинов, неправильно. Что формы землепользования не определяют сами по себе характера и направления развития в сельском хозяйстве—это правильно, но правильно и то, что формы землепользования, раз они даны, могут определенным образом воздействовать на это развитие; они могут задерживать или ускорять процесс; они могут даже войти в прямую коллизию с имеющимся в данный момент направлением в развитии сельского хозяйства. К формам землепользования в полной мере применимо все то, что Маркс сказал о правовой надстройке. А потому ни в отношении строительства социалистического хозяйства в деревне, ни относительно строительства тех форм хозяйства, которые вытекают из предложения т. Устинова не безразлично, какие формы мы будем насаждать в результате землеустройства. В противном случае сама статья т. Устинова не имела бы смысла.

Последнее время у нас стало весьма обычным, выхватывая ряд цитат из сочинений т. Ленина, вне их контекста, вне тех условий, при каких они были сказаны, стараться доказать ими «истины», не имеющие никакого отношения к тому, что сказал т. Ленин. В статье т. Устинова «К вопросу о формах землепользования» такое, ничем не оправдываемое использование сочинений т. Ленина доведено до предела.

Послушать т. Устинова—так выходит, что т. Ленин советовал все оставить в деревне на волю свободной игры стихии. Раз земля национализована, раз банки в наших руках, государственный аппарат тоже,—то достаточно только насаждать в деревне кооперацию. Такое понимание т. Ленина есть чрезвычайное упрощение его взглядов по вопросу нашей политики в деревне. Никогда т. Ленин не сводил всю деревенскую политику к одной кооперативной. Если же т. Ленин говорил: «собственно нам осталось сделать «только» одно: сделать наше население настолько «цивилизованным», чтобы оно поняло все выгоды от поголовного участия в кооперации и наладило это участие. «Только» это. Никакие другие премудрости нам не нужны теперь для того, чтобы перейти к социализму» (XVIII т., стр. 141), то надо принять во внимание, что т. Ленин учитывал всю систему экономических мероприятий советской власти и в том числе землеустройство, при которых только кооперация и стала орудием социалистического строительства. То, что предлагает тов. Устинов, есть насаждение отрубов и хуторов, в предположении, что из известных форм землепользования, они наиболее благоприятны для развития производительных сил и вполне достаточны для создания предпосылок при наличии кооперации для построения социалистического хозяйства в деревне. Тов. Ленин никогда не ставил так вопроса, наоборот, он говорил: «Те, кто мечтает, что можно будет после войны добиться восстановления того положения, которое было до войны, *восстановления системы и устройства хозяйства при старых приемах*,—те ошибаются». Таким образом, восстановление хозяйства по типу тех мероприятий, которые проводились до войны, т. Ленин считал негодным. А до войны как раз проводилось то, что рекомендует т. Устинов, т.-е. насаждение хуторов и отрубов и, одним словом, широкое развязывание инициативы «рачительного» хозяина, освобождение его форсированным темпом от всяких пут, задерживающих его

хозяйственную инициативу. Рецепт т. Устинова, следовательно, не нов и уже признан неприемлемым.

Если же говорить о совпадении чьей-либо точки зрения по вопросу деревенской политики с точкой зрения т. Устинова, то напрашивается параллель не с тов. Лениным, а несколько иная.

Так, профессор Кондратьев, выступая в защиту роста производительных сил, говорит: «Мне чувствуется, что в речах некоторых ораторов лежит определенная идея: рост производительных сил остается ростом производительных сил, но если он противоречит каким-либо, скажем, социальным задачам времени, то лучше пожертвовать этим ростом производительных сил... Я конкретизирую свою мысль таким образом: если, скажем, существуют такие взгляды, что коллективная форма желательна по соображениям роста производительных сил, но в данной реальной обстановке она не везде приложима, то, может быть, все же следует пожертвовать вот этим ростом производительных сил и оттеснить другие формы землепользования во имя желательной формы» («Основные начала землепользования и землеустройства», сборник статей и материалов, изд. Ком'академии, 1927 г.). Тов. же Устинов говорит: «Прямо-таки преступным, по нашему мнению, является запрещение населению итти на отруба и хутора там, где нет налицо социально-экономических условий для развития коллективных форм землепользования». Профессор Кондратьев, конечно, безоговорочно подписался бы под этим заявлением, потому что оно в более неприкрытой форме преподносит его основную мысль: предоставить максимум благоприятствования развитию наиболее прогрессивным с его точки зрения формам сельского хозяйства и соответствующим им формам землепользования. Однако, и т. Устинов и профессор Кондратьев могут возразить: не все ли равно, от кого исходит то или иное предложение. Факт остается фактом: отруба и хутора, помимо коллективных форм, самая прогрессивная из всех остальных, а потому и следует создать для них обстановку, при которой бы они могли наиболее нормально развиваться.

Помимо тех цифр, которые приводил т. Устинов о валовой доходности, защитники хуторов и отрубов ссылаются на то, что хуторяне и отрубщики охотнее кооперируются, образуют машинные товарищества и т. д. Все это обыкновенно приводится без указания целого ряда других сопутствующих факторов, которые играют не менее решающую роль в динамике хозяйства, чем формы землепользования. Никому не секрет, что в дореволюционное время застрельщиками по выходу на отруба и хутора были самые состоятельные слои деревни. В значительной степени это есть и в настоящее время. Поэтому одни справки о проценте кооперирования, росте обеспеченности инвентарем, скотом и т. д. еще ничего не говорят о влиянии на этот рост форм землепользования. Известно, что более мощное хозяйство, при прочих равных условиях, быстрее растет, чем более слабое. Вот, если бы т. Устинов потрудился сопоставить при тех или иных формах землепользования социально одинаковые группы хозяйства в отношении роста их хозяйственного благополучия и за срок, который бы давал возможность учесть их динамику,—его цифры тогда что-либо говорили бы. К глубокому сожалению, наша статистика такими данными не располагает. Однако, имеющиеся сейчас пока разрозненные наблюдения не совпадают все же с выводами т. Усти-

нова о прогрессивности хуторских и отрубных форм землепользования. Так, например, в настоящее время проводится работа Московским Земельным Отделом по выяснению причин забрасывания земель сельскохозяйственного назначения в Московской губернии. Это обследование устанавливает, что процесс забрасывания вовсе не наблюдается при коллективных формах землепользования и совершенно в одинаковой степени наблюдается, как при хуторской и отрубной, так при общинной, т.-е., иными словами, хутора и отруба вовсе не являются той формой, которая бы ставила отдельного хозяина в более выгодные условия в отношении развития производительных сил, чем общинная. Как в тех, так и в других условиях маломощный крестьянин выталкивается из хозяйства или потому, что не в силах дальше вести хозяйство, или не желая подвергать себя самоэксплоатации, которая неизбежна в карликовых единоличных хозяйствах. И это в условиях Московской губернии, где, как раз, защитниками участково-подворной формы признается наличие условий, именно, благоприятствующих этой форме.

Помимо этого, вопрос с хуторами и отрубами осложняется еще тем, что эта форма в корне противоречит всему нашему правовому и хозяйственному строю и является историческим пережитком совершенно другой хозяйственной системы.

Дело в следующем. Есть определенный минимум земельной площади, на которой при данном состоянии техники и условиях рынка более или менее рационально единоличное хозяйство; это хозяйство может жить и развиваться. Наши же отруба и хутора сплошь и рядом, учитывая нашу аграрную перенаселенность, уже при самом своем возникновении являются хозяйствами, далеко отстоящими от того размера, при котором мыслима рациональная постановка хозяйства. Ни о какой рационализации в возникающих таким образом карликовых хозяйствах, переобремененных излишком «душ», говорить не приходится. Перспектив у них нет. Если к этому прибавить процесс дробимости, то будущее их весьма безотрадно. Это будущее осложняется еще тем, что одновременно создается на территории хуторизованной деревни культурно-техническая и хозяйственная пестрополосица; возникают рядом самые разнообразные севообороты, хозяйства различной культурности и хозяйственной мощности, обслужить которые агрономической помощью почти невозможно в достаточной степени. У возникшего таким образом конгломерата разнообразных хозяйств будет налицо колоссальная инерция, при попытках его как-либо в дальнейшем преобразовать: что одному выгодно, другому безразлично, или вредно; один остался при трехполье или совсем пахал, как бог на душу положит, другой ввел многополье, и всякая ломка существующего порядка для него окажется тяжелейшим потрясением. Сдвинуть всю эту разрозненную массу по пути тех или иных общих мероприятий будет делом бесконечно сложным.

Все это хорошо учитывали и столыпинские землеустроители, но они на это шли сознательно. Их ставка была на сильного. Они знали, что, в созданном ими конгломерате хозяйств будет пестрота, будет разоряться известная часть хозяйств, но они считали это неизбежным и были уверены, что из возникшей таким образом борьбы выйдут победителями сильнейшие, слабые будут выброшены за борт, а их земля округлит и доведет до

возможного оптимума земли сильной группы в порядке товарно-земельного оборота. У нас таковой оборот отсутствует, он не совместим с национализацией земли, и, стало быть, раз возникшие несуразные карликовые хозяйства вынуждены будут такими и существовать, пока не станет вопрос об уничтожении всей системы хуторов и отрубов.

Это и понимают все более или менее последовательные защитники подворной формы землепользования. Так профессор Макаров («Основные начала землепользования и землеустройства», изд. Комакадемии, 1927 г.) предлагает ввести компенсацию, т.-е. денежную уплату за отказ от земли, а профессор Кондратьев (там же) развивает далее эту мысль и высказывается за создание «института компенсации в широком смысле», при котором еще не приходится говорить о создании ипотеки, но... подумать о чем-либо аналогичном приходится. Профес. Макарову и всем, разделяющим его взгляды, требуется превращение земли в ценностную категорию для того, чтобы создать условия, при которых мыслима нужная им форма хозяйства нормально развивающейся. Они понимают, что развитие нашего сельского хозяйства по старому типу единоличного хозяйства, которому собственно и соответствует участково-подворная форма землепользования, при последовательном проведении национализации земли не имеет перспектив. Отказаться от своего идеала организации хозяйств они не желают, а потому вносят предложение «об очистке общего земельного закона от наслоений исторического периода и о некотором продвижении вперед». Тов. Устинов всего этого в своем увлечении хуторами и отрубами не замечает и хочет навязать партии чуждую ей точку зрения.

Итак, никаких оснований к тому, чтобы из ряда других форм землепользования обладать преимуществом в глазах партии, отруба и хутора не имеют. Наоборот, являясь отражением хвостистских настроений известной части крестьянства и подпадающих под это настроение земельных работников, хутора и отруба должны, в каждом отдельном случае, вызывать со стороны партии самое критическое отношение. Если не приходится говорить об их прямом или косвенном запрете—воля партии о выборе форм землепользования выявлена вполне четко, полная свобода выбора в этой области крестьянству обеспечена,—то с другой стороны партии едва ли следует брать на себя обязательство, как это рекомендует т. Устинов, смести все тернии с путей этой формы землепользования.

В заключение—несколько слов о том, как же партия относится к общинной форме землепользования, борьба против которой дала повод взять под свою защиту т. Устинову хутора и отруба.

«С точки зрения идеологов буржуазии дело обстоит просто—развитие сельского хозяйства и развитие индивидуалистических форм его—равнозначны, недопустимо, чтобы община задерживала их». (Л. Крицман. «Новый этап». См. ранее цитирован. сборн.). Партия так ставить вопрос не может. Как бы ни важна была задача содействия развитию производительных сил деревни, она никогда не должна закрывать «главную коренную задачу социалистического строительства» (Карпинский. «Основные начала нашего аграрного законодательства». См. там же). Поэтому партия, хорошо учитывая недостатки старого земельного общества и не собираясь его консервировать, учитывает одновременно и то, что

«земельные общества существуют у нас, они изменяют свою природу, свою форму, но они существуют и их вычеркнуть из суб'ектов землепользования нельзя». (Милютин, см. ранее цитирован. сборн.). Разрушать их форсированным темпом в угоду насаждения подворных форм землепользования, соответствие которых тому типу развития сельского хозяйства, каковой желателен партии, чрезвычайно сомнительно, партия тоже едва ли станет. тем более, что даже опыт такого района, как Московская губерния, показал, «что форма общинного землепользования с устранением дальноземелья, через- и узкополосицы и т. п. является более удовлетворительной формой, чем хутора и отруба» (доклад т. Баумана на XVI московской партконференции о работе в деревне).

Ем. Ярославский.

Философия упадочничества.

Опубликовывая предсмертное письмо А. Иоффе, мы делаем попытку прекратить бессовестную спекуляцию на смерти Иоффе, которая предпринята была оппозицией накануне XV с'езда. Накануне XV с'езда оппозиция попыталась представить смерть Иоффе, как акт героизма, как «смерть во имя жизни и борьбы». В издававшемся до с'езда подпольном листке оппозиции «Материалы к дискуссии» (19/XI—27 г.) мы находим следующие «замечательные» строки:

«*Выстрел Иоффе—это не есть проявление упадочничества, проявление социального пессимизма. Наоборот, это—проявление социального оптимизма*. Если б наш покойный товарищ не верил в рабочий класс и его партию, если б он не верил в наше будущее, он не ушел бы от жизни только потому, что у него не осталось сил для борьбы».

«*Так, как умер Иоффе, так умирают только революционеры, выше всего ставящие не личные интересы, а интересы класса*. Иоффе умер, чтобы смертью своею звать других к тому, на что у него нехватало более сил,—к неустанной борьбе во имя грядущего. Это есть поистине *смерть во имя жизни и борьбы*. Это есть *решительный протест* против опасности засыпания, против опасности успокоения на том, что достигнуто. *Такая смерть не может вызвать в борцах уныния и пессимизма; наоборот* (?!! *Е. Я.*), *она будит, она поднимает, она зовет вперед*. Умирая, Иоффе не бросает знамени, он умирает *под старым знаменем* (РСДРП меньшевиков? *Е. Я.*) *во имя ленинского знамени*, во имя коммунизма, во имя великого дела международного пролетариата (так и сказано «под *старым* знаменем *во имя ленинского знамени*.. *Е. Я.*). Да, знамя Иоффе—это знамя Маркса и Ленина.

«Мы будем нести это знамя вперед, мы донесем его до конца» (подчеркнуто везде мною. *Е. Я.*).

Не для полемики с бесславно кончившей оппозицией мы выписали этот образец спекуляции на смерти больного Иоффе. Мы имеем в виду, что такого рода гнилая, упадочническая философия навязывается нескольким тысячам бывших и настоящих членов нашей партии, среди которых распространялось влияние этой философии, среди которых живут и «действуют» те, кто намерен продолжать свой путь «под знаменем Иоффе».

Упадочнические настроения могут выступать и под архиреволюционной оболочкой, которую Ленин формулировал сло-

вами: «Левая фраза—правое дело». В период поражения первой революции упадочнические настроения нередко рядились в яркие анархо-синдикалистские одежды; религиозный мистицизм выступал нередко под покровом самой цветистой «левой» «революционной» фразеологии. Даже выпячивание проблемы пола в период ликвидаторства происходило не без попыток изобразить эти настроения разложения, как настроения революционные. Троцкисты особенно изощрились в деле прикрытия левой фразой антиреволюционных политических тенденций. Это не раз отмечал Ленин.

Период перехода к нэпу оказался также не под силу отдельным товарищам. Были и выходы из партии, и отходы от политической деятельности, и самоубийства (вспомните самоубийство Ю. Лутовинова). Никому в голову, однако, не приходило об'являть эти факты «*проявлениями социального оптимизма*». Все сознавали: тяжести и испытания революции, как результат затяжки мировой революции, оказались *не под силу* этим товарищам. Никому в голову не приходило *расхваливать* эти самоубийства, несмотря на высокую ценность этих товарищей, как революционеров-большевиков (отнюдь не меньшую, во всяком случае, чем А. Иоффе).

Анализируя причины самоубийства Ю. Лутовинова, К. Радек писал тогда о том, что у Ю. Лутовинова не раз проявлялось «непонимание того, что пролетариату нельзя разом прыгнуть от капитализма к социализму, да притом еще в такой мелкобуржуазной стране, как Россия». «Он видел мозгом все затруднения, но вся его натура бунтовала против них. И это противоречие между логикой разума и чувства накладывало на него трагический *отпечаток внутренней разорванности и неуравновешенности*»... «В нем не слышалось этой спокойной равномерной поступи рабочих батальонов, о которой когда-то говорил Лассаль, в нем были и нетерпеливость и скачки. *Если бы такое настроение жило в широких рабочих массах, то в моменты затруднений это приводило бы революцию к глубоким потрясениям*». Есть ли здесь хоть одно слово восхваления самоубийства? У Ю. Лутовинова были очень большие расхождения с партией (Лутовинов принадлежал к «раб. оппозиции»), однако только злейшим врагам могло бы притти в голову *оправдывать* самоубийство этого товарища... внутрипартийным режимом. Наоборот, К. Радек доказывал, что... «надрыв тов. Лутовинова не бросает ни на него, ни на нас никакой тени»... Он старался утешить Ю. Лутовинова... старыми статьями голландского марксиста Антона Панекука, который доказывал перед войною, что «диктатура пролетариата только предрешает, что отныне пролетарский интерес будет руководящим, но не сможет в короткое время обеспечить пролетариату удовлетворение его законнейших экономических, культурных и бытовых потребностей». К. Радек умел видеть тогда, что Ю. Лутовинову *мешало* работать и жить то, что «он не мог примириться с медленным ростом социалистических элементов после захвата власти, с медленным исчезновением нищеты»... «с тем, что пролетариат, захвативши власть, должен очень долго и мучительно учиться владеть ею»... «Он не видел проблемы, заключающейся в том, что власть есть не только власть, но и знание». «Надо научиться,—советовал в конце своей статьи К. Радек,—решать все личные сомнения и затруднения под углом

зрения ее (пролетарской революции. *Е. Я.*) развития». («Правда», № 104. 10/V—24 г. Памяти тов. Юрия Лутовинова).

Мы не касается вопроса о том, правильно или неправильно характеризовал К. Радек Ю. Лутовинова. Мы хотим лишь отметить—и это каждый чувствует,—что тогда была попытка честно разобраться в причинах самоубийства и не было и тени попытки использовать эту смерть против своей партии, как не было и тени попытки *оправдывать* самоубийство Лутовинова.

Не то теперь. Самоубийство оппозиционера—разве можно пропустить такой прекрасный случай! Чем бы эта смерть ни об'яснялась, надо найти ей оправдание, самое что ни на есть принципиальнейшее! И исторические и философские обоснования под нее подвести и моральные, и политические! Одним словом, надо во что бы то ни стало самоубийство больного человека возвести в «смерть во имя жизни и борьбы!».

* * *

В подпольном листке «Материалы к дискуссии» от 24/XI—27 г. троцкисты опубликовали нужные для их нападок на партию выдержки из предсмертного письма Иоффе. Письмо это было тотчас же после смерти Иоффе разослано всем членам ЦК и ЦКК. Тем не менее, троцкисты поспешили всюду возвестить о том, что это письмо похищено, скрыто и т. п. Эту гнусную сплетню распространяют с ведома троцкистов (и по их указанию?) и заграничные органы масловцев и французской оппозиции (журнальчик Трэна и других путаников «Против течения», № 2—3).

Иоффе написал свое письмо для использования против партии... «Я, конечно, рассчитываю на использование вами этого письма»,—писал он Л. Троцкому. Он, однако, не думал, что письмо станет достоянием партии прежде, чем оно будет в той или иной степени фальсифицировано... «Я боюсь за это свое письмо,—писал он,—такое письмо не может быть не суб'ективным, а при столь резком суб'ктивизме может утратиться критерий об'ективности, и какая-нибудь одна фальшиво звучащая фраза может испортить все впечатление от письма». Да, Иоффе не напрасно боялся этого: фальшиво звучащих фраз в этом письме так много, что оно подверглось бы самой основательной переделке, если б подлинник его не находился в ЦК партии. На такую переделку Иоффе дал прямое согласие.

«Поэтому,—приписывает Иоффе 16/XI,—*я не только даю Вам полнейшую свободу редактирования моего письма, но даже очень прошу Вас исключить из него все то, что Вам покажется лишним и добавить то, что Вы считаете необходимым*».

Здесь уже не надрыв, а просто *глубокое разложение*. Мало этого: здесь полная уверенность в том, что друзья—наследники по фракции—*способны прибавить к посмертному письму все, что сочтут необходимым*, т.-е. способны к подлогу, к фальсификации. Только в упадочной, разлагающей обстановке полуменьшевистской фракции, борющейся против ленинской партии, могут вырасти этакие ядовитые цветы. И только в расчете на то, что троцкистское подполье *скроет* такое «завещание» можно было его составлять: если б Иоффе знал, что его письмо станет известным без всяких прикрас, он не *посмел* бы этого написать.

Писать после этого в подпольном листке, что «выстрел Иоффе—это не есть проявление упадочничества, проявление социального пессимизма», писать, что «наоборот, это—проявление социального оптимизма», могут только люди, сами насквозь пропитавшиеся этим гнилым воздухом разложения, упадочничества, аморализма по отношению к ленинской партии, членами которой эти люди оставались, строя свою собственную партию—троцкистов «под знаменем Иоффе».

* * *

Бесполезно было бы вести полемику по поводу того, правы ли были Поль и Лаура Лафарг, кончая самоубийством, когда им показалось, что они уже не могут быть полезны для революции. Однако, одно дело—буржуазная Франция в конце XIX столетия; другое дело—СССР. Одно дело—период господства империализма; другое дело—социалистическое строительство в первом рабочем государстве. Из первых страниц письма Иоффе мы узнаем, что он давно уже усвоил себе такой фаталистический взгляд, который должен был его привести,—годом раньше или позже—к самоубийству. Но при чем же тут партия?! Зачем валить—буквально—с больной головы на здоровую?! Во всяком случае—*ничего пролетарского* в такой философии нет. Всякий рабочий, работающий на производстве или даже по инвалидности неспособный работать на производстве, но помогающий, по мере сил, общественной работе своего класса, отвергнет эту философию, как чужую. Это, во всяком случае, не философия поднимающегося, идущего к полному освобождению трудовых масс класса.

Не собираемся мы спорить и против другого «тезиса» Иоффе, что всю нашу деятельность мы, будто бы, осмысливаем «служению бесконечному». Нам кажется, что это тоже—не из пролетарской философии.

Иоффе был несколько лет болен. Эта болезнь сделала его не только раздражительным, но, как это нередко бывает с больными людьми, *несправедливым* к окружающим. На этот раз несправедливость эта вылилась в жалобах на невнимание к нему партии. Это обвинение подхватила оппозиция и распространяет его. Но было ли это невнимание? Вот что пишет по этому поводу врач, работающий при лечебной комиссии ЦК ВКП(б):

«Тов. А. А. Иоффе совершенно больным в 1923 г. был привезен из Японии в Москву и сразу же помещен в санаторий для нервно-психических больных «Покровско-Стрешнево», имея в качестве основных заболеваний: тяжелый морфинизм и, так называемый, Корсаковский психоз.

Заболев в 1922 г. какой-то инфекционной болезнью в Манчжурии, тов. Иоффе в течение $1^1/_2$ лет лечился сначала в Китае, затем в Японии от последствий этой инфекционной (продолжавшейся около 10 дней) болезни—множественного воспаления нервов. Главным видом лечения было применение препаратов опия и морфия в качестве болеутоляющих средств. За время лечения т. Иоффе принимал эти средства в громадных количествах, доводя за сутки прием морфия до 2 грамм (смертельной дозой морфия является 0,1 грамма за 1 прием).

Не только не вылечившись от полиневрита, но став морфинистом и заболев нервно-психическим расстройством под названием Корсаковского психоза с бредом и галлюцинациями, тов. Иоффе после лечения в подмосковном санатории излечился от острого психического заболевания, но от морфинизма, несмотря на тщательное лечение, полностью не освободился.

С момента приезда в Москву и помещения в санатории тов. Иоффе, равно как и члены его семьи, стали обслуживаться специалистами и медицинским аппаратом Санупра Кремля.

Имея в качестве постоянного лечащего врача старшего ординатора Кремлевской больницы, д-ра Л. Г. Левина, тов. Иоффе за все годы своей болезни, в порядке лечебном и консультативном, обслуживался известнейшими специалистами, авторитет которых выходит за пределы нашей страны.

В числе лечивших и наблюдавших тов. Иоффе специалистов были профессора: Плетнев, Гетье, Виноградов, Минор, Крамер, Давиденков, Каннабих, Ганнушкин, Тарасевич, Авербах, Фронштейн, Залкинд, врачи—Левин, Канель, Эпштейн; в консилиумах принимали участие в разное время—Погосянц, Ружейников, Семашко, Обросов.

Имея лечебную карточку, пользуясь, как врач, правом непосредственной выписки медикаментов из Кремлевской аптеки, тов. Иоффе был обеспечен максимальной медицинской помощью.

За время своей болезни тов. Иоффе неоднократно помещался в Кремлевскую больницу, при чем один раз в из'ятие из общего правила вместе с ним были помещены его жена и ребенок, так как без них он чувствовал себя плохо.

В 1924—25 и 27 гг. направлялся Лечебной Комиссией на лечение за границу, главным образом, в Вену к доктору Адлеру, сроком на 3—4 месяца каждую поездку. В 1926 г. был направлен вместе с женой в Крым (Ялта).

Из членов семьи—дочь тов. Иоффе направлялась на лечение в 1925 г. в Мацесту на $1^1/_2$ мес. и в подмосковный санаторий на 1 мес.; в 1926 г. в Крым на 1 мес.; 1927 г. в подмосковный санаторий на 1 мес. и в санаторий «Шафраново» на 1 мес.

На заграничное лечение тов. Иоффе было отпущено с 1924 по 1927 г. свыше 36.000 рублей.

Как уже было указано, основным заболеванием тов. Иоффе являлся тяжелый упорный морфинизм, и большинство других болезненных явлений, которыми страдал тов. Иоффе, были прямыми или косвенными следствиями его наркомании.

В виду того, что морфинизм является заболеванием, лечение которого возможно лишь в лечебном заведении больничного типа, и что недавняя поездка тов. Иоффе за границу не дала сколько-нибудь значительного улучшения, возник вопрос о возможности лечения тов. Иоффе в пределах СССР. На вопрос о такой возможности консультация специалистов в составе: профессоров Давиденкова, Виноградова, д-ра Левина с участием врача ЦК ответила утвердительно, указав, что Кремлевская больница при условии соблюдения необходимых для лечения наркоманов правил (строжайший режим, участие психиатров в качестве руководителей лечения и проч.) является наиболее подходящим для указанной цели учреждением. На возможность установления в Кремлевской больнице по отношению к тов. Иоффе режима закрытого учреждения администрация больницы ответила утвердительно. На основании сказанного было решено обратиться к тов. Иоффе за согласием, что было возложено на врача ЦК, *но ни*

Писать после этого в подпольном листке, что «выстрел Иоффе—это не есть проявление упадочничества, проявление социального пессимизма», писать, что «наоборот, это—проявление социального оптимизма», могут только люди, сами насквозь пропитавшиеся этим гнилым воздухом разложения, упадочничества, аморализма по отношению к ленинской партии, членами которой эти люди оставались, строя свою собственную партию—троцкистов «под знаменем Иоффе».

* * *

Бесполезно было бы вести полемику по поводу того, правы ли были Поль и Лаура Лафарг, кончая самоубийством, когда им показалось, что они уже не могут быть полезны для революции. Однако, одно дело—буржуазная Франция в конце XIX столетия; другое дело—СССР. Одно дело—период господства империализма; другое дело—социалистическое строительство в первом рабочем государстве. Из первых страниц письма Иоффе мы узнаем, что он давно уже усвоил себе такой фаталистический взгляд, который должен был его привести,—годом раньше или позже—к самоубийству. Но при чем же тут партия?! Зачем валить—буквально—с больной головы на здоровую?! Во всяком случае—*ничего пролетарского* в такой философии нет. Всякий рабочий, работающий на производстве или даже по инвалидности неспособный работать на производстве, но помогающий, по мере сил, общественной работе своего класса, отвергнет эту философию, как чужую. Это, во всяком случае, не философия поднимающегося, идущего к полному освобождению трудовых масс класса.

Не собираемся мы спорить и против другого «тезиса» Иоффе, что всю нашу деятельность мы, будто бы, осмысливаем «служению бесконечному». Нам кажется, что это тоже—не из пролетарской философии.

Иоффе был несколько лет болен. Эта болезнь сделала его не только раздражительным, но, как это нередко бывает с больными людьми, *несправедливым* к окружающим. На этот раз несправедливость эта вылилась в жалобах на невнимание к нему партии. Это обвинение подхватила оппозиция и распространяет его. Но было ли это невнимание? Вот что пишет по этому поводу врач, работающий при лечебной комиссии ЦК ВКП(б):

«Тов. А. А. Иоффе совершенно больным в 1923 г. был привезен из Японии в Москву и сразу же помещен в санаторий для нервно-психических больных «Покровско-Стрешнево», имея в качестве основных заболеваний: тяжелый морфинизм и, так называемый, Корсаковский психоз.

Заболев в 1922 г. какой-то инфекционной болезнью в Манчжурии, тов. Иоффе в течение 1½ лет лечился сначала в Китае, затем в Японии от последствий этой инфекционной (продолжавшейся около 10 дней) болезни—множественного воспаления нервов. Главным видом лечения было применение препаратов опия и морфия в качестве болеутоляющих средств. За время лечения т. Иоффе принимал эти средства в громадных количествах, доводя за сутки прием морфия до 2 грамм (смертельной дозой морфия является 0,1 грамма за 1 прием).

Не только не вылечившись от полиневрита, но став морфинистом и заболев нервно-психическим расстройством под названием Корсаковского психоза с бредом и галлюцинациями, тов. Иоффе после лечения в подмосковном санатории излечился от острого психического заболевания, но от морфинизма, несмотря на тщательное лечение, полностью не освободился.

С момента приезда в Москву и помещения в санатории тов. Иоффе, равно как и члены его семьи, стали обслуживаться специалистами и медицинским аппаратом Санупра Кремля.

Имея в качестве постоянного лечащего врача старшего ординатора Кремлевской больницы, д-ра Л. Г. Левина, тов. Иоффе за все годы своей болезни, в порядке лечебном и консультативном, обслуживался известнейшими специалистами, авторитет которых выходит за пределы нашей страны.

В числе лечивших и наблюдавших тов. Иоффе специалистов были профессора: Плетнев, Гетье, Виноградов, Минор, Крамер, Давиденков, Каннабих, Ганнушкин, Тарасевич, Авербах, Фронштейн, Залкинд, врачи—Левин, Канель, Эпштейн; в консилиумах принимали участие в разное время—Погосянц, Ружейников, Семашко, Обросов.

Имея лечебную карточку, пользуясь, как врач, правом непосредственной выписки медикаментов из Кремлевской аптеки, тов. Иоффе был обеспечен максимальной медицинской помощью.

За время своей болезни тов. Иоффе неоднократно помещался в Кремлевскую больницу, при чем один раз в из'ятие из общего правила вместе с ним были помещены его жена и ребенок, так как без них он чувствовал себя плохо.

В 1924—25 и 27 гг. направлялся Лечебной Комиссией на лечение за границу, главным образом, в Вену к доктору Адлеру, сроком на 3—4 месяца каждую поездку. В 1926 г. был направлен вместе с женой в Крым (Ялта).

Из членов семьи—дочь тов. Иоффе направлялась на лечение в 1925 г. в Мацесту на 1½ мес. и в подмосковный санаторий на 1 мес.; в 1926 г. в Крым на 1 мес.; 1927 г. в подмосковный санаторий на 1 мес. и в санаторий «Шафраново» на 1 мес.

На заграничное лечение тов. Иоффе было отпущено с 1924 по 1927 г. свыше 36.000 рублей.

Как уже было указано, основным заболеванием тов. Иоффе являлся тяжелый упорный морфинизм, и большинство других болезненных явлений, которыми страдал тов. Иоффе, были прямыми или косвенными следствиями его наркомании.

В виду того, что морфинизм является заболеванием, лечение которого возможно лишь в лечебном заведении больничного типа, и что недавняя поездка тов. Иоффе за границу не дала сколько-нибудь значительного улучшения, возник вопрос о возможности лечения тов. Иоффе в пределах СССР. На вопрос о такой возможности консультация специалистов в составе: профессоров Давиденкова, Виноградова, д-ра Левина с участием врача ЦК ответила утвердительно, указав, что Кремлевская больница при условии соблюдения необходимых для лечения наркоманов правил (строжайший режим, участие психиатров в качестве руководителей лечения и проч.) является наиболее подходящим для указанной цели учреждением. На возможность установления в Кремлевской больнице по отношению к тов. Иоффе режима закрытого учреждения администрация больницы ответила утвердительно. На основании сказанного было решено обратиться к тов. Иоффе за согласием, что было возложено на врача ЦК, *но ни*

известить тов. Иоффе о решении консилиума, ни получить его согласия не удалось вследствие самоубийства больного.

Тов. Иоффе, как врач, для личного пользования выписывал из Кремлевской аптеки медикаменты *непосредственно*, т.-е. без визы лечащих его врачей, или главврача больницы, или врача ЦК. Рецепты тов. Иоффе удовлетворялись без отказа, но за последнее время т. Иоффе начал выписывать сильнодействующие наркотические средства (препараты морфия) в количествах, возбуждавших опасение за их отравляющее действие, в связи с чем администрация Санупра обратилась к врачу ЦК за указаниями о порядке дальнейшего отпуска наркотических средств по рецептам тов. Иоффе. Врачем ЦК было предложено отпускать наркотические средства лишь по рецептам или с визой лечащих тов. Иоффе врачей. Указанная мера была вызвана тем, что одним из средств решительной борьбы с наркоманией является лишение больного возможности пользоваться наркотическими средствами, руководствуясь лишь собственным в том желанием.

Остальные же медикаменты тов. Иоффе выписывал и получал из Кремлевской аптеки в значительных количествах без всяких ограничений.

В заключение необходимо указать, что прогноз при морфинизме относительно жизни неблагоприятен—продолжительность злоупотребления морфием ведет к общему маразму и раньше или позже к смерти. У некоторых развивается душевное расстройство, другие кончают самоубийством.

Морфинизм у врача с психопатической конституцией, как это имелось в случае тов. Иоффе, принадлежит к числу наиболее неблагоприятных и неблагодарных в смысле лечения и предсказания заболеваний».

* * *

Очень грустно, что приходится отвечать и *на такие* нападки на партию. Но что же делать, если против партии выдвигаются упреки, будто она пожалела 1000 рублей на лечение больного товарища, тогда как на самом деле, если взять *только* заграничное лечение Иоффе за 3 года, на него было затрачено 36.000 рублей. *Пусть пролетариат судит*,—была ли здесь проявлена скупость, не было ли, наоборот, такой щедрости, какую страна может себе позволить *только в исключительных случаях*? Но одно дело—физическая болезнь, а другое дело—жалобы на то, что «революция лишила меня моего состояния». Иоффе, действительно, был до революции богатым человеком. Но разве это пролетарская черта—жаловаться на то, что революция лишила члена партии его состояния? Пролетариат участвует в революции, зная, что он в революции «может потерять только свои цепи, приобретает же он целый мир». Нет, жалобы Иоффе—не из пролетарского мира, это—философия мелкобуржуазного революционера, который подводит перед смертью цифровой баланс в своей приходо-расходной книжке и подсчитывает, что он на партию истратил на столько-то рублей больше денег, чем партия истратила на него. Гнилая это «философия», это не наше, не коммунистическое отношение к партии, к классу.

Из того же негодного материала построены и обвинения против партии, что она не разрешала Иоффе писать мемуары по заказу англо-американской буржуазии, без своего просмотра, что

партия требовала предварительной редакции всего того, что публикует от своего имени член партии, занимающий дипломатический пост. Партия *не только в праве*,—она обязана требовать такой редакции Политбюро ЦК или НКИД. И прямо *стыдно* читать эти жалобы на то, что вот 20.000 долларов ускользают, особенно позорно это жалкое прикрытие теми соображениями, что Иоффе, видите ли, был заинтересован в том, чтобы правильно осветить «истинных вождей революции»! Это по заказу-то англо-американских издательств! Неужели и это—«во имя жизни и борьбы!». Неужели и это—«проявление социального оптимизма» и проч. и проч.?! С корнем надо рвать такую гнилую философию всюду, где покажутся ее самые маленькие ростки, как антипролетарские!

«Партия меня обидела»—это неумолчно звучит во всех выступлениях оппозиции. Эти жалобы на заезжание; на недооценку, на обиды со стороны партии по отношению к меньшинству отмечал В. И. Ленин еще в 1904 г., отвечая меньшевику Троцкому и другим тогдашним меньшевикам. Эта же жалоба на обиду со стороны партии составляет основное содержание письма Иоффе. Он жалуется на то, что партия, руководствуясь соображением «не давать работы оппозиционным элементам, не дает мне (Иоффе) ни партийной, ни советской работы того масштаба и характера, в которых я мог бы принести максимум посильной мне пользы». Все знают, что это—неправда. Партия поручала оппозиционерам самые ответственные посты, вплоть до членов правительства (два Наркома—И. Н. Смирнов и Белобородов) до XV с'езда, до того, как оппозиция перешла к явно *антисоветским* шагам (подпольные антипартийные типографии, уличные демонстрации, организация при содействии самого А. Иоффе подпольного «Красного Креста» для поддержки этой антисоветской и антипартийной деятельности и т. п.). Кто прочтет внимательно письмо Иоффе, тот должен будет сказать: партия *не имеет права* оказывать людям, так относящимся к партии, *большего доверия*.

В одном из подпольных листков («Материалы к дискуссии» 24/XI—27 г.) троцкисты пытаются «об'яснить» жалобу Иоффе, что и оппозиция ему не давала работы по его «масштабу». «Это место письма А. А. Иоффе требует пояснений», пишут троцкисты. «Друзья удерживали А. А. от *открытой* (значит от конспиративной не удерживали? *Е. Я.*) и активной аппозиционной работы, опасаясь, как бы в наказание за нее А. А. не был лишен возможности выехать за границу для длительного лечения, без которого его работа вообще могла быть лишь кратковременной». *Странное «об'яснение»*! Обычно оппозиция жаловалась и в ИККИ и внутри ВКП(б) на обратное: *жаловалась на то, что ее «ссылают» за границу*. Всякий видит, насколько жалко, насколько фарисейски лицемерным является это «об'яснение». Правда в том, что Иоффе был настолько болен, наркомания, морфинизм настолько расслабили его, что ни партия, ни оппозиция *не могли* поручать ему *большей работы*.

Вероятно, кое-кто из троцкистов, у которых, как некогда у эсэров «благородство» заменяет программу, а истерия—тактику, изобразит самое благородное негодование по поводу «тона», в котором мы *вынуждены* касаться письма застрелившегося Иоффе («*усопшего*», как пишут ханжески-поповски троцкисты). Но если

«перед смертью не лгут», то нам, живым, тем более непристойно лгать, особенно когда эта ложь направлена *против партии*.

* * *

Итак: «Перед смертью не лгут». Какую «правду» о самом себе и о ЦК ВКП(б) сообщает Иоффе перед смертью, мы видели. Мы можем найти этой «правде» только одно оправдание, если отвлечься от того, что *письмо специально написано для того, чтобы его использовали против партии*: вся психика Иоффе (одного ли его?) настолько разрушена троцкистским подпольным бытием, что Иоффе мог допустить и такие утверждения, будто он «*собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 г. не он, а Вы были правы*. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю Вам это теперь». «Я никогда не сомневался,—пишет Иоффе Л. Троцкому,—в правильности намечавшегося Вами пути, и Вы знаете, что более 20 лет иду вместе с Вами, со времени «перманентной революции».

Где, когда Иоффе слышал от Ленина, что и в 1905 г. был прав не он, Ленин, не большевистская партия, а Троцкий с его теорией «перманентной революции», которую Ленин называл, как известно, «несуразно-левой»? Не в бредовом ли воображении морфиниста возникла этакая галлюцинация? Если и в 1905 г. не он, а Вы (т.-е. Л. Троцкий. *Е. Я.*) были правы», то и в другие годы была права не большевистская партия, а Троцкий. Иоффе «*никогда* не сомневался в правильности намечавшегося» Л. Троцким пути: ни тогда, когда Троцкий сколачивал августовский блок, ни тогда, когда колебался между большевиками и меньшевиками в период империалистической войны, ни в период Бреста, ни в профсоюзную дискуссию. Но большевистская партия не только сомневалась, Ленин не только «сомневался» в правильности этого пути, но в целом ряде литературных произведений резко *осудил* троцкизм и *1905 г.*, и последующих годов. Для чего понадобилась эта клевета на Ленина, будто он неоднократно признавал, что партия ошибалась, а Иоффе и Троцкий были правы, как не для того, чтобы попытаться дать еще один образец и беспардонного отношения к имени Ленина и не менее беспардонного обращения с историческими фактами со стороны троцкистов. Однако, это вовсе не случайный болезненный выпад Иоффе: это часть той же упадочнической философии, которая выдумывает «факты» («собственными ушами слышал»), чтобы оправдать неправильный путь троцкизма. Если, действительные, не выдуманные факты, если все то, что делал, писал, или говорил Ленин против троцкизма, противоречат утверждениям троцкистов,—тем хуже для этих фактов,—так думают последователи такой гнилой упадочнической философии.

* * *

В соответствии с тем, что всегда говорил учитель Иоффе—Л. Троцкий,—Иоффе не может иначе расценивать исключение Зиновьева и Троцкого, как «величайшей важности историческое событие», которое «*неизбежно должно явиться началом термидорианского периода в нашей революции*».

И вот, совершенно так же, как герои мелкобуржуазной эсэровской партии воображали, что «эксцитативным» террором они дают *толчок* движению масс, Иоффе делает попытку подвести под свое самоубийство мотивировку героического поступка. Он изображает дело так, что его самоубийству на ряду с «величайшей важности историческим событием»—исключением Зиновьева и Троцкого из партии—«*суждено стать именно тем толчком, который пробудит партию и остановит ее на пути скатывания к термидору*».

XV с'езд показал, кто к чему скатывался, когда для всякого стало ясно, что партия здоровее, крепче, чем когда бы то ни было, полна сил и энергии социалистического строительства, связана с массами, как никогда, близка пролетариату, охватывает такие пролетарские массы, как никогда. Это меньшевистское, нудное карканье насчет термидора звучит теперь прямо смешно. Но оно ведь составляет *нутро* той гнилой философии, которая не видит ничего, кроме политических сумерек в стране, где развертывается невиданной мощности социалистическое движение, которая в гибели собственных планов видит гибель, «закат» революции, свое собственное перерождение принимает за перерождение партии, свой распад принимает за распад партии. Если это еще неясно, это прочувствует каждый, кто прочтет письмо А. Иоффе, которое тем и характерно, что в наиболее обнаженной форме вскрыло полную несовместимость троцкистской философии с борьбою за социализм уверенного в своих силах пролетарского класса, уверенной в своей правоте ленинской большевистской партии.

Мы знаем, что для многих из тех, кто увлекся на путь борьбы с партией, кого обманули имена вождей оппозиции и кажущаяся убедительность их критики недостатков нашей партии и Коминтерна, переживаемый нами момент является трагедией. Два года (а иные много лет) оппозиция собирала свои силы. Громкие имена вождей, талантливые ораторы и писатели вооружились против партии и вооружили несколько тысяч членов партии для борьбы с ленинской партией под предлогом, что эта партия перерождается, переродилась, окулачилась, отермидорилась и проч. и проч. Все средства были пущены в ход. А в результате—неслыханное поражение—идейный и организационный разгром, сознание своей неправоты, мучительные поиски выхода из того, тупика, куда завели их те, кто шел «под знаменем Иоффе». Для многих товарищей, которых эта борьба против партии привела к тому, что они очутились фактически или морально вне ВКП(б), путь возвращения к партии будет тем более мучительным путем, чем глубже раз'ела их эта философия упадочничества, звучащая в каждой строке письма Иоффе. Вот почему мы считаем, что обязаны были *со всей резкостью* вскрыть антиленинские, антипролетарские черты этой упадочнической философии, философии разложения, которая развивается на почве пораженческих настроений оппозиции, перерождающейся все более и более в неприкрытый меньшевизм.

К счастью, эта похоронная философия могла захватить в нашей партии ничтожную часть. Сама партия настолько здорова, что она способна влить новые жизненные соки во всякого, кто найдет в себе честность признать и осудить безоговорочно свои ошибки, вернуть этим товарищам жизнерадостность творчества пролетарской партии, строящей социализм.

Мы только-что получили № 2 — 3 журнальчика французской оппозиции (Трэн и др.), где помещено описание похорон Иоффе в совершенно таких тонах, как описывают выдуманные восстания в нашей стране «собственные корреспонденты» белогвардейских газет. Вот полюбуйтесь:

«Его похороны послужили поводом для организации *грандиозной демонстрации* в Москве. Несмотря на то, что похороны состоялись в рабочие часы, *тысячи и тысячи рабочих*, товарищей по партии, делегатов от Красной армии следовали за гробом, который, между прочим, несли также Троцкий и Чичерин. Был серый день и снежный путь, день, который хватал за сердце. Когда процессия достигла Новодевичьего кладбища, Чичерин, Карахан и Раковский произнесли речи над могилою Иоффе. «Он ушел,—сказал Раковский,—когда он понял, что этим крайним поступком он будет служить своей партии». И после этого заговорил Троцкий. По мере того, как развертывалась его мысль, сосредоточенное внимание все усиливалось, и, когда *среди общего волнения и неописуемого молчания*, Троцкий закончил свое прощальное слово, говоря: «Как ты, мы клянемся итти до конца, не ослабевая, под знаменами Маркса, и Ленина!»—буря криков вылилась в словах: «Мы тоже клянемся!»

На обратном пути Троцкого, Зиновьева, Раковского и Каменева встречали горячие манифестации симпатии со стороны рабочих, которые составляли процессию».

Ну, скажите: кому нужно это бесстыдное, хлестаковское вранье, это «неописуемое молчание («Silence indicible»), это превращение обычных в Москве похорон в «грандиозную демонстрацию»?

Е. Я.

Приложение к статье тов. Е. Ярославского.

ПИСЬМО А. ИОФФЕ.

Дорогой Лев Давидович!

Я всегда, всю свою жизнь стоял на той точке зрения, что политический, общественный деятель должен также уметь вовремя уйти от жизни, как, например, актер—со сцены, и что тут даже лучше сделать это слишком рано, нежели слишком поздно. Еще зеленым юношей, когда самоубийства Поля Лафарга и жены его Лауры Маркс наделали столько шуму в социалистических партиях, я твердо защищал *принципиальную* правильность их позиции и, помнится, ожесточенно возражал Августу Бебелю, очень возмущавшемуся этими самоубийствами, что если можно спорить против того возраста, который устанавливали Лафарги, ибо здесь дело не в годах, а в *возможной полезности* политического деятеля, то ни в коем случае нельзя спорить против самого принципа ухода политического деятеля из жизни в тот момент, когда он сознает, что не может больше приносить пользы тому делу, служению коему посвятил себя.

Более 30 лет назад я усвоил себе философию, что человеческая жизнь лишь постольку и до тех пор имеет смысл, поскольку и до какового момента она является служением бесконечному, которым для нас является человечество, ибо, поскольку все остальное конечно, постольку работа на это лишена смысла; если же и человечество, быть может, тоже—конечно, то во всяком случае конец его должен наступить в такие отдаленные времена, что для нас оно может быть принято за абсолютную бесконечность. А при вере в прогресс, как я в него верю, вполне можно себе представить, что даже когда погибнет наша планета, человечество будет знать способы перебраться на другие, более молодые и, следовательно, будет продолжать свое существование и тогда, а, значит, все содеянное в его пользу в наше время будет отражаться и в тех отдаленных веках, т.-е. придаст единственный возможный смысл нашему существованию и нашей жизни. В этом, и только в этом, я всегда видел единственный смысл жизни; и теперь, оглядываясь на прожитую мою жизнь, из которой я 27 лет провел в рядах нашей партии, я—думается мне—имею право сказать, что *всю* свою сознательную жизнь оставался верен своей философии, т.-е. всю ее прожил *со смыслом*, ибо—в работе и борьбе за благо человечества. Даже годы тюрьмы и каторги,—когда человек отстранен от непосредственного участия в борьбе и служении человечеству,—не могут быть вычеркнуты из числа осмысленных, имеющих смысл годов жизни, ибо, являясь годами самообразования и самовоспитания, эти

годы способствовали улучшению работы впоследствии и поэтому точно так же могут быть отнесены к годам работы на пользу человечества, т.-е. к годам, прожитым со смыслом. Кажется мне, я имею право утверждать, что я ни одного дня своей жизни, в этом понимании, не прожил без смысла.

Но теперь, повидимому, наступает момент, когда жизнь моя *утрачивает свой смысл*, и, следовательно, для меня появляется *обязанность* уйти из нее, покончить с нею.

Уже несколько лет нынешнее партийное руководство нашей партией,—в соответствии с общей проводимой им линией не давать работы оппозиционным элементам,—не дает мне ни партийной ни советской работы того масштаба и характера, в которых я мог бы принести максимум посильной мне пользы. Последний год, как вам известно, Политбюро совершенно отстранило меня, как оппозиционера, от всякой партийной и советской работы.

С другой стороны, отчасти, вероятно, по причине моей болезненности, отчасти, возможно, и по причинам, которые вам лучше известны, чем мне,—я и в практической оппозиционной борьбе и работе этот год почти не принимал участия.

С огромной внутренней борьбой и сначала с величайшей неохотой я ушел в ту область работы, к которой надеялся прибегнуть лишь тогда, когда уже стану полным инвалидом, и вошел целиком в научно-педагогическую и литературную работу. Как ни тяжело это было сначала, но я постепенно вошел в эту работу и стал надеяться, что и при этой работе жизнь моя все же сохранит ту внутренне необходимую ей полезность, о которой я говорил выше и которая только и может с моей точки зрения оправдать мое существование.

Но здоровье мое все ухудшалось и ухудшалось.

В 20-х числах сентября по неведомой мне причине Лечебная Комиссия ЦК потребовала меня на консультацию профессоров-специалистов, и последняя установила у меня активный туберкулезный процесс в обоих легких, миокордит, хроническое воспаление желчного пузыря, хронический колит с аппендицитом и хронический полиневрит (множественное воспаление нервов); освидетельствовавшие меня профессора категорически заявили мне, что состояние моего здоровья гораздо хуже, чем я себе это представляю, что я думать не должен надеяться дочитать до конца свои курсы в вузах (I МГУ и Институте Востоковедения), что, наоборот, гораздо благоразумнее мне сейчас же бросить эти планы, что мне и дня лишнего нельзя оставаться в Москве и часу лишнего нельзя быть без лечения, что мне необходимо немедленно же поехать за границу в соответственный санаторий, а т. к. эту-де поездку нельзя выполнить в пару дней, то на короткое время до от'езда за границу они предписывают мне кое-какие медикаменты и лечение в Кремлевской поликлинике. На мой прямой запрос, какие же шансы, что я вылечусь за границей и могу ли я лечиться в России, не бросая работы, профессора, в присутствии ст. врача ЦК, т. Обросова, еще одного врача-коммуниста и ст. врача Кремлевской больницы, А. Ю. Коннель, категорически заявили, что российские санатории мне ни в коем случае помочь не могут, что я должен надеяться на заграничное лечение потому, что до сих пор ни разу более двух-трех месяцев за границей не лечился, а что теперь они именно настаивают на поездке *минимум на полгода*, не ограничивая максимума, и что при таких условиях они не сомневаются, что если я и не вылечусь окончательно, то во всяком случае на длительный срок смогу вполне работать.

Около двух месяцев после этого никаких абсолютно шагов со стороны Лечебной Комиссии ЦК (которая ведь сама и созвала упомянутый консилиум) не было сделано не только в направлении моей отправки за границу, но и в деле моего лечения здесь. Наоборот, с некоторого времени Кремлевская аптека, которая всегда до сего выдавала мне лекарства по моим рецептам, получила запрещение делать это, и я фактически был лишен той бесплатной медикаментозной помощи, которою всегда пользовался, и вынужден был покупать необходимые мне лекарства за свой счет в городских аптеках (кажется в это же время руководящая группа нашей партии перешла и в отношении других товарищей из оппозиции к выполнению своей угрозы, «бить оппозицию по желудку»).

Покуда я был настолько здоров, что мог работать, я на все это обращал мало внимания. Но т. к. мне становилось все хуже и хуже, то жена моя начала хлопотать и в Лечебной Комиссии ЦК и лично у Н. А. Семашко (так ведь всегда публично ратующего за осуществление лозунга «беречь старую гвардию») о моей отправке за границу. Вопрос, однако, все время откладывался рассмотрением, и единственное, чего жена добилась, это—выдачи ей выписки постановления консилиума, в котором перечислены мои хронические болезни и указано, что консилиум настаивает на отправке меня за границу «в санаторий типа проф. Фридлендера сроком до одного года».

Тем временем девять дней назад я слег окончательно, т. к ухудшились и обострились (как это всегда бывает) все мои хронические болезни и, что ужаснее всего, мой застарелый полиневрит опять принял острую форму, при которой приходится терпеть совершенно невыносимые, адские боли, и я совершенно лишен возможности ходить.

Фактически эти девять дней я не имею никакого лечения, и обсуждается вопрос о моей заграничной поездке. Из врачей ЦК никто ни разу не был. Навестившие меня проф. Давиденко и д-р Левин, хотя и прописали какие-то пустяки (которые ничего не помогают, конечно), но тут же признали, что «ничего сделать не могут» и что необходима скорейшая поездка за границу. Д-р Левин сказал как-то жене, что вопрос затягивается, ибо в Лечебной Комиссии, наверное, думают, что жена моя поедет со мной, а «это-де очень дорого» (когда заболевают товарищи не из оппозиции, то их, а зачастую и их жен, как известно, сплошь да рядом отправляют за границу в сопровождении наших врачей или профессоров; я сам знаю много таких случаев и должен также констатировать, что когда я в первый раз заболел тем же острым полиневритом, меня отправили за границу в сопровождении всей моей семьи, жены и ребенка, и профессора Каннабиха; тогда, впрочем еще не было вновь установившихся нравов в партии).

Жена на это ответила, что, как ни тяжело мое состояние, но она вовсе не претендует, чтобы она или кто-либо вообще сопровождали меня. На это д-р Левин уверил ее, что в таком случае разрешение вопроса пойдет скорее.

Мое состояние все ухудшается, боли стали настолько невыносимыми, что я, наконец, потребовал хоть какого-нибудь облегчения у врачей. Бывший у меня сегодня д-р Левин опять повторил, что они ничего сделать не могут и что единственное спасение в скорейшей поездке за границу.

А вечером врач ЦК, т. Потемкин, сообщил моей жене, что Лечебная Комиссия ЦК постановила меня за границу не посылать и лечить в России, т. к. профессора-специалисты настаивают на длительном лечении за границей и кратковременное—считают бесполезным, ЦК же, наоборот, согласен дать на мое лечение до тысячи долларов (до 2-х тысяч рублей) и не считает возможным ассигновать больше.

Я, как вам известно, в прошлом отдал не одну тысячу рублей в нашу партию, во всяком случае больше, чем я стоил партии с тех пор, как революция лишила меня моего состояния, и я не могу уже лечиться за свой счет.

Англо-американские издательства неоднократно предлагали мне за отрывки из моих воспоминаний (по моему выбору, с единственным требованием, чтобы вошел период Брестских переговоров) сумму до 20 тысяч долларов; Политбюро прекрасно знает, что я достаточно опытен и как журналист и как дипломат, чтобы не напечатать того, что может повредить нашей партии или государству, и неоднократно был цензором и по ПКИД и по ГКК, а в качестве полпреда и по всем выходящим в данной стране русским произведениям. Я просил несколько лет назад разрешения Политбюро на издание таких своих мемуаров с обязательством весь гонорар отдать в партию, ибо мне тяжело-де брать от партии деньги на свое лечение. В ответ на это я получил прямое постановление ПБ, что «дипломатам или товарищам причастным к дипломатической работе запрещается категорически печатать за границей свои воспоминания или отрывки воспоминаний без предварительного просмотра рукописи Коллегией НКИД и Политбюро ЦК». Зная, какая затяжка и неаккуратность произойдет при такой двусторонней цензуре, при которых нельзя даже и связываться с заграничным издательством, я тогда, в 1924 году, отказался от этого предложения. Теперь, когда я был за границей и получил новое,—уже с прямой гарантией 20 тысяч долларов гонорара, но зная, как теперь фальсифицируется и история партии и история революции, и не считая возможным приложить свою руку к подобной фальсификации, не сомневаясь, что вся цензура Политбюро (а иностранные издательства настаивают именно на более *личном* характере воспоминаний, т.-е. на характеристиках действующих в них лиц и т. п.) сведется к недопущению правильного освещения лиц и деятельности ни с одной, так сказать, ни с другой стороны, т.-е. ни истинных вождей революции, ни квази вождей ее, теперь возведенных в этот сан,—я, без прямого нарушения постановления политбюро, не считаю возможным издание своих мемуаров за границей, следовательно, не вижу возможности лечиться, не получая денег от ЦК, который явно за всю мою 27-летнюю революционную работу считает возможным оценить мою жизнь и здоровье суммою не свыше 2-х тысяч рублей.

В таком состоянии, как я сейчас,—я, конечно, лишен возможности делать хоть какую-нибудь работу. Даже, если бы я оказался в силах, несмотря на адские боли, все же продолжать

чтение своих лекций, такое положение требовало бы серьезного ухода, переноски меня всюду на носилках, помощи в добыче в библиотеках и архивах нужных книг и материалов и т. п. В прошлую мою такую же болезнь к моим услугам был целый штат полпредства, теперь же мне «по чину» даже личного секретаря не полагается; при том невнимании ко мне, которое последнее время постоянно проявляется при всех моих заболеваниях (вот и теперь, как сказано, я девять суток—без всякой помощи фактически, и даже предписанной мне проф. Давиденко электрической грелки пока добиться не могу),—я не могу рассчитывать даже на такой пустяк, как переноска меня на носилках.

Даже, если бы меня лечили и послали на необходимый срок за границу,—положение оставалось бы в высшей степени пессимистическим: прошлый раз я в остром состоянии полиневрита без движения пролежал около двух лет; тогда у меня, кроме этой болезни, никаких других не было и тем не менее все мои болезни пошли именно от этой; теперь у меня насчитывается их что-то около шести; даже, если бы я мог теперь, сколько нужно времени посвятить лечению, и тогда я вряд ли имел бы право рассчитывать на мало-мальски сносный срок продолжительности жизни после этого лечения.

Теперь же, когда меня не считают возможным серьезно лечить (ибо лечение в России—и по мнению врачей безнадежно, а лечение за границей на пару месяцев—столь же бесполезно)—*жизнь моя теряет всякий смысл*; даже, если не исходить из моей философии, очерченной выше, вряд ли можно признать для кого-нибудь нужной жизнь в невероятных мучениях, лежа без движений и без возможности вести хоть какую-нибудь работу.

Вот почему я говорю, что наступил момент, когда необходимо эту жизнь кончать. Я знаю вообще отрицательное отношение партии к самоубийцам, но я полагаю, что вряд ли кто-нибудь, уяснив себе все мое положение, смог бы осудить меня за этот шаг.

Кроме того, проф. Давиденко полагает, что причиной вызвавшей рецидив острого моего заболевания полиневритом,—являются волнения последнего времени. Если бы я был здоров, я нашел бы в себе достаточно сил и энергии, чтобы бороться против созданного в партии положения. Но в настоящем своем состоянии я считаю невыносимым такое положение в партии, когда она молчаливо сносит *исключение Ваше из своих рядов*, хотя абсолютно не сомневаюсь в том, что рано или поздно наступит в партии перелом, который заставит ее сбросить тех, кто довел ее до такого позора... В этом смысле моя смерть является *протестом* борца, который доведен до такого состояния, что никак и ничем иначе на такой позор реагировать не может.

Если позволено сравнивать великое с малым, то я сказал бы, что величайшей важности историческое событие, исключение Вас и Зиновьева из партии, что неизбежно должно явиться началом термидорианского периода в нашей революции, и тот факт, что меня после 27 лет революционной работы на ответственных партийно-революционных постах ставят в положение, когда не остается ничего другого, как пустить себе пулю в лоб,—

с разных сторон демонстрируют один и тот же режим в партии и, быть может, обоим этим событиям, малому и великому совместно,—удастся или суждено стать именно тем толчком, который пробудит партию и остановит ее на пути скатывания к термидору. Я был бы счастлив, если бы мог быть уверен, что так именно будет, ибо знал бы тогда, что умер не даром. Но, хотя я знаю твердо, что момент пробуждения партии наступит, я не могу быть уверен, что это будет теперь же... Однако, я все-таки не сомневаюсь в том, что смерть теперь может быть полезнее моей дальнейшей жизни.

Нас с Вами, дорогой Лев Давидович, связывает десятилетие совместной работы и личной дружбы тоже, смею надеяться. Это дает мне право сказать Вам на прощание то, что мне кажется в Вас ошибочным.

Я никогда не сомневался в правильности намечавшегося Вами пути и Вы знаете, что более 20 лет иду вместе с Вами, со времен «перманентной революции».

Но я всегда считал, что Вам недостает ленинской *непреклонности, неуступчивости*, его готовности остаться хоть одному на признаваемом им правильном пути, в предвидении будущего большинства, будущего признания всеми правильности этого пути.

Вы *политически всегда были правы*, начиная с 1905 года, и я неоднократно Вам заявлял, что собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году *не он, а Вы* были правы. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю Вам это теперь... Но вы часто *отказывались от собственной правоты* в угоду переоцениваемому Вами соглашению, компромиссу. Это—ошибка. Повторяю, политически Вы всегда были правы, а теперь *более правы, чем когда-либо*. Когда-нибудь партия это поймет, а история обязательно оценит. Так не пугайтесь же теперь, если кто-нибудь от Вас даже отойдет или, тем паче, если не многие так скоро, как этого бы всем нам хотелось, к Вам придут. Вы—правы, но залог победы Вашей правоты—именно в максимальной неуступчивости, в строжайшей прямолинейности, в полном отсутствии всяких компромиссов, точно так же, как всегда в этом именно был секрет побед Ильича.

Это я много раз хотел сказать Вам, но решился только теперь, на прощанье.

Два слова по личному поводу. После меня остаются малоприспособленная к самостоятельной жизни жена, маленький сын и больная дочь. Я знаю, что теперь Вы ничего для них не сможете сделать, а на теперешнее руководство партии я и в этом отношении абсолютно не рассчитываю. Но я не сомневаюсь, что недалек тот момент, когда Вы опять займете подобающее Вам место в партии. Не забудьте тогда моей жены и деток.

Желаю Вам не меньше энергии и бодрости, чем Вы проявляли до сих пор, и наискорейшей победы. Крепко обнимаю. Прощайте.

Ваш *А. Иоффе.*

Москва, 16 ноября 1927 г.

П. С. Письмо написано с 15 на 16-е ночью, а сегодня, 16-го днем Мария Мих. была в Лечебной Комиссии с целью настоять на моей отправке за границу хотя бы и на 1—2 месяца. На это ей было повторено, что, по мнению профессоров-специалистов, краткосрочная поездка за границу совершенно бесполезна, и было заявлено, что Лечебной Комиссией ЦК постановлено немедленно перевезти меня в Кремлевскую больницу. Таким образом, мне отказано даже в краткосрочной лечебной поездке за границу, а то, что лечение в России не имеет никакого смысла и не даст никакой пользы, как указано, признается всеми моими врачами.

Дорогой Лев Давидович, я очень сожалею, что мне не удалось Вас повидать, не потому, что я сомневался бы в правильности принятого мною решению и надеялся бы, что Вы сможете меня переубедить. Нет. Я нисколько не сомневаюсь в том, что это—самое разумное и трезвое из всех решений, которые я мог бы принять. Но я боюсь за это свое *письмо*; такое письмо не может быть не суб'ективным, а при столь резком суб'ективизме может утратиться критерий об'ективности, и какая-нибудь одна фальшиво звучащая фраза может испортить все впечатление от письма. Между тем, я, конечно, рассчитываю на использование Вами этого письма, ибо только в этом ведь случае мой шаг сможет дать свою пользу.

Поэтому я не только даю Вам полнейшую свободу редактирования моего письма, но даже очень прошу Вас исключить из него все то, что Вам покажется лишним и добавить то, что Вы сочтете необходимым.

Ну, прощайте, дорогой мой. Крепитесь, Вам еще много силы и энергии понадобится. А меня не поминайте лихом.

А.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Критические заметки[1]).

(По поводу книги А. Леонтьева и Хмельницкой «Очерки переходной экономики»).

I.

За последнее время попытки теоретического осмысливания разнообразных форм хозяйственной жизни Советского Союза, как переходной эпохи от капитализма к социализму, все учащаются.

Газетные и журнальные статьи, брошюры, толстые книги, трактующие те или иные проблемы, связанные с экономикой переходного периода, все чаще и чаще появляются на книжном рынке.

Довольно об'емистый труд Леонтьева и Хмельницкой решает самые кардинальные проблемы теоретической экономии в условиях советского хозяйства.

Стоимость, проблема распределения, деньги и кредит—вот вопросы, которые трактуются в названных «очерках».

Раньше, чем приступить к разбору основных положений, выдвигаемых авторами, следует сделать несколько мелких замечаний.

Первая глава решает вопрос, как надо изучать хозяйство.

Подход совершенно правильный. Для того, чтобы решать вопросы экономической структуры определенного типа, необходимо вначале установить общеметодологические принципы, которые могли бы служить оружием для анализа. Первая глава в «очерках» начинается с определения хозяйства. Неверные трактовки хозяйства разными экономистами буржуазного лагеря блестяще разобраны Розой Люксембург.

Пока авторы просто повторяют Розу (что совершенно верно и похвально), до тех пор выходит хорошо и убедительно. Но как только начинается самостоятельная критика, так сразу же вместо «разноса» инакомыслящего получается пустое махание картонным мечем. Вот образец: разносится Чупров за его определение хозяйства. Чупров говорит: «подведение баланса между выгодами и пожертвованиями составляет специально экономическую точку зрения», а дальше: «мы называем хозяином того, кто держит в руках расчеты». Приведя эти слова, авторы разражаются гневными восклицаниями: «Однако, кому же неизвестно,—говорят они,—что *расчеты* и *баланс* возможны лишь там, где имеется единица хозяйственного учета в денежной или ценностной форме» (стр. 9), т.-е., другими словами, термины «расчет» и «баланс» суть категории капитализма.

Для авторов известно, что понятия «расчет» и «баланс» присущи лишь капиталистическому хозяйству, а вот читателю совершенно это и невдомек. Почему понятие «расчет» должно выражать «область безраздельного господства ценностной единицы и ценност-

[1]) *От редакции.* Помещая «Критические заметки» т. Кармалитова, редакция оговаривает дискуссионный характер некоторых положений автора и считает целесообразным обсуждение затрагиваемых в статье проблем в ближайших номерах «Большевика».

ных отношений» (там же), аллах ведает. Почему термин «баланс» должен быть забыт с кончиной капитализма, тоже непонятно. Ведь это же просто технические термины, а не категории капитализма. Можно и надо критиковать Чупрова за его попытки просунуть капиталистические отношения, как вечно существующие, но критиковать пустое место не очень похвально для авторов об'емистых «очерков».

Как известно, тов. Преображенский в своей «Новой Экономике» находит в советском хозяйстве два закона, которые ведут между собою борьбу: закон стоимости и закон первоначального социалистического накопления. Авторы совершенно правильно указывают, что таких двух законов не существует. Но что же есть? А вот что: «...переходное хозяйство характеризуется тем, что в нем происходит непрерывная борьба между двумя различными и противоположными формами проявления экономической закономерности» (стр. 91), а дальше: «...напротив происходит борьба за ликвидацию *всяких* экономических законов, т.-е. господствующих над обществом продуктов его собственного исторического развития, за смену этих «законов» осознанными и опосредствованными общественным человеком закономерностями организованного хозяйства» (там же).

Следовательно, в организованном хозяйстве никаких законов в экономическом смысле не будет, останутся лишь одни закономерности, которые и проводятся в жизнь «общественным человеком» «организованного хозяйства». Другими словами, понятие «закон» есть историческая категория, присущая «гетерогенному» типу хозяйства, экономическая же «закономерность» есть логическая категория, действующая при разных общественных формациях. Короче, «экономическая закономерность» есть содержание, «закон», форма проявления этого содержания при неорганизованном хозяйстве. «Экономические законы» при социализме будут уничтожены, останутся «экономические закономерности».

Такое противопоставление «закона» «закономерности» есть пустая схоластика.

Если брать аналогии из других областей, то получается по Леонтьеву и Хмельницкой, что в природе существуют только закономерности, законы же природы налицо до тех пор, пока закономерности природы не осознаны человеком, как только эти законы сознательным человеком начинают использоваться в его целях, они перестают быть законами, превращаясь в закономерности.

Противопоставление закона закономерности, как формы содержанию, неправильно. Когда мы изучаем производственные отношения капиталистического строя, то нам прежде всего необходимо посмотреть развивающийся капитализм в его равновесии. «Всякий ребенок знает,—говорит Маркс,—что каждая нация погибла бы с голода, если бы она приостановила работу, не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель» (Маркс—письма к Кугельману). Равновесие всякой экономической формации, следовательно, предполагает наличие бесперебойного процесса производства. Бесперебойный же процесс труда возможен лишь при условии наличия определенных связей между разными частями производства.

Общество живет, удовлетворяет свои потребности продуктами производства, для существования общества, таким образом, необходимо распределить весь общественный труд между разными отраслями. Так что распределение совокупного общественного труда в

определенных пропорциях между разными частями производства есть необходимое условие существования всякого общества.

«Очевидно само собой,—говорит Маркс,—что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях никоим образом не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться лишь может форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в *которой эти законы проявляются*». Маркс—письма, стр. 153). Из приведенной цитаты что-то не видно, чтобы Маркс приписывал наличие закона только «гетерогенной» системе хозяйства. Наоборот, Маркс говорит: «законы природы вообще не могут быть уничтожены». А таким законом природы для общества является пропорциональное распределение «совокупного общественного труда».

Таким образом, «закон трудовых затрат»,—выражение Бухарина,—неизменно действует во всех экономических формациях. Но способ производства, другими словами, определенные производственные отношения создают разные формы проявления этому закону. При простом товарном хозяйстве формой проявления «закона трудовых затрат» выступает стоимость. Задача исследования заключается в том, чтобы показать, какую форму «закон трудовых затрат» принимает в экономике переходного периода. Авторы же просто отбрасывают этот закон, считая его категорией капитализма.

Так что, когда авторы критикуют Преображенского за его учение о двух законах в переходной экономике, это совершенно правильно, когда же они отрицают наличие всякого закона для организованного хозяйства, считая, что законы присущи лишь хозяйству «гетерогенного» типа, этим они сходят с правильной линии. Вопрос о форме проявления «закона трудовых затрат» в экономике советского хозяйства есть вопрос о равновесии хозяйственной системы диктатуры пролетариата.

Таким образом, авторами даже не поставлен как следует вопрос. У них нет того исходного пункта, от которого должен начинаться анализ. Правда, авторы понимают, что «закон трудовых затрат» действует вне зависимости от общественных структур. Так, на 133 стр. они говорят: «Задача пропорционального распределения общественного труда, задача установления соответствия между производством и потреблением в такой же мере остается в силе как для социалистического общества, так и для капиталистического хозяйства». Но эти совершенно верные слова приводятся для других целей. Отсутствие исходного пункта, от которого должен был итти анализ, сказывается на всей работе. Нет стержня, который пронизывал бы сверху донизу исследование авторов. Авторы неоднократно повторяют, что взаимоотношение между социалистическим сектором и частнокапиталистическим надо рассматривать не механически, а в их химическом соединении. Но нужно сказать, что химического соединения разных экономических укладов переходной экономики авторами не дано. Наоборот, в этом вопросе они целиком стоят на точке зрения Преображенского, хотя во многих местах и пытаются от него отгородиться.

Прежде всего, что понимают авторы под «химическим сродством» между разными частями Советского Союза.

«Если бы в народном хозяйстве существовали рядом товарно-капиталистическая часть и дефитишизированная, натурально-организованная социалистическая, мы не имели бы единого народнохозяйственного организма, а имели бы скорее подобие смеси масла и воды. Механическая смесь заняла бы место химического соединения, ибо социалистическое хозяйство обладает химическим сродством с товарно-капиталистической структурой лишь в том случае и при том условии, когда оно принимает фетишистическую стихийно-рыночную ценностную (валюрастическую) форму производственных отношений» (стр. 110—111).

Такая установка совершенно верна, но это только постановка вопроса. Для того, чтобы *могло быть* химическое соединение, необходим общий язык. Этим языком для разных экономических укладов является товарная форма. Но если сказать только это, а авторы, как увидим, дальше не пошли, то правильно поставленная задача не будет решена.

Так, дальше они пишут: «Если господство рынка характеризует товарно-капиталистическую форму производства, то господство плана характерно для хозяйственной структуры социалистического хозяйства. Противопоставление рынка, с одной стороны, и плана, с другой, вполне законно с логической и методологической точки зрения. Безличный рынок и сознательный план—это две различные, противоположные формы, в которых прокладывает себе дорогу экономическая необходимость в двух диаметрально-противоположных формах общественного хозяйства» (стр. 113).

А дальше: «Но эта полная сознательная плановость, характеризующая развернутое социалистическое хозяйство, лишь постепенно, шаг за шагом, отвоевывает себе место в экономике переходной эпохи. Процесс борьбы между рыночным началом—очень длительный, сложный, богатый противоречиями процесс» (стр. 114).

А еще дальше: «План, сознательное, рациональное руководство противопоставляется доселе неограниченной власти рынка. Но само это противопоставление происходит на основе товарно-меновой, т.-е. рыночной формы производственных отношений» (стр. 120).

Мы привели такое обилие цитат с тем, чтобы показать, что, по мнению авторов, химическое сродство между товарно-капиталистическим сектором хозяйства и социалистическим заключается в их товарной связи—не более, с другой стороны, полное противопоставление планового начала «ничем не ограниченной власти рынка» проводится довольно наглядно.

Существует плановый сектор и на ряду с ним товарно-стихийный, оба они ведут борьбу между собою в товарно-ценностной оболочке.

В этом и только в этом их химическая связь,—вот и вся премудрость приводимых цитат. Нужно сказать, что *такой* «анализ» экономики переходного периода не стоит и выеденного яйца. Вопрос о связи социалистического сектора с частнокапиталистическим в экономике переходного периода не решается указанием на борьбу этих двух элементов.

Решить поставленный вопрос можно лишь исходя из приводимого выше положения о пропорциональном распределении общественного труда между разными отраслями производства. Пропорциональное же распределение труда есть вопрос об экономическом равновесии хозяйственной системы.

Закон трудовых затрат при капитализме принимает форму стоимости. Закон трудовых затрат при социализме принимает форму сознательно устанавливаемого плана. В чем отличие? Отличие заключается не только в том, что в первом случае налицо стихийное хозяйство, а во втором—планово-организованное, разница в том, что в первом случае закон стоимости создает условия *определенного* темпа развития производительных сил, во втором же—при господстве плана—будет другой темп, темп более быстрого развития производительных сил. Вот в чем разница. Таким образом, когда ставится вопрос о борьбе плана со стихией, этим ставится вопрос о темпе развития производительных сил. Плановое начало предполагает более быстрое движение производительных сил, чем движение при стихийно-организованном хозяйстве. Но равновесие экономической системы возможно лишь при условии, если план и стихия не просто будут бороться, а проникать друг друга. Здесь требуется определенное сожительство двух противоположных по своему типу экономических укладов, а такое сожительство, «химическая связь» вырабатывает совершенно отличный темп развития производительных сил, отличный как от того темпа, который присущ плановому социалистическому строю, когда все части народного хозяйства находятся под руководством единого плана, так и от темпа капиталистической структуры с его анархией.

В этом и только в этом своеобразие экономики переходного периода, а также и трудность анализа.

Отсутствие правильного исходного пункта при подходе к анализу привело авторов к простому повторению того ошибочного, что было уже сказано Преображенским. Борьба плана со стихией в нашем хозяйстве налицо, это бесспорно, но борьба происходит на основе равновесия всей системы.

А для того, чтобы возможно было определенное равновесие, необходимо не отгораживать плановый сектор хозяйства от стихийного сектора, а рассматривать действительно химически соединенным. Такое же химическое единство, «единство противоположностей», возможно лишь при условии, если закон трудовых затрат будет прокладывать себе дорогу как через «план», так и через «стихию». Вопрос «кто кого?» решается тем, который из этих укладов притягивает больше совокупного общественного труда. У обоих секторов экономики налицо свои преимущества и свои недостатки, в их борьбе за части совокупного общественного труда. Социалистический сектор имеет больше преимуществ перед сектором частнокапиталистическим, отсюда—вытеснение первым второго, отсюда—изменение темпа развития производительных сил, переход на более быстрый их рост, наконец, отсюда же—замена товарно-капиталистической формы проявления производственных отношений, сознательной формой связи работников социалистического хозяйства. Следовательно, задача исследования заключается не в том, что идеть борьба между социалистическим сектором хозяйства и частнокапиталистическим, для этого никакого исследования не требуется, а задача состоит в том, как при борьбе этих двух секторов происходит равновесие всей системы. Авторы этой задачи не только не решили, но даже и не поставили. Особенность переходной экономики заключается в том, что благодаря проникновению стихии планом и наоборот, существует хозяйственный план отличный от плана, который будет при полном социализме, а также существует стихийная связь между неорганизованными частями хозяйства, отличная от стихийного рынка капиталистического общества. Если брать за критерии хозяйственный план социализма и рыночную стихию капитализма и применять по отношению к экономике переходного периода, то у нас существует *план*, отличный от плана развернутого социализма, так как в нем включены элементы стихийных закономерностей, с другой стороны, у нас существует *стихия*, включенная в план.

Такое проникновение *планом* стихии и, наоборот, только дает «химическое сродство». Так что ошибка авторов заключается в том, что они видят единство плана и стихии на их стыке, в процессе обмена, тогда как это единство надо искать не только в соприкосновении между собой этих двух экономически различных укладов, а и внутри каждого сектора отдельно. А проникновение плана стихией и, наоборот, вытекает из того, что разные экономические уклады выполняют одну и ту же задачу—пропорциональное распределение общественного труда. Следовательно, за фактом обмена надо видеть производственный процесс, который является фундаментом равновесия всей системы.

Механическое рассмотрение проблем переходной экономики особенно ярко выступает у авторов при разборе категории стоимости. Вся концепция авторов в вопросе о стоимости в переходной экономике сводится к следующему. Народное хозяйство СССР можно разделить на две больших части: 1) социалистический сектор, планово-организованный и 2) сектор частнокапиталистический с господством стихийно-рыночных отношений. Наконец, существует связь народного хозяйства СССР с мировым хозяйством. В социалистическом секторе хозяйства закон стоимости трансформируется таким путем: 1) товарно-денежная форма закона стоимости остается, 2) но за этой формой скрыты совершенно другие производственные отношения—отношения социалистического типа. Так что здесь содержание закона стоимости уничтожается, остается лишь форма стоимости.

Для товарно-капиталистической части хозяйства как содержание, так и форма стоимости налицо. Дальше авторы рассматривают связь товарно-капиталистического сектора с социалистическим с двух сторон. Рассматривается первая сторона—когда в связи между плановым укладом и укладом стихийным первый выступает продавцом, а вторая сторона—когда социалистический сектор выступает по отношению к частнокапиталистическому, как покупатель. «Проблема производственных отношений,—говорят авторы,—между социалистическим и несоциалистическим секторами переходной экономики, поскольку эти отношения принимают меновую форму, имеет двусторонний характер, соответствующий двустороннему характеру менового акта или сделки. Одну сторону вопроса составляет совокупность случаев, где социалистический круг производства выступает продавцом, а несоциалистический сектор—покупателем. Другую сторону проблемы образует сумма сделок, в которых, напротив, социалистическая часть фигурирует в качестве покупателя, а продавцом является несоциалистический сектор» (стр. 195—196).

Когда социалистический сектор выступает продавцом, он максимально «суживает границы стихии», здесь план борется со стихией с абсолютным преобладанием первого. Когда же частнокапиталистический сектор выступает в роли продавца, то здесь

стихия нажимает на план, урезывая границы его расширения. Вот и вся проблема стоимости в СССР, как ее представляют себе авторы.

Большего схематизма в решении такой кардинальнейшей проблемы, как стоимость в хозяйстве переходного типа, нельзя себе и представить. А вытекает такой схематизм от механического представления той связи, которая существует между социалистическим и частнокапиталистическим секторами хозяйства.

Дело представляется таким образом, что на ряду с планово-организованной частью хозяйства существует стихийно-организованная. Идет борьба. В этой борьбе социалистический сектор вытесняет капиталистический. «Отступая, оставляя одну позицию за другой, закон ценности, как метод стихийного, иррационального, апостериорного (что стоит один букет иностранных слов в русском склонении. *А. К.*) регулирования хозяйственной жизни, везде и повсюду заменяется и замещается новым началом сознательно-рациональной, априорно-плановой организации хозяйственного процесса» (стр. 259).

Из всего сказанного видно, что авторы дело представляют таким путем, что на ряду с капиталистическим стихийно-организованным сектором существует сектор социалистический, планово-организованный. План борется со стихией при неизменной победе первого. Планово-организованный сектор противопоставляется как самостоятельная, отдельная сила, выступающая в товарно-ценностной форме, через посредство которой связывается со стихийно-организованным сектором и ведет с ним борьбу.

А вывод отсюда можно сделать такой. Поскольку в переходной экономике все-таки существует равновесие, то влияние плана на стихию и стихии на план приводит к равнодействующей, которая не совпадает ни с равнодействующей, господствующей в планово-организованной части народного хозяйства, ни с равнодействующей в товарно-капиталистическом секторе, где эту равнодействующую устанавливает «ничем не ограниченный закон стоимости».

Таким образом, механическое противопоставление плана стихии неуклонно должно было бы привести авторов, если бы они были последовательны до конца, к признанию в нашей экономике трех типов равнодействующей. Первый тип—в планово-организованном секторе, где сознательная воля устанавливает такую равнодействующую, второй тип—в частнокапиталистическом секторе, где эту равнодействующую устанавливает закон стоимости, и третий тип равнодействующей—образуемой на стыке социалистического сектора с частнокапиталистическим.

Наконец, если бы авторы были последовательны до конца, они неуклонно должны были бы сделать тот вывод, что равновесие в экономике переходного периода складывается приблизительно таким же путем, как и в добропорядочном империалистическом хозяйстве. В самом деле, почему не представить себе такого хозяйства, где на ряду с частнокапиталистическими элементами приблизительно такого же типа, как и у нас, будет действовать какой-нибудь гигантский трест, у которого отдельные части производства организованы по плану. Этот трест вступает в борьбу со всеми остальными элементами: те, которые для него важны, он поддерживает, те, которые—нет, разоряет. Равновесие всей системы будет складываться в результате стыка (такого колосса) капиталистического треста с остальными частнокапиталистическими элементами.

Такие выводы с логической неизбежностью вытекают из только-что разобранных положений авторов.

Выше мы говорили о том, что закон трудовых затрат создает равновесие экономической системе. Та или иная общественная формация создает специфическую форму проявления этому закону. Форм проявления закона трудовых затрат для экономики переходного периода, по мнению авторов, две. «Безличный рынок и хозяйственный план,—говорят они,—это две различные, противоположные формы, в которых прокладывает себе дорогу экономическая необходимость в двух диаметрально-противоположных формах общественного хозяйства» (стр. 113).

Все построения авторов базируются на резком противопоставлении плана стихии, как «двух диаметрально противоположных форм общественного хозяйства».

Мы говорили уже о том, что формы проявления закона трудовых затрат, в зависимости от тех или иных производственных отношений, имеют значение не только в том, что в одном случае закон трудовых затрат осуществляется стихийно, в другом—через сознательно устанавливаемый план.

Главное значение заключается в более быстром или более медленном развитии производительных сил. Закон трудовых затрат действует как в капиталистическом хозяйстве, так будет действовать и при социализме. Но при социализме изменится не только форма проявления данного закона, а благодаря измененной форме проявления изменится и само содержание закона трудовых затрат, другими словами, пропорции распределения общественного труда между разными частями народного хозяйства будут совершенно другие. А неодинаковый способ распределения совокупного общественного труда дает неодинаковый темп развития производительных сил.

Если признать такое положение правильным, а оно является, по нашему мнению, единственно правильным, тогда авторы должны были делать вывод о двух регуляторах в нашей экономике. Ведь в самом деле, если признать для хозяйства переходного типа две формы проявления закона трудовых затрат, тогда надо сказать одно из двух: 1) либо действие закона трудовых затрат в обеих этих частях хозяйства одинаково, разная лишь форма, либо 2) действие закона трудовых затрат неодинаково. В первом случае окажется, что материальное движение производительных сил при капитализме такое же самое, как и при социализме, во втором случае будет разница.

Конечно, авторы первый случай отбросят, так как иначе придется признать, что капитализм в смысле под'ема производительных сил так же хорош, как и социализм. Раз берется второй случай, тогда получится следующее: в переходной экономике две формы проявления закона трудовых затрат: одна—стихийно-рыночная, другая—плановая.

При одной развитие производительных сил идет одним темпом, при другой—другим. Темп развития производительных сил для планового сектора устанавливается одним способом распределения совокупного общественного труда, для частнокапиталистического—другим способом.

Механическое противопоставление плана стихии и открытие в экономике переходного периода двух форм, проявления закона трудовых затрат приводит к тому же самому, что говорил Преображенский.

Теперь посмотрим, как же надо решать все затронутые авторами вопросы, с которыми они не справились.

Но раньше, чем приступить к вопросу о соотношении плана и стихии, суммируем мысли авторов.

Вся система советской экономики делится авторами на два сектора: 1) социалистический и 2) частнокапиталистический. Социалистический сектор хозяйства планово организован, частнокапиталистический неорганизован, тут действует стихия рынка. Социалистический сектор «химически» соединен с частнокапиталистическим. Такое «химическое сродство» выражается в том, что оба ведут обмен друг с другом в товарно-денежной форме.

Закон стоимости в экономике переходного периода переживает трансформацию. В социалистическом секторе осталась лишь форма стоимости, содержание заменено плановым началом, в частнокапиталистическом секторе и содержание и форма стоимости действуют.

Социалистический сектор, связанный с частнокапиталистическим, ведет с ним борьбу.

В этой борьбе капиталистический сектор побеждается, на место его становится сектор социалистический. Действие закона стоимости «пространственно ограничивается» (стр. 183). Вот и все.

Авторы противопоставляют план стихии. По нашему мнению, такое противопоставление неверно. Когда говорится о плане в нашей экономике, то под ним надо понимать такой план, который охватывает все народное хозяйство. Правда, авторы в одном месте говорят о таком плане, но вся беда их заключается в том, что совершенно верные замечания тонут в общей концепции, развиваемой в «очерках». Если же мы ставим вопрос о таком плане, который охватывает и должен охватывать все народное хозяйство, то противопоставлять план стихии нельзя. Иначе планово-организованный сектор будет выступать, как суб'ект по отношению к неорганизованной части народного хозяйства, т.-е. приблизительно получится логически та же картина, что в приводимом нами примере с хозяйством империалистического типа. При составлении плана имеется налицо сектор социалистический, находящийся в руках пролетарского государства, и сектор частнокапиталистический. Материальные ресурсы первого сектора учтены. Материальные ресурсы второго сектора, частнокапиталистического, надо учесть. Учет материальных ресурсов данного сектора есть учет стихийно действующих процессов, так как материальные элементы частнокапиталистического сектора принимают товарно-денежную форму.

Опять-таки авторы в одном месте верно подходят к проблеме, но только подходят. Они говорят: «Эти особенности (особенности плана в переходную эпоху. *А. К.*) вытекают из того, что задача планирования и проведение планового начала в переходном периоде одной своей стороной сводится к «предвидению равнодействующей стихийных факторов хозяйства» (стр. 123).

Но задача планирования заключается не только в предвидении стихийных процессов, такое предвидение пытается делать любой капиталистический трест, а задача в другом—*во включении стихийно действующих закономерностей в план.*

Таким образом, вскрытые «стихийно действующие процессы» сами становятся элементом плана. Следовательно, план строится на основе наличия, с одной стороны, материальных ресурсов обобществленного сектора и на основе учета материальных ресурсов стихийно организованного сектора. При чем материальные ресурсы последнего берутся не в статике, а в движении, что означает не что иное, как «вскрытие стихийно действующих процессов». На основе данных строится план динамики развития всего народного хозяйства.

Если бы все части народного хозяйства были обобществлены, динамика развития хозяйства, т.-е. равновесие на расширенной основе было бы одно. Если бы все народное хозяйство было построено по типу капиталистических отношений, динамика развития была бы другая. В переходную же эпоху наличие обобществленного сектора и сектора стихийно-организованного дает в результате динамику развития всего народного хозяйства, совершенно отличную как от динамики капиталистического типа, так и от динамики чистого социализма.

Динамика развития всего народного хозяйства, как мы уже говорили выше, происходит на основе равновесия, на расширенной основе. Такое равновесие в переходную эпоху отлично как от того равновесия, которое складывается при капитализме, так и того, которое будет действовать при социализме. Но равновесие в переходной экономике зафиксировано в плане, проводится через план. Так что план дает равнодействующую всему народному хозяйству. План охватывает все народное хозяйство, но в центре плана стоит социалистический сектор хозяйства. Опираясь на этот сектор, план проводит в жизнь зафиксированную равнодействующую. Частнокапиталистический сектор хозяйства должен к ней приспособляться. Таким образом, закон трудовых затрат прокладывает себе дорогу не через две формы, как говорят авторы «очерков», а через одну форму—*план*. В этом сущность равновесия всей экономической системы Советского Союза.

Такая постановка вопроса решает и методологический вопрос о роли стоимости в переходный период. Авторы справедливо обвиняют Преображенского в том, что он абстрагируется от экономической политики пролетарского государства.

Но при анализе проблемы стоимости сами абстрагировались от экономполитики. Рассматривая частнокапиталистический сектор, авторы нашли там закон стоимости в сохранности, а это что? Разве не есть абстрагирование от экономполитики? Рассматривая закон стоимости в социалистическом секторе, авторы нашли форму стоимости, а за ней вскрыли новые производственные отношения, которые не могут служить содержанием стоимости. Разве это не абстрагирование от экономполитики? Что же тогда называется у Леонтьева и Хмельницкой абстрагированием?

Почему при анализе экономики переходного периода нельзя абстрагироваться от экономической политики пролетариата?

Потому что формой проявления закона трудовых затрат является план. А план есть не что иное, как экономполитика. Экономическая политика пролетариата в лице плана устанавливает равнодействующую всей хозяйственной системы. Следовательно, все элементы частнокапиталистического сектора, высту-

пающие как части единой хозяйственной системы, должны тяготеть своими пропорциями обмена к этой равнодействующей, иначе они не будут включены в единую систему, так что даже в частнокапиталистических элементах нашего хозяйства закон стоимости безгранично не действует. Он чем дальше, тем больше начинает тяготеть к равнодействующей, устанавливаемой планом, а, значит, чем дальше, тем все больше и больше понять пропорции обмена в частнокапиталистическом секторе хозяйства без экономической политики будет нельзя.

Своеобразный план переходного периода, включающий в себя как показатели частнокапиталистических элементов, так и элементы обобществленного сектора, которые ставятся во главу планирования, создает равновесие всей системе народного хозяйства. План диктует заранее намеченное воспроизводство в народном хозяйстве. А этим самым происходит определенное воспроизводство определенных производственных отношений.

Через план происходит распределение совокупного общественного труда, через план происходит воспроизводство во всем народном хозяйстве, следовательно, через план идет регулирование всего народного хозяйства. Но в экономике переходного способа производства регулирование всего народного хозяйства отлично от регулирования в хозяйстве социалистическом. Отличие будет итти по двум линиям: 1) при социализме регулирование будет происходить в форме натуральных продуктов, тогда как в переходной системе наличие необобществленного сектора приводит к регулированию в товарно-денежной форме, 2) распределение совокупного общественного труда при социализме в связи с отсутствием необобществленного сектора будет другим, это двинет рост производительных сил более быстрым темпом, чем в хозяйстве переходного типа.

Наконец, последний вопрос о борьбе плана со стихией. План не отвлекается от стихии, он ее не только учитывает, а включает в себя, как один из своих составных элементов.

Ставя во главу угла построения данамики развития всего народного хозяйства социалистический сектор, план устанавливает и пропорции борьбы социалистического сектора с частнокапиталистическим.

Благодаря охвату всего народного хозяйства план устанавливает пропорции борьбы даже внутри частнокапиталистического сектора. Определенная политика цен на продукты крестьянского хозяйства, которое в массе своей является простым товарным хозяйством, приводит к определенному воспроизводству капиталистических элементов, так что вопрос о борьбе социалистического сектора с капиталистическим решается экономической политикой пролетариата, т.-е. планом.

Каковы должны быть пропорции борьбы, это устанавливает план, на основе которого осуществляется равновесие всей системы.

II.

Если категория стоимости в переходный период в нашей литературе трактуется широко, то этого нельзя сказать о категории распределения. Попытка поставить данную проблему во всем ее об'еме авторами «Очерков» сделана, пожалуй, впервые.

Исходный пункт для разрешения проблемы распределения у Леонтьева и Хмельницкой совершенно правильный.

Проблема распределения не есть только проблема распределения национального дохода. Распределение национального дохода обусловливается прежде всего теми отношениями, на основе которых зиждется распределение орудий и средств производства.

Само же распределение орудий и средств производства включено в производственный процесс. Следовательно, раньше, чем может быть поставлен вопрос о распределении национального дохода, надо решить вопрос о характере и формах распределения средств производства.

Исходным пунктом распределения средств производства при капитализме может служить первоначальное накопление, которое определило собою характер и форму дальнейшего распределения не только вновь создаваемых орудий и средств производства, но через способ распределения последних и характер распределения национального дохода между различными классами капиталистического общества.

Из сказанного видно, что исходным пунктом в разрешении проблемы распределения в экономике переходного периода, являются мероприятия Октябрьской революции в области ломки старых производственных отношений и замены их новыми.

«Экспроприация крупной промышленности, железных дорог, крупного землевладения, отмена частной собственности на землю,— вот содержание этого переворота в вертикальном разрезе капитализма. Этим самым в первую очередь реализуется та новая форма распределения, в широком смысле, распределения средств производства, которая приходит на смену распределенческим формам капитализма». («Очерки», стр. 271).

Такой исходный пункт в разрешении проблемы распределения требует определенного подхода при разборе таких вопросов, как заработная плата, прибыль, рента и т. д.

При капитализме распределение как средств производства, так и доходов различных классов населения происходит через закон стоимости. С другой стороны, основной комплекс производственных отношений капитализма, комплекс, который окрашивает своим цветом все остальные, есть отношения между пролетариатом и буржуазией. Так что капиталистическая форма распределения должна обязательно включать данный комплекс, иначе распределительные отношения будут не капиталистическими. Вот что говорит по этому поводу Бухарин:

«Итак, чтобы понять процесс распределения в его капиталистической форме, мы обязательно должны помнить два вышеупомянутых факта: 1) распределение происходит при посредстве ценностных отношений; 2) рабочая сила становится товаром. Это и есть те требования, которые нужно ставить всякой теории капиталистического распределения» («Атака», стр. 29).

Какие же требования мы должны поставить теории распределения в переходный период от капитализма к социализму?

К сожалению, на данный вопрос в «Очерках» мы не находим ответа. Отсутствие ответа на поставленный вопрос, делает недостаточным верное замечание авторов о новом распределении средств производства, произведенном социальной революцией.

Раньше, чем ответить на поставленный вопрос, посмотрим, как решаются проблемы дохода различных классов в переходный период.

Берем проблему заработной платы.

Прежде всего, по примеру анализа стоимости в СССР, авторы делят народное хозяйство на две части (с исключением простого товарного хозяйства): на часть социалистическую и капиталистическую.

Заработная плата, как категория капитализма, авторами рассматривается с качественной и количественной стороны. Качественная сторона зарплаты определяется антагонистическим отношением между пролетариатом и буржуазией, количественная—долей продукта, получаемой рабочим.

«Меновой акт,—говорят авторы,—совершаемый при продаже-покупке рабочей силы, сам по себе уже предполагает и наличность классовых противоречий и классовой борьбы в капиталистическом обществе. Это классовое антагонистическое отношение и составляет, таким образом, качественную сторону капиталистического закона определения заработной платы.

Достаточно лишь подчеркнуть эту социальную, качественную категорию стоимости заработной платы для того, чтобы стало ясно коренное изменение содержания этой категории в обобществленном секторе нашего хозяйства» (стр. 289).

Следовательно, в социалистическом секторе народного хозяйства, благодаря отсутствию отношений между пролетариатом и буржуазией, качественная сторона категории заработной платы отмирает.

Что же касается количественной стороны категории, то здесь, по мнению авторов, стоимость рабочей силы выступает только как исходный пункт. Дальнейшее же количественное изменение заработной платы регулируется законом стоимости рабочей силы, регулятором выступает сознательная политика пролетарского государства, определяемая степенью под'ема производительности труда.

«Таким образом, капиталистический закон ценности рабочей силы сохраняет свою значимость для обобществленного хозяйства, как исходный момент, количественно определяющий тот уровень, ту границу в распределении вновь созданного продукта на потребляемую и накопляемую часть, с которой начинаются дальнейшие и количественные и качественные изменения и отмирание категории заработной платы» (стр. 292).

Так стоит проблема зарплаты в обобществленном секторе хозяйства.

Что же касается капиталистического сектора нашего хозяйства, то проблема заработной платы как с качественной, так и с количественной стороны, остается такой же, как она сконструирована Марксом по отношению к капитализму.

«В секторе частного, необобществленного хозяйства, категория заработной платы полностью сохраняет свое социально-классовое антагонистическое содержание.

Частнокапиталистический характер отношений здесь с полной бесспорностью определяет и сохранение качественного содержания капиталистических законов заработной платы».

А дальше: «Здесь (в капиталистическом секторе. *А. К.*) процесс перерождения содержания категории заработной платы находится в непосредственной зависимости от степени роста сферы обобществленных отношений, т.-е. от прямого вытеснения частного капитала» (стр. 299).

Следовательно, в капиталистическом секторе хозяйства как качественная, так и количественная стороны заработной платы остаются те же, что и при частном капитализме.

Так решается проблема заработной платы в переходный период.

Мы считаем, что решить проблему заработной платы таким механическим делением народного хозяйства на две части авторам все же не удалось. Не удалось потому, что к данной проблеме следует подходить, не обстрагируясь от экономической политики даже при рассмотрении частнокапиталистического сектора, а исходя из экономполитики.

При рассмотрении вопроса соотношения социалистического и частнокапиталистического секторов хозяйства, мы указывали на то, что закон трудовых затрат прокладывает себе дорогу через план пролетарского государства, который охватывает все народное хозяйство в целом.

Равновесие всей системы хозяйства требует пропорционального распределения труда. Следовательно, та часть живого совокупного общественного труда, которая находится в частнокапиталистическом секторе хозяйства, выполняя роль равновесия всей системы, учитывается и включается в план всего народного хозяйства.

План устанавливает динамику развития всего народного хозяйства, план устанавливает динамику развития отдельных отраслей производства, план устанавливает динамику развития отдельных экономических укладов.

Таким образом, движение частного капитала не есть свободное движение капитала, управляемого законами анархического капитализма, это движение обусловливается экономполитикой пролетариата. Раз это так, тогда отношения между капиталистом и рабочим, которые возникают в частнокапиталистическом секторе не адэкватны отношениям, складывающимся при экономической формации капитализма.

При господстве капиталистического способа производства, отношения между капиталистом и рабочим характеризуются не только тем, что свободный рабочий выступает на рынок и продает свою рабочую силу, а и тем, что этот рабочий не свободен от капитала. Движение капитала создает движение рабочей силы. Производственные отношения между пролетариатом и буржуазией «приковывают рабочего к капиталу крепче, чем молот Гефеста приковывал Прометея к скале». (Маркс, т. I, стр. 638).

Спрашивается: таково ли положение рабочего класса в частнокапиталистическом секторе, верно ли, что движение капитала на основе стихийно действующих законов, бросает рабочий класс из стороны в сторону, то сжимая его количество до пределов пропорции капитала, то увеличивая это количество, следуя закону накопления? Другими словами, верно ли, что в секторе капиталистическом «полностью» остаются те производственные отношения между пролетариатом и буржуазией, которые присущи капитализму?

Авторы отвечают—да, мы, говорим—нет.

«Момент классовой борьбы и соотношения классовых сил здесь (в капиталистическом секторе. *А. К.*) находят свое выражение, прежде всего в том, в какой мере профессиональным союзам

удается об'единить и организовать рабочих и воздействовать на условия заработной платы» (стр. 299).

Такая организованность рабочего класса «оказывает непосредственное воздействие на заработную плату в частнохозяйственном секторе, с количественной ее стороны» (там же).

Но влияние на количественную сторону заработной платы, через организацию профсоюзов пролетариат проделывает и при капитализме.

Борьба за повышение заработной платы при помощи профсоюзов при капитализме не противоречит капиталистическому способу производства, а его воспроизводит, воспроизводит потому, что противодействие рабочего класса общей тенденции заработной платы к понижению есть условие существования рабочего класса, а значит и условие существования капитализма.

Ошибка авторов заключается в том, что они взяли капиталистический сектор хозяйства оторванно от остальных секторов народного хозяйства, в частности от социалистического сектора, что выразилось в абстрагировании от экономической политики.

В условиях диктатуры пролетариата, когда единый план устанавливает динамику развития всего народного хозяйства, а частнокапиталистический сектор является частью этого народного хозяйства, при таких условиях частный капитал приковывается к колеснице народнохозяйственной динамики, устанавливаемой планом. План развития народного хозяйства есть экономическая политика пролетариата. Степень развития капиталистического сектора устанавливается планом. Экономическая политика пролетариата указывает пути, форму и величину движения частного капитала, т.-е. перелива его из одной отрасли производства в другую. Это проделывается при помощи целого ряда экономических мер, путем не непосредственного регулирования, а путем воздействия на частный капитал, как прямым (в форме простого обложения) так и путем косвенных мероприятий.

Таким путем при диктатуре пролетариата не рабочий класс, а, наоборот, капитал прикован к колеснице экономической политики рабочего класса.

Другими словами, производственные отношения между пролетариатом и буржуазией поставлены как бы на голову.

Основные законы движения зарплаты при капитализме следующие. Лишенный орудий и средств производства рабочий класс находится в полной зависимости от капитала. Расширение, сужение, переливы капиталов вызывают расширение, сужение и приливы рабочей силы. Заработная плата имеет тенденцию понижаться. «Чем быстрее растет производительный капитал, тем большее распространение получает разделение труда и применение машин. А чем большее распространение получает разделение труда и пременения машин, тем ниже падает их плата». (Маркс. «Наемный труд и капитал», стр. 31). С развитием капитализма доля рабочего класса в национальном доходе падает. Происходит абсолютное обнищание рабочего класса. По этому поводу Ленин говорит следующее: при капитализме «рабочий нищает *абсолютно* (подчеркнуто автором. *Д. К.*), т.-е. становится прямо-таки беднее прежнего, вынужден жить по подвалам и чердакам» (Ленин, том XII, ч. 2, стр. 565).

Для того, чтобы сказать, что качественно и количественно заработная плата в капиталистическом секторе нашего хозяйства однородна тому, что присуще капитализму, надо признать действующими указанные тенденции. Авторы такого вопроса даже не поднимают. В этом недостаточность и ошибка авторов. Недостаточность потому, что, отказываясь от постановки данных вопросов, они не развернули во всей широте проблему заработной платы, ошибка же заключается в том, что, если бы все эти вопросы были поставлены, стало бы ясно, что проблема заработной платы, как части национального дохода, не решается указанием на качественную и количественную стороны. Законы капитализма, действующие на рабочий класс в переходном периоде, претерпели изменения, благодаря новым производственным отношениям, а значит, и доля рабочего класса в национальном доходе страны имеет совершенно другие тенденции, чем те, которые господствовали при капитализме. Следовательно, надо было вскрыть новые тенденции, модифицирующие старые законы капитализма в вопросе о доле рабочего класса. Ведь авторы решали вопрос распределения, значит, ставя проблемы зарплаты, решали вопрос о доле рабочего класса и ее динамике в переходный период. Вместо этого разделили рабочий класс по двум секторам хозяйства. И получилось, что тенденция движения зарплаты для сектора социалистического одна, для частнокапиталистического другая, а значит, и доля рабочего класса, занятого в обобществленном секторе, управляется одними законами и имеет одну динамику, доля же той части рабочего класса, которая занята в капиталистическом секторе, управляется другими законами, имеет другие тенденции.

А вывод отсюда можно сделать тот, что интересы этих двух частей пролетариата не одинаковы.

При разборе проблемы заработной платы у автора получается как бы два рабочих класса, один на государственных крупных предприятиях, где капиталистические отношения уничтожены, другой в капиталистическом секторе, где отношения капитализма остались нетронутыми.

И с социологической, и с экономической точки зрения наш пролетариат един, при чем это уже класс не в капиталистическом смысле слова, а совершенно отличный, имеющий новые черты. Если пролетариат капиталистического строя в отношении к орудиям производства не является их собственником, то пролетариат в СССР уже является коллективным собственником орудий производства.

Если пролетариат при капитализме является угнетенным, то при диктатуре рабочего класса, он является господствующим. Эти две новые черты нашего рабочего класса не оставляют старыми производственные отношения между капиталистами и рабочими, а создают производственные отношения другие, характерные только переходному периоду. Следовательно, категория заработной платы даже для частнокапиталистического сектора модифицируется в сторону ее отмирания. А это значит, что доля рабочего класса, занятого в предприятиях капиталистического сектора регулируется не законами чистого капитализма, а законами совершенно другого порядка, законами, присущими переходному хозяйству.

Доля части рабочего класса, занятого в капиталистическом секторе хозяйства, определяется не только и не столько той суммой, которую он получает непосредственно у капиталиста в форме заработной платы, а определяется всей экономической политикой

пролетарского государства, направленной на удовлетворение потребностей рабочего класса в целом.

При капитализме доля рабочего класса в национальном доходе совпадала с заработной платой, как ценой стоимости рабочей силы, при диктатуре пролетариата такого совпадения нет. Доля рабочего класса в национальном доходе понятие более широкое, чем заработная плата рабочих, она включает последнюю, нею не исчерпывается. Вот почему при решении проблемы распределения нельзя абстрагироваться от экономполитики.

Что же касается остальных проблем распределения, то по отношению к ним применяются те же методы.

Вопрос ставится, каковы законы распределения в переходный период,—вместо этого решается вопрос, назвать ли прибавочным продуктом или прибавочной стоимостью тот излишек, который производится в частнокапиталистическом секторе; вопрос ставится о том, каковы тенденции развития доходов каждого класса переходного строя,—вместо этого решается вопрос, будут ли доходы крестьянина абсолютной или дифференциальной рентой.

Надо было вскрыть, каковы эти законы, каковы тенденции развития доходов разных групп и классов переходной системы, каковы противодействующие факторы,—и только после такого анализа можно поставить вопрос о неприменимости или применимости капиталистических категорий.

У авторов же получилось наоборот: проблемы политической экономии стоят в центре, а проблемы переходного периода на втором месте. Получились не «очерки переходной экономики», а очерки капиталистической экономики.

Правильной установки проблемы распределения у авторов нет.

Как надо было ставить проблему распределения? Раньше чем приступить к поставленному вопросу, начнем с того исходного пункта, который правильно поставлен авторами.

Проблема распределения есть широкая проблема. Ею решается не только вопрос распределения доходов между разными группами и классами советского хозяйства, а и вопрос распределения средств производства.

Октябрьская революция изменила старые производственные отношения, на ряду с производственными отношениями капиталистического и простого товарного хозяйства созданы новые—отношения социалистического типа.

Эти новые отношения, охватившие главнейшие командные высоты, являются определяющими для всех остальных.

Ведущее начало принадлежит им. В чем выражается ведущее начало новых производственных отношений? В том, что пролетариат через свою экономическую политику, опираясь на данный комплекс производственных отношений—социалистические отношения—перестраивает остальные комплексы отношений по типу социалистических. Методы и формы перестройки разные, а результат один. Капиталистический комплекс отношений снимается простым экономическим соревнованием, комплекс простых товарных отношений снимается кооперированием. Методы разные, а результат один—расширение производственных отношений социалистического типа.

Связь между отдельными частями народного хозяйства возможна пока лишь в рыночной форме, но равновесие всей системы устанавливается планом пролетарского государства [1]).

Этим решается вышепоставленный вопрос о тех требованиях, которые необходимо поставить теории распределения в переходный период.

Первое требование, какое надо выдвинуть «теории» распределения переходного общества от капитализма к социализму, это—*исходить прежде всего из экономической политики пролетарского государства*. Распределение происходит через экономическую политику пролетариата [2]).

Выше указывалось, что формы переустройки разных хозяйственных укладов разные. В зависимости от сектора хозяйства пролетариат применяет те или другие методы воздействия, а значит—способы распределения в отношении к каждому сектору неодинаковы. Так что вторым требованием, пред'являемым к «теории» распределения, будет являться рассмотрение каждого сектора в отдельности, при чем это рассмотрение надо производить не изолированно от остальных частей хозяйства, а в их связи.

Связь между отдельными секторами хозяйства, а также и внутри каждой из них происходит в форме рыночной связи, так что третье требование, пред'являемое «теории» распределения, состоит в том, чтобы рассматривать связь всего народного хозяйства в форме рыночной связи.

Вот те три основных требования, которые должны быть положены в основу проблемы распределения в переходный период.

Теперь ставится другой вопрос. Каково взаимоотношение между этими тремя факторами переходной экономики.

Экономполитика или план пролетарского государства охватывает все народное хозяйство. Такой план дает подвижное равновесие с положительным знаком всей системы.

Следовательно, в план включены все секторы хозяйства, но включены они по-разному. Социалистический сектор, становящийся в центре плановых мероприятий пролетариата, целиком поддается регуляции, сектор частнокапиталистический косвенным путем. Экономполитика, устанавливающая динамику развития всего народного хозяйства, устанавливает и пропорции развития каждого сектора в отдельности. Перелив орудий и средств производства таким образом фиксируется планом, при чем фиксируется не в их натуральной форме, а в товарно-денежной.

Перелив орудий и средств производства определяет собою количество занятой рабочей силы. Так что план руководит количеством рабочей силы, подлежащей быть занятой в каждом секторе хозяйства в отдельности. Таким образом распределение производительных сил в товарно-денежной форме производится планом пролетарского государства.

Имея в наличии данные 1) динамики развития всего народного хозяйства, 2) динамики развития каждого сектора в отдельности, 3) динамики развития количества занятой рабочей силы в каждом секторе, при чем все это проводится по плану, на основе этих данных им же (планом) устанавливается и динамика

[1]) Особенности плана в переходный период разобраны выше.

[2]) Работа профсоюзов в деле улучшения положения рабочего класса нами относится к экон. политике.

распределения доходов между разными группами и классами переходного периода, вернее распределение доходов между классами определяется первыми тремя видами динамики.

Следовательно вся проблема распределения охватывается экономической политикой пролетариата. Экономполитика, детерминированная законом трудовых затрат, устанавливает пропорции распределения. Так что пропорции распределения, законы распределения, если выражаться языком политэкономии, надо искать в экономической политике.

Но анализ проблемы распределения на этом не кончается. Выше мы говорили, что план, руководящий всем народным хозяйством, не в одинаковой мере охватывает все секторы хозяйства.

Капиталистический сектор и сектор простого товарного хозяйства, включаемые в план, имеют относительный простор: там действуют сильно урезанными присущие им законы. Вот эти законы—законы капиталистического хозяйства полустихийные, полурегулируемые становятся фактором, противодействующим мероприятиям плана. Они видоизменяют, отклоняют те общие главные тенденции, которые зафиксированы в плане. Влияние капиталистических законов и законов простого товарного хозяйства на пропорции распределения, устанавливаемые планом, есть последний вопрос проблемы распределения.

Таким образом проблема распределения в экономике переходного периода есть проблема планового порядка. План устанавливает общие тенденции распределения, противодействующими же факторами, но не определяющими, выступают стихийные, гетерогенные силы.

У авторов же как раз наоборот.

Вначале берутся категории капитализма, решающие проблему распределения, исходят из них, а потом прикладываются, как штамп к каждому сектору в отдельности. Результат получается поистине убогий: в таком-то секторе зарплата как категория капитализма налицо, в таком-то нет, в таком-то секторе хозяйства прибавочная стоимость остается, в таком-то трансформируется и т. д.

Получается не решение проблемы распределения в экономике переходного периода, а механическое штампование наших секторов хозяйства категориями политической экономии.

Такой метод анализа не дает возможности вскрыть основные тенденции заложенных в нашей системе, не дает возможности посмотреть эту систему в динамике, умаляет работу пролетарского государства по перестройке хозяйственной системы.

Конечно, мы не исчерпали всех поднятых вопросов, да это и не входило в нашу задачу. Мы только попытались поставить некоторые вопросы, которые неправильно трактуются авторами разбираемых очерков.

А. Кармалитов.

«ВСЕСОЮЗНАЯ ПАРТИЙНАЯ ПЕРЕПИСЬ 1927 г.».

Выпуск I. «Численный состав ВКП(б) на 10-е января 1927 г.», стр. 90, тираж 2.000.

Выпуск II. «Социальный состав ВКП(б) и коммунистическая прослойка в промышленных предприятиях», стр. 167, тираж 3.500 цена 1 р.

Выпуск III. «Род занятий членов ВКП(б) и кандидатов в члены», стр. 180, тираж 3.000, цена 1 р. 50 к.

Выпуск IV. «Квалификация рабочих и связь с землей рабочих и членов деревенских ячеек», стр. 153, тираж 3.000, цена 1 р. 40 к.

Выпуск V. «Общее и политическое образование членов ВКП(б) и кандидатов в члены», стр. 156, тираж 4.500, цена 1 р. 40 к.

Выпуск VI. «Численный состав ВКП(б) на 10-е января; партийный стаж и возраст членов ВКП(б) и кандидатов в члены», стр. 198, тираж 3.700; цена 1 р. 50 к.

Седьмой выпуск. «Народность и родной язык членов ВКП(б) и кандидатов в члены; состав коммунистов коренной народности в национальных республиках и областях», стр. 155, тир. 3.700. Цена 1 р. 25 к.

Восьмой выпуск. «Парт'ядро в ВЛКСМ: социальное положение, род занятий и партийный стаж членов ВКП(б) и кандидатов в члены, состоящих в ВЛКСМ», стр. 160. Тираж 4.200, цена 1 р. 25 к.

Издания Статистического Отдела ЦК ВКП(б). Москва 1927 г.

Перечисленные выпуски итогов партпереписи содержат богатейший материал для характеристики состава партии к началу 1927 года.

Выпуск *первый* включает в себя данные о количественном составе ВКП(б) как по губерниям, областям и нацреспубликам (67 единиц), так и по отдельным округам, уездам и горорганизациям (574 единицы). Данные этого выпуска предварительные. Окончательный итог численности в партии подведен в выпуске VI, согласно которому к 10-му января с. г. в нашей партии числилось—1.192.458 человек. Членов партии и кандидатов, не прошедших партпереписи оказалось 3,8% из общего числа коммунистов, подлежавших переписи. Из этого числа не прошло переписи по уважительным причинам—около 10.000 человек, т.-е. 0,8% всего состава партии. Остальные не явились на перепись, тем самым оформив свой выход из партии. Таковых учтено всего 35.000 чел. или 3,0%.

Выпуск первый в погубернских же данных дает представление о численности коммунистов по типам ячеек: рабочим, деревенским, советским, военным, учебных заведений, при чем отдельно учтено число партийцев в ячейках при промышленных предприятиях государственных, кооперативных, частных и концессионных, на железнодорожном, водном и местном транспорте и в деревенских ячейках—крестьянских, при совхозах, коммунах и колхозах.

Во *втором* выпуске опубликованы данные о социальном составе партии, т.-е. иными словами—о принадлежности партийцев к той или иной группе трудящихся (рабочим, крестьянам, служащим) до момента вступления в партию или до 1917 г. для вступивших в ее ряды в период ее подпольного существования. Как и следовало ожидать, основную массу нашей партии составляют рабочие, численность которых к критическому дню переписи—10-му января 1927 г.—определена в 637.768 чел. или 55,7% всей численности партии или 56,4% в составе партии за вычетом из нее коммунистов в Красной армии и сов. учреждениях за границей.

На втором месте—по численности—стоят служащие—258.125 чел. (22,6%) и на третьем—крестьяне—217.411 (19,0%).

В этом же разделе (о социальном составе ВКП(б)) помещены данные о социальном составе коммунистов в отдельных типах ячеек.

Особенно интересны находящиеся в этом же выпуске данные о числе членов партии и кандидатов в промышленных предприятиях.

Опубликованные по этому вопросу цифры крайне интересны, они должны быть известны не только практическим строителям нашей партии,

но и нашим хозяйственникам-руководителям. Средние общесоюзные данные говорят о том, что на каждые десять индустриальных рабочих приходится один коммунист. Однако, эта средняя дает большие колебания в различных отраслях промышленности. Наиболее высока компрослойка в нефтяной промышленности (18,5%) и наиболее низка в текстильной (6,2%). Значительные отклонения от средней наблюдаются в предприятиях, группируемых по числу занятого в них персонала.

Далее, приводятся данные о партпрослойке на государственных, кооперативных, частных и концессионных предприятиях. На последних процент коммунистов очень незначителен (6,5% и 8,7%). На государственных же предприятиях мы имеем 10,5% коммунистов, а на кооперативных даже больше (13,3%). При средней весьма низкой компрослойке среди женского пролетариата (6,5%) этот показатель еще более снижается (3,7%) в той отрасли, где женский труд играет видную роль—текстильной. Это нам со всей решительностью диктует необходимость усиления приема в партию работниц на текстильных предприятиях.

В *третьем* выпуске мы находим цифры, характеризующие род занятий коммунистов к моменту переписи. Согласно данным этого выпуска в составе партии учтено (на 10-е января) рабочих—343.202 чел., крестьян—116.189, служащих и общественных работников—440.501, учащихся—58.004, военных—92.131, младшего обслуживающего персонала—28.789, безработных—45.020.

Необходимо, однако, иметь в виду, что среди служащих и общественных работников насчитывается весьма большое число (42%)—бывших рабочих и некоторое число (12,8%)—бывших крестьян. В группе учащихся мы имеем: рабочих—по основной профессии до вступления в партию—50,6%, крестьян—21,2%, служащих и прочих—28,2%.

Выпуск *четвертый*—один из наиболее интересных. В нем опубликованы впервые данные о квалификации рабочих-коммунистов и о связи их с землей, рисующие весьма благоприятную картину. Из числа состоящих в партии 343 тысяч рабочих «от станка» имеется квалифицированных—60,2%, полуквалифицированных—23,3% и неквалифицированных—16,5%. Цифры эти в комментариях не нуждаются, они ясно говорят о высоком качественном уровне коммунистов на производстве. Дифференцируя эти показатели по отраслям промышленности, мы получаем следующую картину. Наибольшее количество коммунистов—квалифицированных рабочих—мы имеем среди металлистов (81,5% квалифицированных рабочих), печатников (81,9%), строителей (95,9%), кожевников (90,9%). Менее квалифицированными являются табачники, бумажники и т. д.

Группировка партийцев-рабочих по профессии говорит о том, что большинство их составляют металлисты. Их—31,9%.

Впервые разработанные данные о связи рабочих с землей установили, что из всего числа рабочих в партии связано с землей только 11,9%, при чем лишь 4,7% участвуют в сельском хозяйстве своим личным трудом, остальные оказывают денежную помощь. Этот показатель повышается в ряде земледельческих и национальных районов. Если взять отдельно работниц в нашей партии, то из их числа имеют связь с землей лишь 4,2%. У нас установилось мнение, что железнодорожные рабочие особенно крепко связаны с землей. Между тем цифры говорят о том, что всего лишь 8,7% транспортных рабочих-коммунистов имеют сельское хозяйство.

Если данные о связи с землей коммунистов, рабочих «от станка», дифференцировать по квалификации рабочих, то оказывается, что больше связи с землей имеют полуквалифицированные и неквалифицированные. Если же те же данные рассмотреть по отраслям промышленности, то наибольшее число имеющих сельское хозяйство наблюдается среди пищевиков, строителей, швейников и наименьшее—в группе металлистов, печатников, табачников, рабочих водного транспорта и др.

Конечно, если бы в добавление к весьма интересным данным четвертого выпуска мы имели цифры о производственном стаже рабочих «от станка» в нашей партии, то характеристики таковых были бы полнее.

Наконец, в этом же выпуске есть еще один раздел—о связи с землей членов деревенских ячеек. Как и следовало ожидать, связь с землей тут высокая (43,2%), при чем по отдельным земледельческим губерниям этот процент еще более повышается.

Пятый выпуск посвящен вопросу об общем и политическом образовании коммунистов. Всего в нашей партии коммунистов с высшим образованием—0,8%, с средним—9,1%, с низшим—63%, с домашним—24% и неграмотных—2,3% (26 тысяч человек). Количество неграмотных велико в отсталых нац. районах, в частности в Средней Азии технически неграмотной оказывается одна пятая всей организации. Среди женщин в партии более образованные имеют относительно больший удельный вес. Так, имеющих высшее образование среди них—1,5%, среднее—13,5%. С другой стороны и неграмотных среди них больше (2,7%). Как и надо было ожидать, по образованию выше всех стоят служащие, затем рабочие и крестьяне.

В этом выпуске имеются данные о политическом образовании коммунистов, т. е. о том, какая часть партии прошла через те или иные партийные школы, кружки, вузы. Таковых оказывается 40,7%. Сказать, что большая часть партии (59,3%) не прошла никаких школ и потому политически неподготовлена—нельзя. Не надо забывать, что очень многие в нашей партии политически и идейно растут на практической живой работе. Наибольшее внимание в системе партобразования уделяется рабочим. Из их состава пропущены через школы 44,2%. Вместе с тем, заметно отстает дело вовлечения крестьян-коммунистов в эти школы (31,8%).

Шестой выпуск, кроме окончательных итогов численного состава партии, включает в себя данные о партийном стаже и возрасте коммунистов. Оказывается, в нашей партии членов, вступивших в 1916 году и ранее насчитывается всего 8.955 человек (1,1%). Основная часть партии (58,9%) вступила в партию в 1924—1926 гг. Особенно бросается в глаза значительный кадр застарелых кандидатов в партии. Кандидатов со стажем с 1920 по 1924 год насчитывается у нас 53.261 чел. (14,4%). Мы привыкли относить это явление целиком за счет деревенской части партии. Между тем цифры говорят, что среди крестьян меньше всего застарелых кандидатов (9,7%). Больше имеется их среди рабочих (15,7%) и среди служащих (19,2%). Сами собой напрашиваются задачи пересмотра состава застарелых кандидатов в партии.

Что касается возрастной группировки партийцев, то основная масса их (60%) находится в возрасте от 21 до 31 года. В возрасте 19-ти лет и моложе—9.703 чел. (0,8%) и свыше 60 лет 3.906 чел. (0,3%).

Во всех выпусках рассматривается состав женщин в партии по тем же признакам: социальному положению, роду занятий, партстажу и т. д.

Благодаря *седьмому* выпуску мы получаем весьма интересную картину национального сектора ВКП(б). В нашей партии имеется: русских 65%, украинцев—11,72%, евреев—4,33%, белоруссов—3,19%,

армян—1,66%, грузин—1,49%, татар—1,37%, узбеков—1,19%, латышей—1,17%, поляков—1,07%, казаков—1,05%, тюрок—0,98%. Здесь мы назвали лишь 12 национальностей, между тем, как это видно из седьмого выпуска, в ВКП(б) имеются представители 132 народностей. За исключением перечисленных, каждая из остальных национальностей в отдельности составляет меньше ½ процента партии. Весьма характерна численность женщин среди коммунистов-евреев и белоруссов. В то время, как в партии в целом имеется 12% женщин, среди евреев женщин—23,2% и среди белоруссов—только 6,6%.

Партия в своих решениях неоднократно указывала на необходимость обратить особенно большое внимание на вопрос вовлечения в партию трудящихся из коренного населения нацрайонов. Перепись показала, что в этом отношении у нас не все обстоит благополучно. В значительном числе нацрайонов в парторганизациях коммунисты коренной народности составляют меньшинство. Так, в Крыму имеется в парторганизации лишь 9,5% татар, в Ойратии—16,4% ойратов, в Казакстане—35,3% казаков, в Вотской автономной области—18,6% вотяков, в Адыгей-Черкесской а. о.—21,9% черкесов, в Бурято-Монголии—25,1% бурят и т. д. Цифры эти с железной необходимостью диктуют соответствующим организациям весьма серьезно подтянуться по части вовлечения националов в партию. Не мешает упомянуть, что наиболее высокий процент (не считая русских губерний) по этим показателям мы имеем в Ингушетии 80,9% ингушей, в Северо-Осетинской авт. обл. 85,8% осетин и в Армении 90,5% армян.

В этом выпуске даны цифры о численности коммунистов данной народности не только по ВКП(б), но и по данной территориальной единице. Используя эти данные мы вычислим весьма любопытный показатель (не данный, к сожалению, в книге). Этот показатель говорит о том, какая часть коммунистов данной народности находится «дома», т.-е. в своей республике. В наибольшей степени разбросаны по всей территории СССР коммунисты-армяне и белоруссы. В Белоруссии находятся лишь 36% всех белоруссов, состоящих в ВКП(б). В Армении же—38% армян. По отношению к другим нациям картина несколько другая. В Грузии сосредоточено 91% всех грузин-коммунистов, в Туркменистане—93% туркмен, в Казакстане—89% казаков, в Узбекистане—84% узбеков, и на Украине—66% украинцев.

Подавляющее число коммунистов-националов родным языком считает язык своей народности. Но есть некоторые исключения. Русский язык считается родным языком у 53,6% белоруссов, и 40,8% украинцев и у 28,7%... ойратов. Цифры насчет белоруссов и украинцев нас не должны удивлять, так как царская политика руссификаторства среди них всем известна. А насчет ойрат можно сказать лишь то, что у них родного литературного языка нет. До сего времени нет на ойратском языке ни партустава, ни программы партии.

И, наконец, пару замечаний о *восьмом* выпуске. Данные о парт'ядре в ВЛКСМ говорят о том, что оно по качеству хуже состава партии. В то время, как по всей партии рабочие по соцположению составляют 63%, в парт'ядре их—53,9%. Но это вовсе не об'ясняется большим числом служащих и исключительно большим удельным весом крестьян в парт'ядре комсомола. Здесь крестьян—23,2% в то время, как по всей партии—19%. Данные о занятиях парт'ядра в КСМ говорят о том, что здесь 30% учащихся и военных. Этим и об'ясняется сравнительно (со всей партией) низкий уровень рабочих «от станка» и крестьян, занятых в своем хозяйстве. Удельный вес женщин в парт'ядре (16%) выше, чем в партии (12%). В целом же парт'ядро в ВЛКСМ насчитывает 200.933 чел., т.-е. 17,6% всей партии. Как видно из предисловия к этому выпуску Статотдел ЦК разрабатывает материал с целью точного выяснения вопроса о том, в какой степени ВЛКСМ является резервом партии, в какой степени состав партии комплектовали вышедшими из комсомола. С этой целью разрабатываются, кроме данных на коммунистов, ныне состоящих в ВЛКСМ (что мы выше видели), также данные на тех коммунистов, которые ранее состояли в комсомоле.

В заключение—одно замечание о практическом значении изданных материалов. Мы иногда сталкиваемся с одним недочетом в местной партийной практике: работают, подытоживают, оценивают и т. д.

Работа на местах гораздо более выиграет, если практические строители партии будут сравнивать проделанную работу не только с тем, что было ранее в этом месте, но и с тем, что имеется по этой части в общепартийном масштабе, у соседей, в районах с одинаковыми условиями работы. Тут будет сильнейший стимул для подтягивания наиболее отставших районов. Материалы партпереписи с этой точки зрения сыграют весьма важную практическую роль на местах. Надо лишь пожелать им самого широкого распространения.

Изданы материалы хорошо. Тираж недостаточный. Придется, вероятно, переиздавать.

А. Азизян.

И. СТАЛИН. «Об оппозиции». Статьи и речи. 1921—1927 гг. Госиздат, 1928 г. Стр. 750, цена 2 руб., тираж 35.000.

Оппозиция и идеологически и организационно завершила свой бесславный путь к образованию второй—троцкистской—партии. Углубляя и развивая разногласия с ленинской партией, оппозиция скатывалась со ступеньки на ступеньку, превратившись, в конце концов, в своеобразное социал-демократическое течение.

Встретив сокрушительный отпор со стороны всей партии, несмотря на безудержную демагогию, оппозиционеры не собрали даже 1% голосов в партийных ячейках и поставили себя вне рядов ВКП(б).

XV парт'сезд подвел итог этой, «законченной уже», главе партийной истории, отметив, что «оппозиция идейно разорвала с ленинизмом, переродилась в меньшевистскую группу, стала на путь капитуляции перед силами международной и внутренней буржуазии и превратилась об'ективно в орудие третьей силы против режима пролетарской диктатуры. Именно поэтому оппозиция получила столь сокрушительный отпор как со стороны всей массы членов партии, так и со стороны рабочего класса в целом».

XV с'езд, четко выразив мнение всей партии, подчеркнул с категорической ясностью основной вывод, вытекающий из «деятельности» оппозиции: «Принимая во внимание, что разногласия между партией и оппозицией из тактических переросли в программные, что троцкистская оппозиция об'ективно стала фактором антисоветской борьбы, XV с'езд об'являет принадлежность к троцкистской оппозиции и пропаганду ее взглядов несовместимыми с пребыванием в рядах большевистской партии».

К такому концу пришла оппозиция в результате непрерывной, упорной борьбы с партией в течение ряда лет.

Весь путь оппозиции, шаг за шагом неудержимо сползающей к меньшевизму, прекрасно рисует новая книга тов. Сталина, беспощадно вскрывающая ошибки оппозиции, ее отход от ленинизма.

Книга включает статьи и речи тов. Сталина с 1921 г.—с дискуссии о профсоюзах.

Первая статья «Наши разногласия» посвящена выяснению ошибок троцкизма в дискуссии 1921 года. Тов. Сталин разоблачает ошибки Троцкого, настаивавшего на «перетряхивании» профсоюзов, на перенесении в профсоюзы военных методов работы.

Тезис Троцкого, утверждавшего, что «голое противопоставление *военных методов (приказ, кара)* профессионалистским методам (раз'яснение, пропаганда, самодеятельность) представляет собой проявление каутскиански-меньшевистско-эсэровских предрассудков»—прекрасно рисует истинный демократизм нынешнего неистового поборника и «вождя демократии». И тов. Сталин вскрывает это, отмечая, «что «демократизм» тов. Троцкого есть вынужденный, половинчатый, беспринципный и, как таковой, лишь дополняет военно-бюрократический метод, непригодный для профсоюзов».

Тов. Сталин, разоблачая ошибки троцкизма в дискуссии о профсоюзах, доказывает ленинское положение, что только «нормальными методами пролетарской демократии внутри союзов, только методами убеждения можно будет осуществить задачу сплочения рабочего класса, поднятия его самодеятельности и упрочения его доверия к советской власти, доверия, столь необходимого теперь для того, чтобы поднять страну на борьбу с хозяйственной разрухой».

Разбитый в 1921 году, троцкизм на известный период притих с тем, чтобы в 1923 году,—в обстановке хозяйственных затруднений,—с новой силой выступить против партии, подвергая ревизии все основные принципы строительства большевистской партии и ее политики.

Вопросы дискуссии 1923 года подробно освещаются в книге т. Сталина. Им посвящены доклад «О задачах партии» (в Красно-Пресненском районе), пять статей, доклад и заключительное слово на XIII Всесоюзной партконференции. Здесь находят исчерпывающий ответ все основные антибольшевистские идеи, с которыми оппозиция 1923 г. (представлявшая собою руководимый троцкистами трогательный блок «демократических централистов» с частью «левых коммунистов») выступала против ленинской партии. Тов. Сталин доказывает, что «партия не есть только союз единомышленников, она есть, кроме того, союз *единодействующих*, боевой союз единодействующих, борющихся на основе общей идейной базы (программа, тактика)». Тов. Сталин беспощадно разбивает основные положения оппозиции, добивавшейся свободы группировок, отрицавшей значение партийного аппарата, говорившей о перерождении старых большевистских руководящих кадров, противопоставлявшей молодое поколение старому, утверждавшей, что «молодежь—вернейший барометр партии»—«особенно—учащаяся молодежь» и т. д. Тов. Сталин доказывает, что оппозиция не только выражает настроения непролетарского сектора партии, но и развязывает, сама, быть может, того не сознавая, мелкобуржуазную стихию в стране. Недаром вузовцы-оппозиционеры договаривались в дискуссии 1923 г. до таких утверждений, что «наше дело постановлять, а дело ЦК исполнять и поменьше рассуждать» (!) или—еще чище—утверждение вузовца-оппозиционера Казарьяна: «Что у нас—диктатура пролетариата или диктатура партии над пролетариатом?» Тов. Сталин разоблачает «странное» поведение Троцкого, который после единогласного (при его участии) решения ЦК сейчас же выступил против этого решения и вдруг «открыл, что страна и партия гибнут и что он—тов. Троцкий, этот патриарх бюрократов, без демократии жить не может». «Нам было несколько смешно,—отмечает т. Сталин,—слышать речи о демократии т. Троцкого, того самого Троцкого, который на X с'езде партии требовал *перетряхивания* профсоюзов *сверху*».

Троцкий и оппозиция резко нарушают основные организационные принципы большевизма. «Нельзя требовать от рабочих подчинения партдисциплине, если один из членов ЦК открыто на глазах у всех игнорирует Центральный Комитет и его единогласно принятое решение. *Нельзя проводить две дисциплины: одну для рабочих, а другую—для вельмож*». Тов. Сталин подчеркивает, что «ошибка т. Троцкого в том и состоит, что он противопоставил себя ЦК и возомнил себя сверхчеловеком, стоящим над ЦК, над его законами, над его решениями»... «Незримо» возглавляемая т. Троцким оппозиция 1923 г. так же, как и оппозиция в 1927 году, встречала горячее одобрение со стороны... антисоветских сил. Недаром правый меньшевик Ст. Иванович писал: «Будем благодарны оппозиции за то, что она так красочно нарисовала картину ужасной моральной клоаки, которая именуется РКП... Будем ей благодарны за то, что ее работа облегчает дело всех тех, кто в свержении советской власти видит задачу социалистических партий». Третья сила все время стремилась использовать оппозицию. Работа оппозиции шла на пользу контрреволюции.

Партия разбила оппозицию 1923 г., решительно осудив ее, как мелкобуржуазный уклон. Однако, т. Троцкий не долго «держал руки по швам» (как сам он обещал на партс'езде). Он снова начал «литературную дискуссию», опубликовав свои «Уроки Октября».

Ошибки этого нового выступления тов. Сталин разоблачает в речи «Троцкизм или ленинизм» и в статье «Октябрьская революция и тактика русских коммунистов». Он доказывает, что «умысел» этого нового выступления заключался в том, что «тов. Троцкому «до зарезу» нужно развенчать партию, ее кадры, проведшие восстание, для того, чтобы от развенчания партии перейти к развенчанию ленинизма. Развенчание же ленинизма необходимо для того, чтобы протащить троцкизм, как «единственную», «пролетарскую» (не шутите!) идеологию». Тов. Сталин отчетливо вскрывает и сущность троцкизма, в течение ряда лет враждебно противостоящего большевизму. «Троцкизм есть теория перманентной (непрерывной) революции... Перманентная революция т. Троцкого есть, как говорит Ленин, «перепрыгивание» через крестьянское движение, «игра в захват власти». В чем ее опасность? В том, что такая революция, если бы ее попытались осуществить, кончилась бы неминуемым крахом, ибо она оторвала бы от русского пролетариата его союзника, т. е. маломощное крестьянство». Но троцкизм противостоит большевизму и по вопросу о принципах организации партии. «Троцкизм есть недоверие к большевистской партийности, к ее монолитности, к ее враждебности к оппортунистическим элементам. Троцкизм в организационной области есть теория сожительства революционеров и оппортунистов, их группировок и группировочек в недрах единой партии».

Итоги этой дискуссии подводит речь т. Сталина на пленуме ЦК и ЦКК 17 января 1925 г. На этом пленуме, как известно, тт. Каменев и Зиновьев настаивали на самых решительных «оргвыводах» по отношению к Троцкому. Большинство ЦК их в этом не поддержало, и по этому поводу начались (какова ирония истории!) расхождения Каменева и Зиновьева с ЦК. Впрочем, эти расхождения имели более глубокую основу, что отчетливо выявилось, когда Каменев и Зиновьев выступили с отрицанием возможности победоносного социалистического строительства в СССР, утверждая, что техническая отсталость советской страны является решающим препятствием на этом пути, если нас не поддержит победоносная революция на Западе. Взгляды тт. Каменева и Зиновьева в этом основном вопросе революции весьма сближали их с троцкистской теорией перманентной революции. В этих взглядах не-

трудно распознать рецидив октябрьской ошибки Каменева и Зиновьева. Отрицание возможности победоносного строительства социализма в СССР фактически означает отрицание социалистического характера Октябрьской революции.

Основные задачи наступающего нового периода развития—периода социалистической реконструкции хозяйства советской страны—и вопрос о возможности победы социализма в СССР освещены в докладе т. Сталина «К итогам работ XIV конференции РКП», в котором он, между прочим, доказывает, что «связь между неверием в Октябрь и непризнанием социалистических возможностей в нашей стране—полная и непосредственная». Здесь т. Сталин указывает на неразрывную связь ошибок тт. Зиновьева и Каменева в вопросе о возможности победы социализма в СССР с их октябрьской ошибкой.

Ошибки открыто и решительно выступившей на XIV партс'езде так наз. «новой оппозиции», возглавляемой Каменевым и Зиновьевым, вскрываются и беспощадно разоблачаются в помещенном в книге заключительном слове т. Сталина по политотчету ЦК XIV партс'езду и в особенности—в его статье «К вопросам ленинизма». Здесь т. Сталин глубоко и полно выясняет ошибки новой оппозиции во всех основных вопросах ленинизма, противопоставляя оппозиционным извращениям подлинные ленинские взгляды. На XIV партс'езде т. Сталин подчеркивает, что «партия хочет единства, и она добьется его, *вместе* с тт. Каменевым и Зиновьевым, если они этого захотят, *без них*—если они этого не захотят».

Каменев и Зиновьев пошли не с партией, а предпочли уйти к Троцкому, составив с троцкистами беспринципнейший оппозиционный блок, направивший все силы на борьбу против ленинской партии. Оппозиционный блок развернул интенсивную фракционную работу, отказываясь подчиняться партийным решениям и выступая против партии по всем решительно вопросам внутренней и международной политики. Троцкизм стал знаменем блока, все более углубляющего разногласия с партией, все более отчетливо—по мере развития этих разногласий—сползающего к социал-демократизму.

Исчерпывающую, беспощадную критику оппозиционного блока, полностью разоблачающую его социал-демократический уклон, дают доклад и заключительное слово т. Сталина на XV партконференции, а также принятые конференцией тезисы по его докладу. Тов. Сталин доказывает, что «оппозиционный блок является выражением упадочных и капитулянтских настроений», что «взгляды т. Троцкого и его единомышленников по основному вопросу о характере и перспективах нашей революции не имеют ничего общего со взглядами нашей партии, с ленинизмом», «что эти взгляды т. Троцкого и его единомышленников являются прямым приближением ко взглядам социал-демократии». «Оппозиционный блок превратился в сборный пункт всех и всяких осужденных партией и Коминтерном обанкротившихся течений внутри ВКП и вне ее, от «демократических централистов» и «рабочей оппозиции» внутри ВКП до ультра-левых оппортунистов в Германии и ликвидаторов суваринского толка во Франции». Тов. Сталин, анализируя предложения оппозиции по вопросам практической внутренней и международной политики, доказывает, что и здесь «блок» неудержимо скатывается к меньшевизму, несмотря на ультра-левую фразеологию, которой он прикрывает свой фактический оппортунистический уклон и отход от Ленина. Тов. Сталин отмечает, что «в результате попыток оппозиционного блока навязать партии дискуссию и подорвать ее единство, партийные массы еще более сплотились вокруг ЦК», что «только при активной поддержке широких партийных масс ЦК мог добиться таких успехов, что активность и сознательность, проявленная партийными массами в борьбе с дезорганизаторской работой оппозиционного блока, являются лучшими показателями того, что партия живет и развивается на началах действительной внутрипартийной демократии». Еще более подробный анализ социал-демократического уклона оппозиции дан в докладе и заключительном слове т. Сталина на VII пленуме ИККИ, куда апеллировали лидеры оппозиции, отказавшись (вопреки собственным заявлениям и обязательствам) подчиниться решениям партии.

Тов. Сталин доказывает, что «оппозиционный блок есть зародыш новой партии, подрывающей единство нашей партии», и подчеркивает, что «задача состоит в том, чтобы разбить этот блок и ликвидировать его». Тов. Сталин картинно характеризует партию и оппозицию:

«С одной стороны—наша партия, уверенно ведущая вперед пролетариат СССР, строящая социализм и зовущая пролетариев всех стран к борьбе. С другой стороны—оппозиция, ковыляющая за нашей партией, как дряхлый старик, с ревматизмом в ногах, с болью в пояснице, с мигренью в голове—оппозиция, сеющая кругом пессимизм и отравляющая атмосферу болтовней о том, что ничего у нас с социализмом в СССР не выйдет, что у них там, у буржуа, все обстоит хорошо, а у нас, у пролетариев, все обстоит плохо».

Оппозиция самым решительным образом выступила против линии партии и Коминтерна в вопросах международной политики. Выяснение глубоких ошибок оппозиции в этой области и обоснование последовательно-ленинской линии партии и Коминтерна даны в ряде речей и статей т. Сталина по международным вопросам: «Об англо-русском комитете единства» (опубликовывается впервые в данной книге); «О перспективах революции в Китае»; «Вопросы китайской революции»; «Беседы со студентами университета им. Сун-Ят-Сена»; «Революция в Китае и задачи Коминтерна»; «Заметки на современные темы»; «Международное положение и оборона СССР» (опубликовывается впервые). Тов. Сталин доказывает решительный «отход оппозиции от ленинской тактики, ультра-левый авантюризм ее политики», доказывает, что своей травлей пролетарского государства и ВКП, разговорами о термидоре и т. п. оппозиция фактически облегчает английским консерваторам подготовку войны против СССР, что «создается нечто в роде единого фронта от Чемберлена до Троцкого».

Троцкистская оппозиция непрерывно углубляла и расширяла свою антипартийную работу: построила законченный фракционный аппарат, создала нелегальную технику, широко развернула антипартийную деятельность, поставленную по всем правилам конспирации. Развивая свои взгляды, оппозиция превратилась в оформленное социал-демократическое течение, складывающееся в новую партию. Она в своей борьбе вышла за рамки партии, используя беспартийных интеллигентов самого сомнительного пошиба, ведя работу среди беспартийных, вынося ее на улицу. Этот последний этап борьбы троцкистской оппозиции с ленинской партией завершился полным политическим банкротством и разгромом строителей нового меньшевизма. Оценка и характеристика троцкистской оппозиции в этот последний период дана в речах т. Сталина на пленуме ЦК и ЦКК в августе 1927 г. (опубликовывается впервые в данной книге); на об'единенном заседании президиума ИККИ и ЦКК—27 сентября 1927 г.—«Политическая физиономия русской оппозиции», и, наконец, в речи на пленуме ЦК и ЦКК 23 октября 1927 г.—«Троцкистская оппозиция прежде и теперь».

Здесь т. Сталин дает ответ на вопрос, «на чем свихнулись лидеры оппозиции».

«Они свихнулись *прежде всего* на вопросе о ленинизме, на вопросе о ленинской идеологии нашей партии. Они свихнулись на том, что попытались и продолжают пытаться *дополнять* ленинизм троцкизмом, *заменить*, по сути дела, ленинизм троцкизмом. Но это есть, товарищи, тягчайший грех со стороны лидеров оппозиции, которого им не могла и не может простить партия».

Дав анализ взглядов Троцкого, противостоящих ленинизму, тов. Сталин отмечает, что «в результате полуменьшевистская болтовня Троцкого о национальной ограниченности теории Ленина становится той завесой в руках оппозиции, которой старается она прикрыть свою работу по ликвидации ленинизма в вопросе о социалистическом строительстве».

Троцкистская оппозиция стала осуществлять в своей практике троцкистскую теорию организации партии: «Для троцкистов невыносима пролетарская дисциплина партии. Троцкизм не терпит пролетарского режима в партии. Троцкизм не понимает, что без железной дисциплины партии невозможно проведение диктатуры пролетариата.

Тов. Сталин отмечает, что оппозиция превратилась в группу, работающую на международной арене и собирающую «вокруг себя всех и всяческих пройдох в роде Маслова и Рут Фишер, в роде Суварина и Оссовского».

Тов. Сталин характеризует последний этап развития оппозиции, скатившейся к законченному меньшевизму: «От лойяльности в отношении партии—к политике раскола в партии, от брошюры Ленина «Шаг вперед, два назад»—к брошюре Троцкого «Наши политические задачи», от Ленина—к Аксельроду,—таков организационный путь нашей оппозиции.

Оппозиция потеряла последние следы большевистской партийности. Яркую ее характеристику дают приведенные т. Сталиным в докладе на XV с'езде слова вступающего в партию рабочего: «Раньше мы искали, в чем разногласия между партией и оппозицией. А теперь уже не найдешь, в чем они согласны с партией». Оппозиция ушла к меньшевизму—и ее постигла историческая участь меньшевизма: полнейшее банкротство, развал, политическое вырождение, окончательная изоляция. Книга тов. Сталина «Об оппозиции» прекрасно показывает весь путь оппозиции, вскрывает корни ее ошибок, доказывает неизбежность ее банкротства. В то же время она помогает до конца познать твердую, выдержанную, последовательно-ленинскую линию партии в борьбе с новым меньшевизмом в троцкистской формулировке.

Б. Таль.

ГАНС фон-РЫМША. «Зарубежная Россия в 1921—1926 гг.». Очерк по истории России после войны. Иена, 1927 г. (Hans von Rimscha. Russland jenseits der Grenzen 1921—1926. Ein Beitrag zur russischen Nachkriegsgeschichte).

В 1924 г. вышла другая книга этого автора, тоже на немецком языке: «Гражданская война в России и русская эмиграция». Авалов-Бермондт обвинял ее в предвзятости, в использовании только левых источников. Однако, считать Рымшу левым не приходится. Вот как начинает он свой рассказ о конгрессе белых, состоявшемся 3-го апреля 1926 г. в Париже, в Отель Мажестик: «Старая Россия преобладает. Всюду видишь знакомые лица, слышишь самые громкие имена старого режима: герцог Лейхтенбергский, князья Голицын, Щербатов, три Оболенских, княгини Палей и Святополк-Мирская; митрополиты Евлогий, Антоний и Иннокентий; министры Трепов и Гурко». Затем автор перечисляет генералов, «не менее звучные (bestklingend!) имена из интеллигентских кругов», и «тузов промышленности старого времени: Рябушинского, Лианозова, Третьякова, Денисова». «Это,—говорит он,—воистину был цвет нации (auserlesene)». Вот где симпатии Рымши. Что касается большевиков, то он называет их не иначе, как орденом, коммунистическим орденом. «Вся сила большевиков,—заявляет он,—состоит, как известно, в их аристократически организованной спаянности, в коммунистическом ордене... Фашизм и большевизм—одно и то же: крайние аристократические системы. Это давно известно и недавно обосновано было (!) графом Кайзерлингом». Для характеристики автора приведем также его собственное открытие, которому он придает, повидимому, большое значение: меньшевики были партией, состоящей преимущественно из евреев, а большевики до переворота, напротив, были из всех русских революционных партий «наиболее свободны от евреев» (judenreinst). И в довершение—следующий курьез: «После смерти Ленина высшие государственные посты заняты были русскими крестьянами Калининым и Рыковым... Борьба за власть происходила между тремя аристократами: Сталиным, Дзержинским и Чичериным (грузинского, польского и русского происхождения) и тремя евреями: Зиновьевым, Каменевым и Троцким».

Не правда ли, восхитительно! Рассказав про «ликвидацию еврейских элементов», автор добавляет: «Впрочем, для большевиков здесь дело не в антисемитизме или семитизме, так как они придерживаются теории, которая видит в русских евреях вообще не семитов, а хазаров, туранское племя и т. д.».

Оговоримся: вышеприведенными курьезами ограничивается фантастика в изложении Рымши. В известном смысле их можно считать ляпсусами или антисемитской идиосинкразией (жупелом). Мы не нашли в книге других явных нелепостей. Напротив, она, можно сказать, составлена с чисто-немецкой добросовестностью, это—полугелертерский трактат на тему о русской эмиграции; автор желал дать в своей книге «историческое исследование». Автор старается быть об'ективным, рассуждает в общем трезво. Ему нельзя отказать в известном знакомстве с советской действительностью. Он знает цену той макулатуре о СССР, которая еще недавно преподносилась иностранному читателю, приводит для примера квазинаучную книгу некоего Плетца, в которой максималисты об'являются приверженцами Максима Горького (K. Plötz, Hauptdaten der Weltgeschichte. Leipzig. 1918). В общем повторяем: это—наш политический враг, но тем более ценны для нас выводы, к которым он приходит в своей книге. С одной стороны, это—убийственная критика белой эмиграции, с другой—это вынужденный дифирамб, вынужденное признание «грандиозности, пожалуй, и величия» большевистского строительства новой жизни, ее «изумительно богатого идейного содержания, идейной продуктивности и активности, которые, пожалуй, не имеют ничего себе равного во всей русской истории». Автора никак нельзя заподозрить в пристрастии к большевикам. Тем более ценный сугубый интерес приобретают для нас его суждения об эмиграции и о СССР.

Описательная, эпизодическая часть его истории белой эмиграции дает правильную картину. Отметим некоторые выводы автора. 3-я глава озаглавлена: «Банкротство старых партий»; в ней говорится об «умирающей кадетской партии», о «полном разброде и беспомощности» (völlige Rat-und Planlosigkeit) партии эсэров, о «фактическом завершении ее банкротства», о том, что «партия существует только номинально», что

«не лучше обстоит дело с меньшевистской партией», «после смерти Мартова Дан оказался не в силах примирить противоречия», «в конце концов никто не знал, кто, собственно, имеет право говорить от имени отдельных групп», «декларация и контрдекларация, резолюция и контррезолюция—таков обычный результат партийных собраний», «меньшевики всегда обнаруживали явный недостаток воли, а теперь, при данных обстоятельствах, это чувствовалось еще болезненнее», «итак, и здесь мы имеем дело с банкротством», такова «безотрадная во всех отношениях картина русских социалистических партий (в эмиграции)».

Подробнее останавливается Рымша на монархистском лагере. Здесь он тоже видит «партийное болото», «трясину»; «думали, что стоят на твердой почве, а на самом деле попали в трясину». «Крах гражданской войны следует считать поражением русской демократии» (хороша «демократия» под знаком Колчака и Деникина!!!); отсюда—заключение, что консервативные партии имели в некотором роде более шансов, были жизнеспособнее. Но и они обманули ожидания. Прелестные детали приводятся у Рымши относительно Кирилла: вся его авантюра была затеяна на деньги американских спекулянтов, поэтому—реверансы по адресу Америки в манифесте «царя всея России»: в совете регентства американским дельцам были обещаны три обязательных места; это было «реальной почвой», и когда американцы приостановили платежи, то затея окончательно рухнула. Эти и другие детали приводятся по книге одного из инициаторов авантюры, нововременца Снесарева, который, «несмотря на свои седины», спекулировал Романовым, а потом поражает автора цинизмом своих разоблачений. Вся затея приняла «опереточный характер», число приверженцев Кирилла было «микроскопично». В лагере Николая Николаевича—не утешительнее. Рымша говорит о шпионстве в пользу Антанты, о том, что относительно будущей формы правления благоразумно умалчивалось, что с'езд 3 апреля 1926 г. был «сплошным самообманом» (ein grosser Rausch) и «не достиг того, чего желал». Зато значение с'езда заключается в том, что «на нем родился русский фашизм», найден был duce в лице Романова, из которого песок сыплется. «Несмотря на все старания, с'езду не удалось об'единить всю эмиграцию», «теория зарубежной России и под'яремной России, на которой базировался с'езд, осталась натяжкой». Но поскольку союз Марковых и интеллигенции являлся «целевым союзом», «коалицией воли и интеллекта» (слова Трубецкого) под эгидой стоящего якобы над партиями duce, это,—аргументирует Рымша,—было не что иное, как фашизм. «Николай Николаевич являлся здесь не в роли претендента на престол, а в роли duce, стоящего в стороне от монархии и республики (итак, республика с Романовым во главе! *Ф. К.*), точно так же, как Муссолини, де-Ривера, Пангалос, Пилсудский, а всего лучше его можно-де сравнить с Кемаль-пашой. Поэтому среди его сторонников были приверженцы различнейших партий. Только таким путем возможно было честное (!) сотрудничество старорежимной России и интеллигенции». Ужасное заявление Амфитеатрова, что он стал «николаевцем», автор называет честным сотрудничеством... Два других конгресса 1926 г. (январский и июньский) были безрезультатны, но этот конгрес,—говорит Рымша,—дал ощутительный, реальный результат: нарождение русского фашизма. Автор, конечно, не останавливается на классовом базисе, поэтому фашизм представляется у него чем-то надпартийным. Зарождение русского фашизма он ставит в связи с «полным и явным банкротством всех старых партий, группировок и коалиций». Конечно, автор преувеличивает значение персоны Николая Николаевича даже как эмблемы; но его аргументация и выводы весьма интересны. «В общем приходится сказать, что с'езд попал в цель. Он попал в большевистского великана, хотя удар был лишен силы и только оцарапал кожу великана, оставив невредимым сердце и жизнь его».

Рымша подчеркивает, что и на этом, белом с'езде неоднократно говорилось (Семенов, Краснов) о необходимости сорганизовать централизованный национальный орден. «Эта по существу антидемократическая мысль была даже раз осуществлена, когда налицо была опасность превращения в парламент, решающий большинством голосов; а именно после того, как с'езд уже голосовал по вопросу об органе, принято было другое решение, сошлись на нем противно принципу большинства». Очевидно, в жаргоне Рымши под «орденом» следует понимать отрицание формальной демократии. Ясное дело, что этой последней не может быть у наших «народных монархистов»!

Переходим теперь к самой интересной главе у Рымши, озаглавленной: «Духовные кризисы».

После своего политического поражения в гражданской войне,—читаем мы у Рымши,—эмигрировавшая белая интеллигенция ощутила потребность вернуться к своей истинной сфере, литературе, и взять здесь реванш. В одном Берлине основано было (до 1923 г.) не менее 60 русских издательств. Основывались школы, курсы, университеты, театры и т. д.[1]). «Но разочарование на этом поприще оказалось еще основательнее, нежели на политическом... В этой области эмиграция тоже вынуждена сложить оружие перед большевиками... В настоящее время уже нет никакого сомнения, что средоточие культурной России не в Париже, и не в Праге или Берлине, а попрежнему в Москве». Рымша указывает, между прочим, на то, что в вышедшей в 1924 г. книжке F. Jung, «Das geistige Russland von heute» из 140 страниц, только 4 посвящены эмиграции. Выводы Рымши тем характернее, что на первых порах успехи эмиграции в этой области «превзошли все ожидания» и что эмиграция была уверена, что «Советская Россия не может, да и не желает конкурировать с ней в этой области». Большевизм недооценивали в этом отношении,—мы продолжаем цитировать Рымшу,—не только белая эмиграция, но временно также и сама Европа. В нем видели только разрушительную сторону, судили о нем односторонне только по хозяйственной жизни, «в которой самым явным и роковым (!) образом проявилась эта деструктивная сторона его». «При этом совершенно упустили из виду (и прошел ряд лет, пока начали убеждаться в противном), что здесь речь идет вовсе не об экономических вопросах, не о революции в обычном смысле, а о чреватой грядущим (schicksalschwer) проблеме всей нашей культуры, об идеалах человечества (der Menschheit letzte Dinge)». Теперь,—говорит Рымша,—мы знаем, что новая Россия с неслыханной смелостью строит новый тип человека, коллективного человека, «дивидуум», как (в отличие от индивидуума) назы-

---

[1]) Впрочем, со школами обстоит далеко не блестяще. К концу 1926 г. в Европе существовало 95 русских школ, основанных эмигрантами. Училось в них 9500 детей,—ничтожная доля при цифре эмиграции в 2 миллиона (в 1924 г. автор оценивал ее в 3 млн., считает это теперь, однако, преувеличением и в своей новой оценке базируется на анкете Интерн. Бюро Труда, на которую ответили 22 правительства). Еще характернее, что на Балканы и славянские государства (кроме Польши) приходятся 44 школы, на окраинные государства — 33 школы, и на прочую Европу — всего 18 школ с 1487 учениками. Не удивительно, если новое поколение окажется не только оторванным от русской культуры, но и не умеющим говорить по-русски. Любопытно замечание Рымши, что даже у членов эмигрантских с'ездов можно по их внешнему обычаю более или менее безошибочно определить, в какой стране они проживают: они получают от нее внешний отпечаток.

вает его талантливый наблюдатель Р. Филец-Миллер (R. Fülöp-Müller. Geist und Gesicht des Bolschewismus. 1926).

«Трагика эмигрантской интеллигенции заключается в том, что, будучи оторвана от родной почвы, она осуждена на бесплодие». А между тем там, в СССР жизнь бьет ключом. «Конечно, там царит дух экспериментирования, весьма беспокойный и непоседливый, каждый раз хватающийся за новое, пробующий все и почти ничего не доводящий до конца, сегодня возводящий на пьедестал то, что он вчера предавал анафеме. Но это очень изобретательный дух. Он захлебывается от восторга, находя новые пути буквально во всех областях общественной и личной жизни». В качестве примеров Рымша указывает на показательные процессы, на агиттеатр, на коллективное искусство, на «спектакли, в которых участвует в качестве артистов население целого города», на симфонии фабричных гудков и сирен, «с участием целых пулеметных рот, батарей и флотских эскадр», на деятельность культпросвета, на новую половую мораль, на борьбу против религии (у Рымши она превращается также в борьбу за религию!), на кампанию против матершины, семечек, лени и лжи. «Все это свидетельствует о бьющей через край культурной жизни, хотя большинство этих идей утопичны» [1]).

Этому Рымша противопоставляет застой и косность в эмиграции. «Теперь уже не тайна, что поэты и писатели эмиграции не произвели ничего действительно значительного». Странное дело, наш автор включает сюда также Горького. Однако, в общем замечательно, что и автор типа Рымши подчеркивает бесплодие и обреченность духовного творчества эмиграции. «Большое количество эмигрантских изданий далеко не свидетельствует еще о духовной продуктивности эмиграции... это большей частью перепечатки классиков, сомнительного свойства беллетристика и очень много переводов. Не высоко можно также оценивать появляющиеся в большом количестве романы на фоне революции (Revolutionsromane); большей частью они не дают художественного отображения революции и служат лишь средством антибольшевистской пропаганды, таковы, например, известные романы генерала Краснова. Зато в Советской России действительно народилась новая литература, тесно связанная с революцией. Только сами революционные (у автора это слово поставлено в кавычки) поэты постигли революцию, как истинные художники; таких захватывающих аккордов, как Блок в своих «Двенадцать» или Белый в «Христос Воскрес», не нашел ни один эмигрант. Автор противопоставляет «окаменелую» поэзию эмигрантов «неграмотной» поэзии нашего молодняка; «пусть эта последняя детский лепет, но в ней пульсирует живая жизнь, юный задор, которому принадлежит будущее». Впрочем, кое-что здесь у Рымши не совсем клеится. Не в «официальной» литературе «с знаменитой троицей: Демьян Бедный, Маяковский и Мариенгоф во главе», а в попутчиках он видит главное достоинство и достижения советской литературы. «Современная русская литература, это—литература попутчиков». Они лучше всего отображают великие события в России, «в их произведениях яснее всего выступает противоречие между тем, чего желали достичь большевики, и тем, какая эволюция происходит на самом деле при их режиме». Как видим,

[1]) В другом месте Рымша говорит о разрешении у нас национального вопроса. Журнал «Jüddentsche Monatshefte» (июль 1926 г.) называет нашу политику в национальном вопросе geradezu genial (можно сказать, гениальной). В этом духе высказываются Axel de-Fries. Die Sowietunion nach dem Tode Lenins и др.

у Рымши вполне определенный уклон, от его похвалы не всегда поздоровится...

При оскудении и бесплодии эмигрантской литературы видное место занимают в ней мемуары. Это—литература бывших людей. При этом Рымшу поражает та бесцеремонность, с которой авторы мемуаров каются публично во всех мерзостях. Автор останавливается также на состоянии науки у белых и тоже приходит к весьма неутешительным результатам. Процветает только мемуарно-историческая литература. «В эмпирических (точных) науках Советская Россия, несмотря на все трудности, далеко превосходит эмиграцию, это не подлежит никакому сомнению». Эмиграция лишена необходимых вспомогательных средств для научной работы. Университетские курсы в центрах эмиграции «почти исключительно служат целям учебы, а не научного исследования». «В исследовательской области преимущества Советской России неоспоримы». Кстати сказать, «постановка школьного дела в Советской России стоит на первом плане в американской и английской педагогической литературе». «Всему этому эмиграция не в состоянии противопоставить ничего аналогичного. То же следует сказать об археологии, географии и геологии, для которых в эмиграции тоже отсутствуют все предпосылки». «Для исторической науки тоже нет налицо достаточных источников... Но чувствуется также недостаток в широких концепциях. Здесь сказывается специфический эмигрантский уклон в тенденциозную полемику. Двухтомная «История октябрьской революции» Милюкова—не что иное, как попытка самооправдания, его другой крупный труд под заглавием: «Крах России»—не научное произведение, а памфлет».

Право и философия не избежали общей участи; относительно философии это всего поразительнее, ибо «именно в области идеалистической философии ожидали совсем других результатов, тем более, что в России она потеряла всякую почву, а в эмиграции живут теперь не менее 31 профессора философии». Исключением является, по мнению Рымши, философия истории, а именно евразийское учение Трубецкого, Бердяева, Франка, Карсавина. Да и эти идеи, как правильно отмечает Рымша, возникли в России: Бердяев, Франк и Карсавин не добровольные эмигранты, а высланы из СССР. Итак, в общем—картина запустения. Это не только мнение иностранца. Рымша ссылается на обследование, произведенное в 1924 г. видными учеными эмиграции («Русская книга за рубежем», Прага, 1924 г.); они пришли к заключению, что духовная продукция зарубежной России чрезвычайно низка, уж, не говоря о том, что литература по точным наукам исключительно ограничивается учебниками.

Остановимся на отношении автора к «евразийцам». «Евразийцы первые поняли, что в русской революции дело идет не столько о политических, сколько о культурных ценностях». «Евразийцы—единственные из всех различных эмигрантских групп имеют определенное мнение *о смысле* русской революции и о ее последствиях; оно находится в глубоком принципиальном противоречии с (взглядами) руководящих групп эмиграции, оно первое возвысилось над чисто внешними, хотя и столь ужасными, но все же вторичными явлениями (революции), возвысилось до понимания самой сути проблемы». В чем же дело? Дело, видите ли, в борьбе против романо-германской культуры. Книга Трубецкого дышит «чуть ли не беспредельной ненавистью к европейской культуре». Из этой книги наш автор черпает свое понимание «сути проблемы»! Нечего и говорить, что это—кривое зеркало! Борьбу против империализма европейских «держав», борьбу за освобождение востока и всего мира от ростовщических монополистов упадочного капитализма наш автор при-

нимает за борьбу против европейской культуры! В этом «смысл» Октябрьской революции!? Нет уж, извините, это—реакционнейшая клевета, в сравнении с которой являются невинными упражнениями «ирония» Гильфердинга, что мы идем с социализмом «к туркестанским муллам», или столь же дешевая ирония амстердамцев, что мы «учимся» у негров Тимбукту. Рымша начал за здравие и кончил за упокой. Он поет дифирамбы нашему строительству новой жизни, нового человека, но в конце концов оказывается, что наше культурное строительство—азиатчина, угроза европейской культуре! Азиатчина—в том оскорбительном смысле, который придают этому слову эти господа. Здесь сказался наш почитатель князей и митрополитов, «цвета нации», тот Рымша, с политической физиономией которого мы познакомились выше. Конечно, ему на руку бердяевские сказки о нашем «мессианизме», о большевизме как религии, как «национальном» перерождении марксизма, как воплощении русской «широкой натуры» и т. д. Именно, как немцу, с националистским душком, они ему еще более на руку. Нет, не в этом «смысл русской революции». Много говорить об этом не приходится; для читателя-марксиста и без того ясно. Отметим только следующее: только немарксист может так отделять культурную сторону от экономики, как это делает Рымша, расхваливая наше культурное строительство, а экономику относя к козлищам; только немарксист может ожидать появления нового человека, «дивидуума», без соответствующей экономической основы, без социализма.

Ф. Капелюш.

Список статей и рецензий, помещенных в „Большевике" в 1927 г.

Ленин и ленинизм.

Ангарский, Н.—О влиянии немецкой аграрной дискуссии на выработку взглядов Ленина по аграрному вопросу. (№ 2, стр. 68).
Беленький, М.—Кооперативный план Ленина и его лжетолкователи (№ 22, стр. 84).
Яковлев, Я.—Ленин в борьбе с бюрократизмом (№ 2, стр. 12).

Вопросы внутрипартийной политики.

Бауман, К.—Основные моменты работы партийных организаций (№ 10, стр. 56).
Иначе быть не может (передовая) (№ 23—24, стр. 3).
К XV с'езду партии (передовая) (№ 22, стр. 3).
Как партия относится к широкой дискуссии (передовая) (№ 15—16, стр. 3).
К июльскому пленуму (передовая) (№ 13, стр. 3).
На грани (передовая) (№ 18, стр. 3).
На ленинских путях (передовая) (№ 2, стр. 3).
О работе в массах (передовая) (№ 6, стр. 3).
Об'единенный пленум и оппозиция (передовая) (№ 14, стр. 3).
Октябрьский пленум ЦК и ЦКК (передовая) (№ 19—20, стр. 3).
Партия ждет ясного ответа (передовая) (№ 17, стр. 3).
Партийная линия и оппозиционные зигзаги (передовая) (№ 4, стр. 38).
Прелков, В.—Массовая работа на предприятиях (№ 7—8, стр. 78).
Рубинштейн, Н.—«Ультра-левые» ренегаты и троцкистская оппозиция (№ 21, стр. 45).
Рютин, М.—Низовая работа и задачи партруководства (№ 5, стр 49).
Сперанский, Н.—Оппозиция, социал-демократия, партийный режим (№ 23—24, стр. 67).
Через десять лет (передовая) (№ 21, стр. 3).

Ярославский, Ем.—Философия упадочничества.—Приложение: Письмо А. Иоффе (№ 23—24, стр. 135).

Вопросы экономического курса.

Александров, П.—Индустриализация СССР и проблема с.-х. сырья (№ 1, стр. 27).
Александров, П., Розенталь, К., Хавин, И.—Замечания к материалам по пятилетнему перспективному плану нар. хозяйства СССР (в порядке обсуждения) (№ 10, стр. 39).
Вайсберг, Р.—Контрольные цифры на 1927—28 г. и план социалистического строительства (№ 19—20, стр. 24).
Гольденберг, Э.—Под занавес (№ 14, стр. 25).
Гуревич, Х.—Проблема экономической подготовки в обороне (в порядке постановки вопроса) (№ 14, стр. 67).
Дейчман.—Проблема, заслуживающая внимания (№ 19—20, стр. 130).
Зайцев, А.—По поводу одного «анализа» нашей экономики (№ 5, стр. 7).
Гактынь, А.—Вопросы нового промышленного строительства (№ 6, стр. 21).
Колесников, Б.—Итоги и перспективы индустриализации (№ 18, стр. 64).
Колесников, Б.—О некоторых спорных вопросах современного экономического курса (статья дискуссионная) (№ 22, стр. 100).
Краваль, И.—Сводный план промышленности на 1926—27 г. (№ 4, стр. 28).
Краваль, И.—Социалистическая рационализация производства и управления (№ 9, стр. 41).
Крумин.—Новые похождения оппозиционных экономистов на ниве советской экономики (№ 6 и № 7—8, стр. 78 и 27).
Ларин, Ю.—Налоговое обложение и оппозиция (№ 13, стр. 48).
Ларин, Ю.—Капиталистическая промышленность, ее рабочие и наша установка (№ 11—12, стр. 78).
Маркус, Б.—Семичасовой рабочий день (№ 21, стр. 25).
Маркус, Б.—Положение рабочего класса в СССР (№ 19—20, стр. 65).
Маркус, Б.—Вопросы охраны труда в платформе пятнадцати (№ 17, стр. 79).
Микоян, А.—Центральная ось современной хозяйственной политики (№ 4, стр. 18).
Мотылев, В.—Проблема темпа развития СССР (№ 23—24, стр. 21).
Никулихин, Я.—Проблема ж.-д. строительства (в порядке обсуждения) (№ 11—12, стр. 90).
Преображенский, Е.—Экономические заметки (№ 6, стр. 57).
Розенталь, К.—Больные места (№ 5, стр. 21).
Розенталь, К.—К вопросу об основном капитале нашей промышленности (№ 7—8, стр. 55).
Розенталь, К.—Перспективы индустриализации и оппозиционные «зады» (№ 18, стр. 81).
Розенталь, К.—Оппозиция в вопросах современного экономического курса (№ 22, стр. 117).
Смилга, Н.—На экономические темы (№ 6, стр. 65).
Тесленко, М.—Роль частного капитала в акционерном строительстве (№ 15—16, стр. 72).
Тирзбанурт, Т.—Наша безработица (об'един. оппозиция в борьбе с безработицей) (№ 14, стр. 73).
Фейгин, В.—Ускорение оборота, как источник средств для индустриализации (№ 5, стр. 37).
Халатов, Арт.—Транспорт в период реконструкции народного хозяйства СССР (№ 7—8, стр. 67).

Хозяйственная политика в деревне.

Азизян, А.—Некоторые итоги работы по организации бедноты (№ 2, стр. 36).
Бергавинов, С.—О темпе и характере расслоения сибирской деревни (№ 13, стр. 81).
Вольф, М.—К вопросу о дифференциации села (№ 23—24, стр. 118).
Зиновьев, Г.—Манифест кулацкой партии (№ 13, стр. 31).
Карпинский, В.—Основные начала нашего аграрного законодательства (в порядке обсуждения) (№ 1, стр. 42).

Каценеленбоген, М.—О достижениях и недостатках в деле помощи бедноте (№ 19—20, стр. 90).

Кругликов, С.—Борьба социализма и капитализма в деревне (№ 23—24, стр. 54).

Кузьмин, В.—Троцкий о путях развития советской деревни (№ 21, стр. 55).

Ларин, Ю.—Дореволюционные остатки в современном кулачестве (в порядке обсуждения). (№ 22, стр. 40).

Лифшиц, М.—Обложение деревни и оппозиция (№ 22, стр. 71).

Мацкевич, А.—К вопросу о выборе форм землепользования (№ 23—24, стр. 128).

Никольский.—К вопросу о рабочих, живущих в деревнях (№ 4, стр. 41).

Письмо Ян-ского и ответ т. Сталина (№ 7—8, стр. 125).

Сафаров, Г.—Наступление капитала в сибирской деревне (№ 15—16, стр. 90).

Сырцов, С.—Неудачное наступление т. Сафарова (№ 15—16, стр. 100).

Устинов, М.—К вопросу о формах землепользования (№ 19 — 20, стр. 143).

Шефлер, М.—Не довольно ли рецептов? (№ 15—16, стр. 33).

Яковлев, Я.—Итоги развития аренды в сельском хозяйстве и задачи нашей экономической политики (№ 15—16, стр. 45).

Советское государство.

Брудный, М.—О бюрократизме (№ 18, стр. 22).

Брудный, М.—Наши разногласия и неоднородность пролетариата (№ 19—20, стр. 50).

К вопросу о раб.-кр. правительстве (письмо т. Дмитриева и ответ т. Сталина) (№ 6, стр. 96).

К итогам Всесоюзного С'езда Советов (передовая) (№ 9, стр. 3).

К перевыборам советов (передовая) (№ 3, стр. 3).

Питковский, Мих.—О работе городских советов (№ 15—16, стр. 80).

Кооперация.

Аболин, Арт.—Накопление в крестьянском хозяйстве и кооперация (№ 3, стр. 33).

Беленький, М.—Пути производственного кооперирования крестьянства (№ 17, стр. 58).

Григорьев, В.—О путях производственного кооперирования и об ошибках т. Беленького (дискуссионная) (№ 19—20, стр. 150).

Литвинов, Ю.—Вовлечение рабочих в кооперацию (№ 3, стр. 49).

История.

К десятилетию февральской победы (передовая) (№ 5, стр. 3).

Ломакин, А.—Между баррикадами (№ 21, стр. 19).

Яковлев, Я.—К вопросу о большевистской тактике в Октябре (№ 21, стр. 11).

Международное революционное движение и Коминтерн.

Беннет.—Английские коммунисты в новой полосе (№ 19—20, стр. 109).

Вознесенский, А.—Аграрная революция в Китае и с.-х. пролетариат (№ 17, стр. 90).

К пленуму ИККИ (передовая) (№ 10, стр. 3).

К итогам пленума ИККИ (передовая) (№ 11—12, стр. 3).

Левин, И. Д.—Английское рабочее движение и Китай (№ 5, стр. 58).

Мандалян, Г.—Распад Ухана и Нанкина и поход в Гуандун (№ 15—16, стр. 63).

Мерфи, Дж. Т.—Английское рабочее движение в 26 г. (№ 2, стр. 53).

Миф, П.—Характер и движущие силы китайской революции (№ 1, стр. 12).

Миф, П.—Китайская коммунистическая партия в критические дни (№ 21, стр. 63 и № 23—24, стр. 98).

Н. Р.—Клерикализм и пролетариат в Германии (№ 18, стр. 51).

Очередные вопросы международной революции (передовая) (№ 1, стр. 3).

Революция и контрреволюция в Китае (передовая) (№ 7—8, стр. 3).

Рютин, М.—Китайская революция и лозунг советов (№ 11—12, стр. 29).

Слепков, А.—Оппозиция и вопросы международной политики на об'единенном пленуме (№ 14, стр. 36).

Смолянский, Г.—Политика «дальнего прицела» и англо-русский комитет (№ 15—16, стр. 53).

Сталин, И.—Революция в Китае и задачи Коминтерна (речь, произнесенная на заседании ИККИ от 24/V—27 г.) (№ 10, стр. 13).

Степанов.—Автономистское движение в Эльзас-Лотарингии (№ 3, стр. 59).

Социал-демократия и меньшевизм.

А. С.—К характеристике идеологии современной с.-д. (№ 6, стр. 8; статья вторая—№ 7—8, стр. 13; статья третья—№ 10, стр. 28; четвертая—№ 13, стр. 10 и № 15—16, стр. 10).

Астров, В.—Бауэр о «функциональной демократии» (№ 22, стр. 7).

Борилин, Б.—О с.-д. «критике» империализма (№ 9, стр. 10).

В. А.—Австро-марксистская «социализация» (№ 17, стр. 21).

В. А.—Поштучный социализм Карла Реннера (№ 14, стр. 11).

Гольденберг, Э.—От пораженчества к меньшевизму (№ 19—20, стр. 13).

Кругликов, С.—Как «Капитал» обрабатывается в угоду капиталу (№ 18, стр. 8).

Слепков, А.—О вывертах г-на Бауэра и его новых прозелитах (№ 3, стр. 25).

Международная политика и экономика.

Бах, М.—Фашизм в Прибалтике (№ 4, стр. 46).

Берлович, Еф.—«Год разочарований» или закономерность загнивания (№ 11—12, стр. 49 и № 13, стр. 60).

Борилин.—Куда устремляется капитализм (№ 13, стр. 24 и № 14, стр. 45).

Варга, Е.—Проблема капитализма во Франции и французская компартия (дискуссионная) (№ 7—8, стр. 88).

Варга, Е.—Репарационная проблема и новый конфликт (№ 22, стр. 61).

Викторов, Г.—Империалистическая Франция и СССР (№ 19—20, стр. 99).

Галкович, М.—Новое в тихоокеанской проблеме (№ 6, стр. 49).

Гольденберг, Э.—Против путаницы в теории империализма (№ 3, стр. 8 и № 4, стр. 8).

Гордеев.—Фермерское движение в С. Шт. (№ 3, стр. 72).

Илимский, Дм.—Американская пятилетка (№ 17, стр. 43).

Ильин, Ал.—Старая система новых союзов (№ 1, стр. 87).

Китайгородский, П.—Перегруппировка сил в зап. сект. Средиземного моря (№ 2, стр. 62).

Китайгородский, П.—Заметки о кемалистской Турции (№ 18, стр. 41).

Лухани, Г.—Опасность войны против СССР и английские военные подготовления в Индии (№ 21, стр. 75).

Мерфи, Дж.—Билль против трэд-юнионов (№ 11—12, стр. 42).

Мерфи, Дж.—Ирландия прежде и теперь (№ 18, стр. 29).

Минц, И.—В белой эмиграции (№ 6, стр. 40).

Розит, Д.—Расстановка классовых сил в переходный период (№ 23—24, стр. 10).

Рубинштейн, М.—К характеристике экономики Китая (№ 9, стр. 64 и № 10, стр. 68).

Степанов.—Французский капитализм и ФКП (№ 7—8, стр. 110).

Танин, М.—Англо-советский разрыв и проблема единого империалистического фронта (№ 11—12, стр. 59, № 13, стр. 70 и № 14, стр. 55).

Тимов, С.—Аграрно-крестьянский вопрос в Румынии (№ 1, стр. 70).

Червонный, А.—Спорные вопросы новейшей истории Персии (№ 4, стр. 55).

Хромский, И.—Хозяйственное и политическое положение Чехо-Словакии (№ 5, стр. 77).

Шубин, П.—Трестификация Европы и американские планы (№ 23—24, стр. 81).

Вопросы национальной политики.

Каценеленбоген, М.—Об «уклонах» в национальной политике ВКП(б) (№ 22, стр. 19).

Криницкий, А.—К вопросу о национальной культуре (№ 9, стр. 51).

Ларин, Ю.—Об извращениях при проведении национальной политики (№ 1, стр. 59).

Таболов, К.—О национальной культуре, об украинизации и о литературной истерике Ваганяна и Ларина (№ 11—12, стр. 69).

Разное.

Астров, В.—Ответы на некоторые вопросы читателей (№ 19—20, стр. 123).

Бухарин, Н.—Наука и СССР (№ 17, стр. 15).

Волков, Г.—Слово «генерала барона Врангеля» (№ 19—20, стр. 118).

Волоконский, П., Любошиц, Л. и Плешков, П.—Современные типы деревенской буржуазии (№ 21, стр. 88).

Условия приема в ИКП (№ 3, стр. 85).

Условия приема на подготовительное отделение ИКП (№ 9, стр. 92).

Критика и библиография.

Архив К. Маркса и Ф. Энгельса.—Пашуканис (№ 18, стр. 101).

Буржуазный «мессия».—Глебов, М. (№ 18, стр. 104).

В борьбе с буржуазно-юридическим мировоззрением—Колоколкин, В. (№ 3, стр. 85).

Вишневский, А. Ф. «Исторический материализм».—Горохов, Ф. (№ 7—8, стр. 136).

Всесоюзная партперепись 1927 г.— А. Азизян (№ 23—24, стр. 170).

Ганс фон-Рымша «Зарубежная Россия в 1921—26 гг.».—Ф. Капелюш (№ 23—24, стр. 170).

Демократия наизнанку.—Капелюш (№ 21, стр. 96).

«Записки Института Ленина» № 1, 1927 г.—Александров, А. (№ 19—20, стр. 157).

Как иногда пишется история.—В. К. (№ 11—12, стр. 123).

Кондурушкин, И. «Частный капитал перед советским судом».—Александров, П. (№ 15—16, стр. 122).

Ларин, Ю.—Частный капитал в СССР.—Райек, М. (№ 21, стр. 102).

Ленин, В. И. Сочинения, т. I.—Ангарский, Н. (№ 6 стр. 103).

Ленин, В. И. Сочинения, т. XX.—Ангарский, Н. (№ 22, стр. 135).

Ленин, В. И.—т. XX доп., ч. I и 2.—Газ, Эм. (№ 2, стр. 76).

Леонтьев и Хмельницкая «Очерки переходной экономики».—Кармалитов, А. (критические заметки) (№ 23—24, стр. 152).

Литошенко, Л. Н.—«Емкость крестьянского рынка».—Стрельцов, Г. (№ 9, стр. 87).

На пути к богдановщине.—Кузьмин, Вл. (№ 14, стр. 89).

Несколько слов т. Шляпникову.—Ломакин, А. (№ 11—12, стр. 111).

Несколько маленьких поправок.—Покровский, М. (№ 14, стр. 86).

Ниринг, С. и Фримен, Д.—Дипломатия доллара.—Дм. Б. (№ 1, стр. 98).

Новая австрийская школа.—Капелюш, Ф. (№ 15—16, стр. 117).

О новой книге т. Шляпникова.—Ломакин, Ар. (№ 5, стр. 91).

О «философии» китайской революции в освещении т. Радека.—Нагиев, Дж. (№ 11—12, стр. 113).

Организация хозяйства в «марксистском» освещении.—Сивогривов, А. (№ 7—8, стр. 144).

Ответ Шляпникову.—Кин (№ 11—12, стр. 104).

Ответ критикам.—Шляпников, А. (№ 10, стр. 82 и № 11—12, стр. 99).

Отто Бауэр.—Борьба за землю.—Эльмень, Д. (№ 4, стр. 73).

Покровский, Н. «Декабристы».—Ар. С—в (№ 1, стр. 96).

«Промышленность и народное хозяйство». Сб. ст.—Розенталь, К. (№ 13, стр. 90).

Против рейснеризма.—Стальгевич, А. (№ 4, стр. 83).

Разложение австро-марксизма.—Капелюш, Ф. № 19—20, стр. 162).

Репке, В.—«Конъюнктура».—Кругликов, С. (№ 9, стр. 82).

Рецензия дыбом.—Рейснер, М. (№ 4, стр. 79).

Рубинштейн, М. — «Капиталистическая рационализация». — Александров, А. (№ 10, стр. 91).

С.-д. партии.—Цейтлин, Еф. (№ 4, стр. 67).

Серебровский, Н. П.—Рационализация производства и новое промышленное строительство СССР.—Ташин, Г. (№ 17, стр. 97).

Сталин, И. «Об оппозиции». Статьи и речи.—Таль, Б. (№ 23—24, стр. 175).

Троцкий, Л. Д., т. IX «Европа в войне».—Баевский (№ 22, стр. 140).

Четырнадцатилетний путь троцкизма.—Рютин, М. (№ 2, стр. 81).

Яковин.—Политическое развитие современной Германии. — Степанов, А. (№ 19—20, стр. 169).

ОПЕЧАТКИ.

В № 22 н. ж. в ст. т. Каценеленбогена «Об «уклонах» в нац. политике ВКП(б)» вкрались опечатки:

Напечатано на стр. 29, первая строка после таблички: «остальных», должно быть: «основных»; на стр. 30, строка 45 напечатано (в скобках): «Проведение земельно-водной реформы»..., должно быть: «проведение земельно-водной реформы—задачу своего закрепления»...

Редакция: В. Астров. Н. Бухарин. В. Молотов. А. Слепков. Е. Ярославский.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“
Москва—центр, М. Черкасский пер., 3/4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1928 ГОД

НА ЖУРНАЛ

„БОЛЬШЕВИК“

Политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП (б)

Под редакцией: **В. Астрова, Н. Бухарина, В. Молотова, А. Слепкова, Е. Ярославского.**

„БОЛЬШЕВИК“ освещает важнейшие теоретические и практические вопросы текущей политики и экономики под углом зрения ленинизма.

„БОЛЬШЕВИК“ борется со всякими уклонами, ликвидаторством и безверием.

„БОЛЬШЕВИК“ держит своих читателей в курсе основных вопросов политики и экономики текущего дня, политики и практики ВКП (б), теории и практики марксизма-ленинизма.

„БОЛЬШЕВИК“ предназначается для самых широких слоев партийного актива.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 мес.—**60** к., 3 мес.—**1** р. **75** к., 6 мес.—**3** р. **40** к., 12 мес.—**6** р. **50** к.

За границу: 1 мес. — 40 центов.

на двухнедельный научно-публицистический журнал

„РЕВОЛЮЦИЯ и КУЛЬТУРА“

„Революция и Культура“ выходит под редакцией **Н. И. Бухарина, А. М. Деборина, А. В. Луначарского, И. Л. Луполла, В. Б. Пашуканиса, П. Сапожникова, Я. Э. Стэна.**

„Революция и Культура“, широко популяризируя теорию и мировоззрение Маркса, Энгельса и Ленина, освещает важнейшие вопросы культурной революции (вопросы культурного строительства, вопросы быта и т. д.).

„Революция и Культура“ борется против враждебных и чуждых идеологических воззрений, против упадочничества и мещанства.

„Революция и Культура“ рассчитана **на широкий актив партии, комсомола, на передовые слои беспартийных рабочих, крестьян и советской трудовой интеллигенции.**

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

1 мес. . . . . — **80** к.	6 мес. . . . . **4** р. **50** к.
3 мес. . . . . **2** р. **30** к.	12 мес. . . . . **8** р. **50** к.

За границу: 1 мес.—50 центов.

Цена отдельного номера — 50 коп.

ЗАКАЗЫ И ДЕНЬГИ НАПРАВЛЯЙТЕ:

Москва, центр, М. Черкасский п., д. № 3/4, Из-ву «Правда» и «Беднота», в любое отделение «Правды», в почт. конторы, а также и письмоносцам.